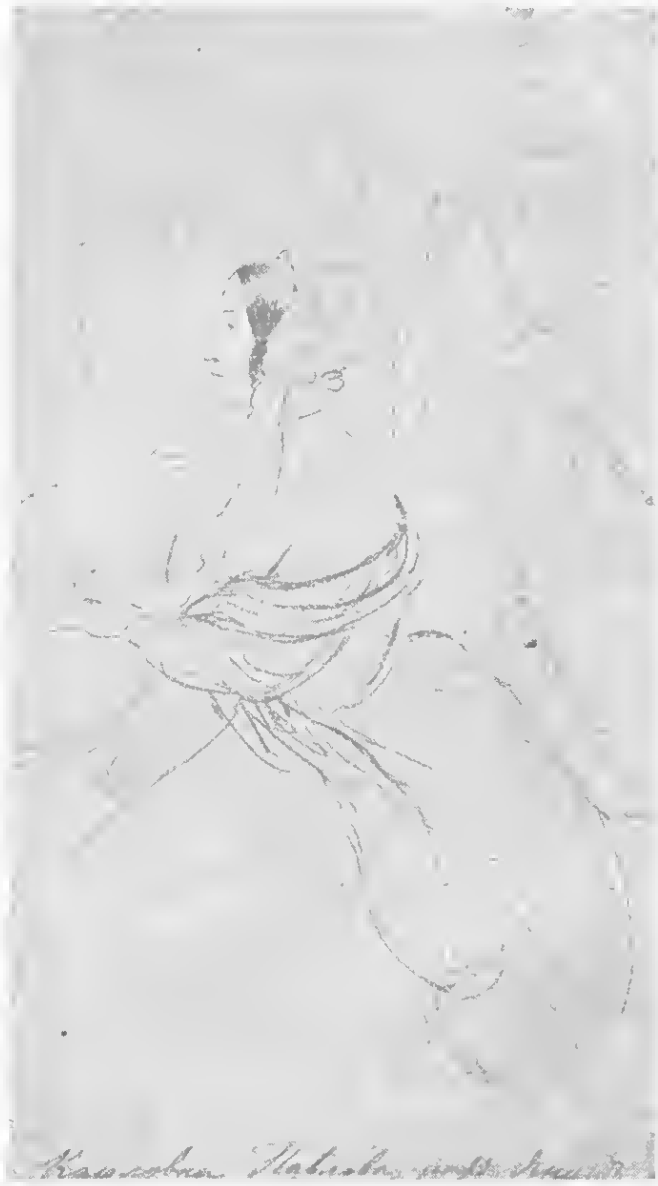
Columbia University
in the City of New York

THE LIBRARIES



КАРОЛИНА ПАВЛОВА.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

РЕДАКЦІЯ И МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ
К. ПАВЛОВОЙ ВАЛЕРІЯ БРЮСОВА.

Томъ первый.

МОСКВА.
Издательство К. Ф. Некрасова.
MCMXV.

891.7P2894
I

v. 1-2

331239
2 vols.

DEC 3 1952 Ohi

ПРЕДИСЛОВІЕ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ К. ПАВЛОВОЙ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Каролина Павлова принадлежитъ къ числу нашихъ замѣчательнѣйшихъ поэтовъ,—нужно ли это доказывать послѣ восторженной оцѣнки ея поэзіи въ отзывахъ Баратынскаго, Хомякова, Языкова, гр. А. Толстого, К. Аксакова, И. Киреевскаго, Шевырева, М. Каткова, К. Бальмонта и мн. др.? Между тѣмъ, въ наши дни лишь очень немногіе знаютъ поэзію К. Павловой, а для широкихъ круговъ читателей ея стихи какъ бы не существуютъ. Объясняется это различными причинами, которыя подробно будутъ нами разсмотрѣны на своемъ мѣстѣ, но, главнымъ образомъ,—отсутствіемъ доступнаго изданія сочиненій К. Павловой. Сборникъ „Стихотвореній", изданный ею при жизни (М. 1863), можно найти только у столичныхъ букинистовъ; другія изданныя ею книги („Разговоръ въ Кремлѣ", „Двойная жизнь" и т. п.) давно стали библіографической рѣдкостью; въ хрестоматіяхъ и антологіяхъ рѣдко встрѣчается больше двухъ-трехъ, и не особенно характерныхъ, ея стихотвореній. Издательство К. Ф. Некрасова рѣшило

пополнить этотъ пробѣлъ и предприняло изданіе „Сочиненій“ Каролины Павловой, которыя и должны появиться, въ теченіе 1914—5 гг., въ двухъ томахъ, подъ редакціей пишущаго эти строки.

Мы заранѣе оговариваемся, что наше изданіе не имѣетъ притязаній на совершенную полноту. Чтобы составить дѣйствительно „полное“ собраніе всего, написаннаго К. Павловой, слѣдовало, во-первыхъ, включить въ изданіе ея произведенія, написанныя на иностранныхъ языкахъ (по-нѣмецки, по-французски и по-англійски), что издательство нашло пока преждевременнымъ. Во-вторыхъ, чтобы обезпечить абсолютную полноту, а также чтобы провѣрить точность даваемаго, слѣдовало бы имѣть въ своемъ распоряженіи подлинныя рукописи К. Павловой, которыхъ, къ сожалѣнію, въ нашихъ рукахъ не было (кромѣ нѣсколькихъ, болѣе или менѣе случайно найденныхъ нами). Въ-третьихъ, наконецъ, пересмотрѣвъ тѣ періодическія изданія, въ которыхъ обычно сотрудничала К. Павлова, и извлекши изъ нихъ рядъ ея произведеній, не входящихъ въ отдѣльно изданный ею сборникъ „Стихотвореній“ (М. 1863), — въ томъ числѣ довольно обширную, по объему, „Кадриль“,—мы не имѣли возможности вновь проглядѣть всѣ русскія періодическія изданія и альманахи чуть не за семьдесятъ лѣтъ (1826—1892); возможно, что въ какомъ-нибудь журналѣ 40-хъ, 50-хъ

или 60-хъ годовъ найдется еще нѣсколько стихотвореній К. Павловой, въ наше собраніе не попавшихъ. Мы увѣрены, однако, что все существенное въ наше изданіе включено, такъ что оно ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть названо собраніемъ „избранныхъ“ сочиненій. Все то, что было помѣщено К. Павловой въ отдѣльно изданныхъ ею книгахъ, все то, что было ею напечатано въ журналахъ и альманахахъ, гдѣ она преимущественно сотрудничала, нашло себѣ мѣсто въ нашемъ изданіи. Къ этому присоединено не мало произведеній, разысканныхъ нами въ другихъ изданіяхъ и нѣсколько вещей, ставшихъ намъ извѣстными въ рукописяхъ. Мы можемъ утверждать, что все, составляющее подлинную художественную цѣнность среди произведеній К. Павловой, нами собрано, и предполагаемъ, что за предѣлами нашего изданія могли остаться только вещи второстепенныя, которыя врядъ ли прибавляютъ многое къ ея образу, какъ поэта и какъ человѣка.

Чтобы вполнѣ опредѣленно очертить предѣлы нашего изданія, скажемъ теперь же, что не вошло въ него слѣдующее:

1) Произведенія К. Павловой, которыя до сихъ поръ остаются въ рукописяхъ и намъ не были сообщены. Гдѣ въ настоящее время находятся эти рукописи К. Павловой и ея архивъ—намъ неизвѣстно.

2) Произведенія К. Павловой, помѣщенныя въ изда-

ніяхъ, въ которыхъ она сотрудничала „случайно“. Что такія произведенія существуютъ, есть не болѣе какъ наше предположеніе, впрочемъ, весьма вѣроятное.

3) Произведенія К. Павловой, написанныя не на русскомъ языкѣ. Ниже нами данъ, по возможности, полный списокъ этихъ произведеній, въ которомъ значатся переводы Пушкина, Баратынскаго, Языкова, гр. А. Толстого и др. на нѣмецкій языкъ, переводъ Шиллера на французскій языкъ и т. под.

4) Переводы К. Павловой, сдѣланные бѣлымъ стихомъ (нѣсколькихъ драмъ, въ томъ числѣ „Лагеря Валенштейна“ и др.). Ниже нами данъ, по возможности, полный списокъ этихъ переводовъ.

5) Письма К. Павловой, которыя, вѣроятно, хранятся въ различныхъ домашнихъ архивахъ, но собираніе которыхъ потребовало бы совершенно особой работы. На своемъ мѣстѣ нами дано одно письмо К. Павловой къ художнику А. Иванову, извлеченное нами изъ собранія Московскаго Румянцевскаго музея; въ „Матеріалахъ для біографіи“—нѣсколько отрывковъ изъ другихъ писемъ.

Напротивъ, включено въ наше изданіе слѣдующее.

1) Всѣ тѣ лирическія стихотворенія и поэмы К. Павловой, которыя входили въ изданныя ею при жизни книги: „Разговоръ въ Кремлѣ“ (Спб. 1854) и

„Стихотворенія“ (М. 1863); стихотворенія и поэмы, извлеченныя нами изъ старыхъ журналовъ, преимущественно изъ органовъ славянофиловъ, гдѣ К. Павлова особенно усердно сотрудничала („Москвитянинъ“, „Русская Бесѣда“, „Русскій Вѣстникъ“ и др.); нѣсколько стихотвореній, ставшихъ намъ извѣстными въ рукописяхъ.

2) Романъ К. Павловой, въ прозѣ и въ стихахъ, „Двойная Жизнь“, изданный ею при жизни отдѣльной книгой (М. 1848).

3) Прозаическія статьи К. Павловой, разысканныя нами въ старыхъ журналахъ (полемическій отвѣтъ критикамъ, воспоминанія о А. Ивановѣ, автобіографія и т. под.), а также письмо К. Павловой къ А. Иванову, извлеченное нами изъ собранія Московскаго Румянцевскаго музея.

4) Къ этому нами присоединено: матеріалы для біографіи К. Павловой, впервые опубликованные нами въ 1903 г. въ журналѣ „Ежемѣсячныя Сочиненія“ и нынѣ пополненные новыми данными, и составленная нами библіографія сочиненій К. Павловой и объ ней.

Весь этотъ матеріалъ раздѣленъ на два тома. Первый томъ займутъ стихотворенія К. Павловой и матеріалы для ея біографіи. Второй томъ составятъ: романъ К. Павловой „Двойная Жизнь“, ея прозаическія произведенія и библіографія.

Надѣясь, что наше изданіе хотя бы въ нѣкоторой степени удовлетворитъ всѣхъ истинныхъ цѣнителей поэзіи, которые были до послѣдняго времени лишены возможности познакомиться съ творчествомъ одного изъ лучшихъ русскихъ поэтовъ, мы видимъ въ своей работѣ лишь начинаніе въ дѣлѣ изученія поэзіи Каролины Павловой и изданія ея произведеній.

Валерій Брюсовъ.

Декабрь 1913.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ КАРОЛИНЫ ПАВЛОВОЙ.

I.

Каролина Карловна Янишъ-Павлова по происхожденію нѣмка. Родилась она въ Ярославлѣ 10 іюля 1807 года. Ея отецъ, Карлъ Андреевичъ Янишъ, вскорѣ послѣ рожденія Каролины, перваго ребенка въ семьѣ, былъ назначенъ профессоромъ физики и химіи въ знаменитую тогда московскую медико-хирургическую академію. Въ 1812 году, при вступленіи французовъ, Янишамъ пришлось бѣжать. Наслушавшись разговоровъ о Наполеонѣ, пятилѣтняя Каролина упорно просила, чтобы ее пустили къ нему; она была убѣждена, что сумѣетъ усовѣстить хищника и уговорить его вернуться во свояси. „Великая армія“ разорила смоленское имѣніе Янишей; ихъ домъ въ Москвѣ сгорѣлъ. Нѣсколько лѣтъ послѣ того они жили по чужимъ угламъ, пользуясь подъ разными благовидными предлогами милостями богатыхъ баръ.

Первоначальный возрастъ своей жизни Каролина описала сама въ воспоминаніяхъ. Тамъ нѣтъ подробностей о ея воспитаніи, но съ любовью воспроизведены картины природы, которыя въ тѣ ранніе годы запали ей въ душу. Особенно запомнилось ей Петровское-Разумовское; Яниши прожили тамъ два лѣта, когда Каролинѣ было семь или восемь лѣтъ.

Мать баловала дѣвочку. Отецъ училъ ее самъ. Лѣтъ съ пяти Каролина уже болтала на четырехъ языкахъ. Отецъ, по образованію бывшій медикомъ (хотя изъ принципа не практиковалъ), внушалъ дочери идеи въ духѣ положительнаго знанія. Каролина смѣялась надъ людьми, боящимися грозы или „трусящими пауковъ". Впрочемъ, Карлъ Янишъ считалъ себя немножко художникомъ и любилъ литературу. Каролина рано начала рисовать и зачитываться стихами. Когда она немного подросла, отецъ сталъ требовать отъ нея содѣйствія въ своихъ астрономическихъ работахъ. Самъ онъ сидѣлъ за телескопомъ, а дочь должна была слѣдить за хронометромъ. Ее вовсе не забавляло это занятіе и она часто засыпала, путая этимъ вычисленія.

Общество Каролина впервые увидѣла въ домѣ князя П. П. Одоевскаго, предложившаго Янишамъ на лѣто 1821 года флигель своего тогда еще загороднаго владѣнія у Прѣсенскихъ прудовъ („въ тѣ дни, какъ Прѣсенское поле еще заборъ не загра-

далъ"). Старый князь, переживший дѣтей и внуковъ, любилъ, чтобы въ его домѣ шумѣла жизнь. Онъ устраивалъ обѣды и празднества; у него постоянно жило нѣсколько бѣдныхъ дѣвушекъ—воспитанницъ. Каролина встрѣтила здѣсь сверстницъ, среди нихъ ей одна полюбилась особенно. „То было, разсказываетъ она, милое, кроткое существо, не способное къ борьбѣ съ судьбой, исполненное тихой преждевременной грусти. Съ ней я вела тихія бесѣды, тогда какъ съ другими рѣзвилась взапуски". 1821 годъ былъ годомъ, когда началось возстаніе грековъ. Въ умѣ Каролины, полномъ еще ребяческихъ затѣй, проснулся молодой энтузіазмъ. Она всей душой отдавалась общему увлеченію борьбой за свободу.

Вспоминая позднѣе о своей юности, Каролина воображала ее весеннимъ утромъ въ заросляхъ сирени, гдѣ сквозь дрожащую тѣнь играютъ лучи.

И плакало сладко, и радостно пѣло
Шестнадцатилѣтнее сердце во мнѣ.

II.

Въ двадцатыхъ годахъ въ Москвѣ пользовался большимъ успѣхомъ литературный салонъ княгини З. Н. Волконской. Сама писательница, умная, образованная, красавица, позднѣе въ Римѣ прозванная

Beata, княгиня стала средоточіемъ всего московскаго мыслящаго общества. Въ роскошныхъ залахъ ея дома, убранныхъ великолѣпными статуями и картинами, собирались поэты, журналисты, ученые, художники; всѣ встрѣчали привѣтливый пріемъ. Постоянными посѣтителями салона были московскіе литераторы: Баратынскій, Д. Веневитиновъ, братья Норовы, А. Н. Муравьевъ, Раичъ, Одоевскій, Кошелевъ, Шевыревъ, Погодинъ... О молодомъ Веневитиновѣ говорили даже, что стихи о любви внушены ему хозяйкой этого дома. Проѣздомъ бывали тамъ петербургскіе гости: Вяземскій, Дельвигъ, Козловъ. Въ 1825 году появился тамъ Мицкевичъ. Осенью 1826 года побывалъ тамъ Пушкинъ, возвращенный изъ ссылки. Княгиня пѣла ему его элегію „Погасло дневное свѣтило". Пушкинъ былъ живо тронутъ. Впослѣдствіи, посылая ей „Цыганъ", написалъ онъ извѣстные стихи объ ней: „Среди разсѣянной Москвы".

Въ это блестящее общество попала, кажется, черезъ Елагиныхъ, и девятнадцатилѣтняя Каролина Янишъ. Встрѣтивъ здѣсь Мицкевича, который тогда многимъ представлялся байроновскимъ героемъ—изгнанникомъ, она полюбила его своей первой любовью. Понимая, что въ пышномъ салонѣ ей невозможно обратить на себя вниманіе, Каролина стала просить отца найти ей учителя польскаго языка. Старикъ Янишъ ничего не жалѣлъ для дочери. Учите-

лемъ былъ приглашенъ Мицкевичъ, для котораго его друзья хотѣли одно время образовать каѳедру польской литературы въ московскомъ университетѣ. На этихъ урокахъ Мицкевичу открылась душа Каролины, вѣчно восторженная и уже отданная ему. Онъ узналъ ея дарованія какъ поэта и художника. *) Каролина не была красива, но въ тѣ годы могла быть привлекательна молодостью и свѣжестью. Мицкевичъ увлекся своей ученицей и предложилъ ей стать его женой. На склонѣ лѣтъ Каролина, 80-лѣтней старухой, признавала этотъ день счастливѣйшимъ въ своей жизни.

Счастіе это было непродолжительно. Добрые нѣмцы Яниши пришли въ отчаяніе при мысли о бракѣ своей дочери съ бѣднякомъ литвиномъ, стоящимъ на дурномъ счету у правительства. Были приняты всѣ мѣры, чтобы разстроить эту свадьбу. Богатый дядюшка заявилъ, что, если она состоится, онъ лишитъ Каролину и вообще Янишей наслѣдства. Позднѣе Каролина въ письмѣ къ сыну Мицкевича, Владиславу, утверждала, что сама признала это препятствіе неодолимымъ, сама не пожелала обречь любимаго человѣка на жизнь среди лишеній, „предпочла посту-

---

*) Каролина недурно рисовала; отъ нея сохранился портретъ Мицкевича (см. „Истор. Вѣстн.“ 1897 г.) и К. Аксакова (Московская выставка въ память В. Бѣлинскаго 1898 г., № 38).

пить, какъ подсказывало чувство долга". Но есть всѣ причины думать, что еще раньше Мицкевичъ пожалѣлъ о своемъ рѣшеніи, потому что онъ схватился за первое затрудненіе и поспѣшилъ, подъ его предлогомъ, уклониться отъ исполненія своего обѣщанія.

Разлука наступила не сразу. Мицкевичъ стыдился прямо отказаться отъ своего слова. Да ему и жаль было покончить съ этимъ романомъ, гдѣ его любили такъ полно и глубоко. Онъ ничего не договаривалъ до конца, оставлялъ какія-то надежды. Въ концѣ 1827 года онъ уѣхалъ въ Петербургъ и прожилъ тамъ цѣлый годъ, если не считать его пріѣзда въ Москву на нѣсколько дней. Десять мѣсяцевъ не получая никакихъ вѣстей отъ Мицкевича, Каролина рѣшилась написать къ нему, убѣдительно прося пріѣхать. „Я не могу дальше выносить столь продолжительной неизвѣстности, пишетъ она, и этого томительнаго ожиданія и этой вѣчной тревоги. Надобно, чтобы ты такъ или иначе рѣшилъ мою судьбу. Я была бы спокойна, если бы знала, что мнѣ нечего больше терять. Я много думала за эти десять мѣсяцевъ твоего отсутствія. Я убѣдилась, что не могу жить безъ думы о тебѣ, убѣдилась, что моя жизнь всегда будетъ цѣпью воспоминаній о тебѣ, Мицкевичъ. Чтобы ни случилось, душа моя принадлежитъ тебѣ одному, если же мнѣ суждено жить не для тебя, то жизнь моя похоронена, но это я снесу безропотно".

Въ томъ же письмѣ Каролина сообщила, что теперь есть возможность побороть упорство дядюшки, единственное препятствіе къ браку.

Мицкевича это письмо должно было смутить. Въ это время онъ помышлялъ о своемъ отъѣздѣ на Западъ. Въ его мечтахъ была другая женщина: но онъ поспѣшилъ въ Москву. Письмо, написанное Каролиной, видимо, въ ночь послѣ ихъ прощальнаго свиданія, даетъ угадать, о чемъ говорили они, разставаясь навсегда. Мицкевичъ предложилъ Каролинѣ свою дружбу, оставляя, однако, и на этотъ разъ надежду на иное будущее. „Привѣтъ тебѣ, мой милый, писала Каролина. Еще разъ благодарю тебя за все. За твою дружбу, за твою любовь. Я дала клятву, что постараюсь быть достойной этой любви; никогда не подумай, чтобы я могла нарушить эту клятву—такова единственная моя къ тебѣ просьба. Если я буду увѣрена, что ты никогда не измѣнишь своего мнѣнія обо мнѣ, я всегда буду спокойна, довольна и счастлива. Я счастлива и теперь, разставаясь съ тобой, быть можетъ, навѣки; и хотя бы намъ никогда уже не суждено было свидаться, я всегда буду убѣждена, что къ лучшему для насъ обоихъ; ибо такова воля Божья. Чтобы не случилось въ будущемъ, жизнь для меня будетъ пріятной: я часто буду искать въ глубинѣ своего сердца драгоцѣнныхъ воспоминаній о тебѣ, съ радостью буду

перебирать ихъ, потому что всѣ они для меня—алмазъ чистой воды. Прощай, мой другъ! Тяжело мнѣ кончить письмо съ мыслью, что, быть можетъ, никогда не прійдется и словомъ перекинуться съ тобой... Но такъ быть должно—прощай, мой другъ! все же я знаю, что ты меня любишь!“ *)

Это письмо было написано 5 апрѣля 1829 года. Въ отвѣтъ на него Мицкевичъ написалъ свои извѣстные стихи: Do imionnika panny Janisch.

Когда пролетныхъ птицъ несутся вереницы
Отъ зимнихъ бурь и вьюгъ, и стонутъ въ вышинѣ,
Не осуждай ихъ, другъ! весной вернутся птицы
Знакомымъ имъ путемъ къ желанной сторонѣ.
Но слыша голосъ ихъ печальный, вспомни друга!
Едва надежда вновь блеснетъ моей судьбѣ,
На крыльяхъ радости помчусь я быстро съ юга
Опять на сѣверъ, вновь къ тебѣ! **)

---

*) Исторію отношеній Каролины Янишъ къ Мицкевичу полно разсказалъ Іосифъ Третьякъ „Szkice literacke“, seria I. Krakow 1896. Съ его словъ она пересказана въ „Истор. Вѣстн.“ 1897 г., № 1; см. также „Сѣв. Вѣстн.“ 1897 г., № 4.

**) Poezye. Warzawa 1888, t. I, str. 158. Переводъ В. Брюсова.

А Каролина, тринадцать лѣтъ спустя, когда уже ясно стало, что „это солнце не взойдетъ“, въ годы ожесточенной политической дѣятельности Мицкевича, подводила такіе итоги этимъ надеждамъ, мелькавшимъ ей на зарѣ жизни:

Къ тебѣ теперь я думу обращаю,
Безгрѣшную, хоть грустную—къ тебѣ!
Несусь душой къ далекому мнѣ краю
И къ отчужденной мнѣ давно судьбѣ.
Не таковы разстались мы съ тобою,
Разстались мы, ты помнишь ли, поэтъ?
А счастья даръ предложенъ былъ судьбою...
Да, можетъ быть, а, можетъ быть, и нѣтъ!
. . . . . .
Кто не стоялъ испуганно и нѣмо
Предъ идоломъ развѣнчаннымъ своимъ?

III.

Въ 1829 году Мицкевичъ навсегда разстался съ Москвой. Нѣсколькими мѣсяцами раньше уѣхала въ Италію княгиня Волконская, и салонъ ея распался. Каролина осталась одна со своими думами и книгами. И слѣдующее десятилѣтіе—самое темное въ ея біографіи.

Лѣтомъ того же 1829 года Москву посѣтилъ вы-

сокій гость—Александръ Гумбольдтъ, ѣхавшій по предложенію нашего правительства на Уралъ. Гумбольдтъ былъ лакомъ до остроумныхъ бесѣдъ и самъ умѣлъ говорить красиво, пересыпая рѣчь сарказмами. Въ бесѣдахъ съ Каролиной онъ нашелъ именно то, чего искалъ *) и на прощаніе вписалъ ей въ альбомъ какія-то особенно лестныя строки. Вниманіе Гумбольдта къ Янинъ подало поводъ къ извѣстной эпиграммѣ, ходившей по рукамъ. **)

Каролина продолжала появляться въ литератур-

---

*) Кн. П. А. Черкасскій говаривалъ (позднѣе): „Мнѣ противны женщины, которыя изъ ума своего дѣлаютъ что-то вродѣ ремесла, какъ графиня Ростопчина и Каролина Павлова". („Русск. Арх. 1896 г. 1, стр. 223).

**) Эпиграмма приписывалась С. Соболевскому, но въ собр. его соч. (М. 1912) она напечатана неточно; болѣе вѣрный текстъ данъ въ „Татевскомъ Сборн.", стр. 109:

Даруетъ небо человѣку
Замѣну слезъ и частыхъ бѣдъ:
Блаженъ, кто могъ библіотеку
Себѣ завесть подъ старость лѣтъ.
Блаженъ, кто дикаго Урала
Проникъ таинственный хребетъ:
Огнемъ топаза и берила
Его сіяетъ кабинетъ.
Но тотъ блаженнѣй Каролина,
Кто, брилліанты полюбя,
За ними ѣздилъ изъ Берлина
И здѣсь въ Москвѣ нашелъ тебя.

ныхъ кругахъ. Съ 1829 года она начинаетъ пересылаться посланіями съ Е. А. Баратынскимъ и Н. М. Языковымъ. Баратынскій вписалъ ей въ этомъ году въ альбомъ стихи „Альбомъ походитъ на кладбище“, кончающіеся словами: „Философъ я, у васъ въ глазахъ мое ничтожество я знаю“. Что Баратынскій цѣнилъ поэтическое дарованіе Каролины, объ этомъ говоритъ она сама:

Меня вы назвали поэтомъ,
Мой стихъ небрежный полюбя,
И я, согрѣта вашимъ свѣтомъ,
Тогда повѣрила въ себя.

Первое посланіе Языкова къ Каролинѣ относится тоже къ 1829 г.; это сонетъ, въ которомъ онъ говоритъ, что его стихъ трепетно падаетъ ницъ въ ея альбомѣ, гдѣ онъ окруженъ „великихъ именами“.

Въ 1830 г. Языковъ написалъ Каролинѣ восемь стиховъ „при посылкѣ деревянной ложки на колесцахъ изъ Троице-Сергіевской лавры“.

Въ 1831 г. онъ такъ благодарилъ ее за переводы его стиховъ на нѣмецкій языкъ:

Вы силою волшебныхъ думъ своихъ
Прекрасную торжественность мнѣ дали,

Вы на златыхъ струнахъ переиграли
Простые звуки струнъ моихъ. *)

На этихъ переводахъ русскихъ стиховъ на нѣмецкій языкъ сосредоточивалась почти вся литературная дѣятельность Каролины за первую половину 30-хъ годовъ. Немного переводила она еще на французскій языкъ; еще меньше писала сама по-нѣмецки и по-французски. Нѣмецкіе переводы Каролины доставлены были въ рукописи Гете (извѣстнымъ переводчикомъ русскихъ поэтовъ на англійскій языкъ Джономъ Воурингомъ). Гете, послѣ знакомства съ Жуковскимъ, интересовался славянскимъ міромъ, послалъ Пушкину свое перо и началъ, лишь недавно опубликованную, статейку о суздальскихъ иконахъ.

---

*) Они обмѣнялись посланіями еще въ 1840 и 1844 г. Но въ томъ же 1844 г. Языковымъ написано извѣстное посланіе „Къ не нашимъ". Каролина писала тогда:

Нѣтъ, не могу я дать отвѣта
На вызовъ мирный, какъ всегда.
Мнѣ стала нынѣ лира эта
И непонятна и чужда.
Не признаю ея напѣва!
Не онъ въ тѣ дни плѣнялъ мой слухъ,
Въ ней крикъ пуническаго гнѣва,
Въ ней злобный пробудился духъ.

Впрочемъ, Каролина и Языковъ продолжали встрѣчаться и послѣ. (См. статью Шенрока о Языковѣ. „Вѣстн. Евр." 1897 г.).

Стихи Каролины онъ одобрилъ и послалъ ей ласковое письмо. Эти переводы Каролины Янишъ были изданы за границей отдѣльно подъ заглавіемъ: Karoline von Janisch. Das Nordlicht. Proben der neuern russischen Litteratur. Erste Lieferung. Dresden und Leipzig. 1833. Больше всего въ этой книгѣ было переводовъ изъ Пушкина; въ концѣ было приложено нѣсколько оригинальныхъ стихотвореній Каролины.

Das Nordlicht, „Сѣверное Сіяніе", прошло мало замѣченнымъ въ русской литературѣ. Единственный современный отзывъ принадлежитъ И. Киреевскому и былъ имъ напечатанъ въ одесскомъ альманахѣ „Подарокъ бѣднымъ". *) „Переводы, пишетъ онъ, сдѣланы одной дѣвушкой, одаренной самыми разнообразными и самыми необыкновенными талантами. Сколько я могу судить, то переводы эти превосходятъ всѣ извѣстные до сихъ поръ съ русскаго на какіе бы то ни было языки. Менцель уже объявилъ въ Литературныхъ листкахъ о выходѣ „Сѣвернаго Сіянія", и я жду его разбора съ нетерпѣніемъ. Лю-

---

*) Письмо А. Н. Зонтагъ. „Подарокъ бѣднымъ". Одесса 1834 г. Ив. Киреевскій былъ издавна знакомъ съ Янишами. Изъ заграницы 5/17 авг. 1830 г. онъ писалъ: „Поклонитесь Янишамъ и скажите имъ, что мы такъ часто думаемъ о нихъ и особенно такъ любимъ вспоминать ихъ пятницы, что имъ въ честь и въ воспоминаніе завели пятницы у себя". (Соч. Ив. Киреевскаго т. I, стр. 66).

бопытно видѣть, что самый остроумный изъ нѣмецкихъ критиковъ скажетъ о нашей литературѣ, которая теперь въ первый разъ явилась ему въ настоящемъ видѣ". Года черезъ три послѣ появленія „Сѣвернаго Сіянія" объ немъ поминалъ М. Н. Катковъ въ своей статьѣ „Отзывъ иностранца о Пушкинѣ". *) „Переводы, сказано тамъ, можно назвать образцами переводовъ: художническая отдѣлка соединилась въ нихъ съ изумительною вѣрностью и близостью. Талантъ переводчицы имѣлъ силу передать все благозвучіе, весь гармоническій блескъ сверкающаго стиха Пушкина. Ни одинъ образъ его не измятъ, ни одинъ оттѣнокъ его красокъ не потерялъ своей первоначальной свѣжести и чистоты".

Въ декабрьской книжкѣ „Revue Germanique" за 1835 г. напечатанъ отрывокъ перевода Каролины на французскій языкъ Шиллеровской Іоанны д'Аркъ. Позднѣе (въ 1837 г.) Н. Ф. Павловъ писалъ объ этомъ: „Если „Revue Germanique" принялъ сцены, посланныя по почтѣ безъ всякой протекціи, то это есть ужъ достаточное ручательство". Переводъ всей трагедіи былъ изданъ отдѣльною книгою. Jeanne d'Arc tragédie de Schiller, traduite en vers français par M-me Caroline Pavlof, née Jaenisch. Paris 1839. Въ томъ же письмѣ Н. Ф. Павлова поминается о переводахъ Каролины

*) „Отеч. Записки" 1839 г. № 5.

на французскій языкъ съ англійскаго, польскаго и русскаго. *)

Дѣятельность Каролины, какъ русскаго поэта, и вмѣстѣ съ тѣмъ новый періодъ въ ея жизни начинается съ середины 30-хъ годовъ. Въ 1836 году умеръ тотъ ея дядюшка, чья роковая воля послужила препятствіемъ ея брака съ Мицкевичемъ. Яниши получили въ наслѣдство довольно значительную сумму денегъ и 1000 душъ въ подмосковной. Докторъ Янишъ и самъ владѣлъ кой-какими деньжонками, которыя скрывалъ изъ скопидомства. Каролина стала вдругъ богатой невѣстой. Это во многомъ измѣнило отношенія къ ней и повело къ ея браку съ Павловымъ.

Николай Филипповичъ Павловъ былъ года на четыре старше Каролины. Онъ былъ сыномъ грузинки, вывезенной Платономъ Зубовымъ изъ персидскаго похода. Впослѣдствіи грузинка была выдана за лакея. Павловъ мальчикомъ былъ отданъ въ Театральное училище, жилъ у директора его Ѳ. Ѳ. Кокош-

---

*) О переводахъ Каролины на французкій языкъ изъ Мицкевича поминаетъ А. И. Тургеневъ („Русск. Арх.“ 1896 г. № 2). „Я желалъ бы перечесть, писалъ онъ изъ Парижа въ 1841 г., ея удивительныя воспроизведенія Мицкевича; здѣсь они бы имѣли большой и справедливый успѣхъ“.

Нѣкоторыя приписываютъ Каролинѣ анонимно изданную книгу: Les Préludes. Paris. 1839. Ed. A. Tourguénieff et I. de Ronchaud.

кина, и, случалось, стаивалъ за его стуломъ съ тарелкой въ рукахъ. Смѣтливый юноша сумѣлъ, однако, освободиться отъ ненавистной ему актерской карьеры и сдѣлаться писателемъ. Сборникъ его разсказовъ („Три повѣсти"), вышедшій въ 1835 году, имѣлъ громадный успѣхъ. Въ одной повѣсти былъ выведенъ въ привлекательномъ видѣ крѣпостной человѣкъ, въ другой оправдывался солдатъ—рядовой, заколовшій офицера. На заглавномъ листѣ была виньетка, изображающая дракона, поражаемаго кинжаломъ отъ руки невидимаго. Въ тогдашнихъ журналахъ (особенно въ „Московскомъ Наблюдателѣ") Павлова превозносили. Ѳ. И. Тютчевъ въ письмѣ изъ Мюнхена къ кн. Гагарину (1836 г.) признавалъ эту книгу выдающимся явленіемъ въ русской литературѣ. Пушкинъ, думавшій написать о ней статью, чтобы ограничить неумѣренныя похвалы „Московскаго Наблюдателя", все же называлъ повѣсти Павлова „очень замѣчательными". Гр. Уваровъ, министръ народнаго просвѣщенія, представилъ книгу государю. Николай I прочелъ ее съ карандашемъ въ рукахъ и нашелъ въ ней много неумѣстнаго. Перепечатка ея была запрещена, а цензору былъ сдѣланъ строгій выговоръ. *)

---

*) О Н. Ф. Павловѣ существуетъ довольно обширная литература, перечислять которую здѣсь не мѣсто. О успѣхѣ его

Встрѣчаясь съ Каролиной въ литературныхъ гостиныхъ, Павловъ обыкновенно относился къ ней насмѣшливо. Наружностью онъ былъ вовсе непривлекателенъ и нисколько не походилъ на героя романа. Извѣстіе о бракѣ вѣчно восторженной Каролины Янишъ съ прозаическимъ Николаемъ Филипповичемъ возбудило общее недоумѣніе. Говорили, что Каролина почти насильно женила его на себѣ, чтобы не остаться въ старыхъ дѣвахъ. Но исторія съ „Тремя повѣстями" могла произвести впечатлѣніе на Каролину; Павловъ могъ ей представляться отважнымъ борцомъ за униженныхъ и оскорбленныхъ. Съ другой стороны, Павловъ, въ молодости испытавшій всяческія лишенія, долгое время принужденный довольствоваться заработками мелкаго чиновника, не прочь былъ вмѣстѣ съ женой получить состояніе.

„Павловъ женится на Каролинѣ Янишъ, писалъ въ январѣ 1837 г. А. С. Хомяковъ А. В. Веневитинову. *) Она получила, говорятъ, богатое наслѣдство... Какъ бы то ни было, онъ дѣлаетъ умно, и какъ бы ни толковали, а я буду думать, что онъ женится, какъ пишетъ (по его словамъ) не и з ъ денегъ, но и не б е з ъ денегъ".

„Трехъ повѣстей" есть отдѣльная статья М. И. Сухомлинова, „Древняя и Новая Россія" 1875 г.

*) Сочиненія А. С. Хомякова, изд. 1900 г. VIII стр. 39.

IV.

Въ 40-хъ годахъ Москва была средоточіемъ оживленной литературной дѣятельности. Шла борьба западниковъ съ славянофилами. Каролина, ставши Павловой, поспѣшила открыть у себя литературный салонъ. Богатый домъ Янишей на Рождественскомъ бульварѣ, со швейцаромъ на парадномъ подъѣздѣ, гостепріимно раскрылъ двери. Н. Ф. Павлову за десять лѣтъ своихъ журнальныхъ скитаній случалось встрѣчаться чуть ли не со всѣми русскими писателями; теперь онъ приглашалъ къ себѣ ихъ всѣхъ безъ различія направленій. Онъ завелъ хорошаго повара, лично занимался кухней, а въ особо важныхъ случаяхъ и закупкой провизіи. Къ Павловымъ стали ѣздить, чтобы хорошо поѣсть. *)

Общество на этихъ собраніяхъ было самое разнообразное. Пораньше приходилъ студентъ Фетъ, выслушивалъ стихи Каролины, чтобы прочесть свои, хвалилъ, чтобы его похвалили. Студентъ Полонскій

---

*) Объ этомъ періодѣ жизни Каролины сохранился цѣлый рядъ показаній въ запискахъ современниковъ. Таковы: И. И. Панаевъ. „Литературныя воспоминанія“ С.П.Б. 1876 г.; Воспоминанія Головачевой-Панаевой („Ист. Вѣст.“ 1889 г.); „Посмертныя записки Берга“ („Русск. Стар.“ 1890); Д. В. Григоровичъ. „Литературныя воспоминанія“ („Нива“, Ежем. прилож. 1898 г. № 12); А. А. Фетъ. „Ранніе годы моей жизни. М. 1893 г., и др.

робко молчалъ, слушалъ и въ „умѣ“ не соглашался съ высказываемыми мнѣніями. Ю. Самаринъ смѣшилъ хозяйку, Кетчеръ злилъ ее, нарушая нѣмецкую чопорность дома. Здѣсь Хомяковъ встрѣчался съ Герценомъ и Огаревымъ, Шевыревъ съ Грановскимъ. Самыми частыми посѣтителями были братья Аксаковы. Бывали и старики, напр., М. Н. Загоскинъ. Однажды А. И. Тургеневъ читалъ у Павловыхъ отрывокъ изъ ненапечатанныхъ тогда записокъ Шатобріана. Членъ французской палаты депутатовъ Мегенъ, путешествовавшій по Россіи и побывавшій у Павловыхъ, спрашивалъ послѣ у Погодина: „Одинъ ли у васъ въ Москвѣ кругъ, гдѣ говорятъ, какъ у насъ въ Парижѣ или многіе“. *)

Всѣ современныя записки изображаютъ собранія у Павловыхъ нѣсколько въ комическомъ видѣ. „Когда Н. Ф. Павловъ представилъ меня своей супругѣ, разсказываетъ Панаевъ, я ощутилъ невольную робость. Передо мной явилась высокая, худощавая дама, вида строгаго и величественнаго. Въ ея позѣ, въ ея взглядѣ было что-то царственно театральное. Она остановилась между двумя колоннами, съ чувствомъ достоинства слегка наклонила голову на мой поклонъ и потомъ протянула мнѣ руку съ величіемъ царицы.

---

*) Н. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина, V, стр. 477.

Черезъ пять минутъ я узналъ отъ г-жи Павловой, что она пользовалась большимъ вниманіемъ А. Гумбольдта и Гете. Черезъ четверть часа Каролина Карловна продекламировала мнѣ нѣсколько стихотвореній, переведенныхъ ею съ нѣмецкаго".

Это описаніе пополняетъ Бергъ: „На литературныхъ вечерахъ у Павловой читались непремѣнно ея произведенія. Читалъ обыкновенно кто-нибудь изъ ея друзей, напр., Константинъ или Иванъ Аксаковъ. Каролина Карловна сидѣла въ это время съ подножіемъ въ видѣ лодочки, чтобы плавающіе кругомъ полуботы и бриги огибали мысомъ и не безпокоили гички царицы. Павловъ, когда читали стихи его супруги, обыкновенно стоялъ подлѣ ея стула, опустивъ въ землю глаза, какъ бы слушая и соображая. Онъ никогда ни однимъ словомъ и ни однимъ движеніемъ не измѣнилъ въ этомъ случаѣ себѣ." Тутъ же находились и старики Яниши: отецъ—старецъ съ серебряными кудрями, „нѣчто среднее между Гете и Гриммомъ", и мать—добрая нѣмка, словно снятая со старинной фламандской картины.

Головачева-Панаева разсказываетъ: „У Грановскихъ я встрѣтила К. К. Павлову и слышала чтеніе ея стиховъ, которые она только что сочинила и наизусть прочла во время своего визита. Въ разговоръ она вставляла постоянно строфы стиховъ на нѣмецкомъ языкѣ изъ Гете, изъ Байрона—на англійскомъ,

изъ Данте—на итальянскомъ, а по-испански привела какую-то пословицу. Она больше говорила съ Грановскимъ, нежели съ нами. Павлова была уже не молода и некрасива, очень худенькая, но съ величественными манерами".

Къ годамъ совмѣстной жизни съ Павловымъ (1837—1845) относится самая напряженная жизнь Каролины, какъ писательницы. Она считала потерянными дни, когда „думы счастья и печали, мелькая мимо, не блистали златою ризою стиховъ". Стихи ея печатались въ большинствѣ тогдашнихъ повременныхъ изданій. *) Сначала въ ея поэзіи господствовало вліяніе нѣмецкихъ романтиковъ, потомъ она увлекалась ученіемъ славянофиловъ. Ихъ кругъ всего сочувственнѣе относился къ творчеству Каролины. А. С. Хомяковъ, въ 1841 году, писалъ Языкову: „Недавно Павлова читала прекрасную балладу свою „Старуха". Павловъ передъ ней пасуетъ. Скоро ея стихи будутъ читаться больше его повѣстей. Онъ, кажется, боится этого". К. Аксаковъ написалъ восторженное предисловіе къ роману Каролины. Шевыревъ— его восторженный раз-

---

*) Въ „Москвитянинѣ", „Отеч. Зап.", „Современникѣ", „Моск. Городск. Листкѣ", „Сѣверной Пчелѣ", „Русскомъ Вѣстн"., „Пантеонѣ", „Раутѣ", „Московск. Сборникѣ", „Утренней Звѣздѣ", позднѣе въ „Вѣстникѣ Евр." и въ „Бесѣдѣ въ общ. Л. Р. С." Перечень всего напечатаннаго Павловой составленъ Н. Н. Голицынымъ въ его словарѣ русскихъ писательницъ. СПБ. 1889 г.

боръ. И. Аксаковъ въ письмахъ упоминаетъ о Каролинѣ, какъ о первомъ поэтѣ своего времени. Восхищеніе И. Киреевскаго стихами Каролины подало поводъ заподозрить его въ нѣжномъ чувствѣ къ немолодой уже писательницѣ. *) Замѣчательно, что въ то время, какъ Каролина, нѣмка по происхожденію, находила въ душѣ отзывъ убѣжденіямъ славянофиловъ, ея мужъ, сынъ крѣпостного человѣка, тянулъ къ западникамъ.

Къ Каролинѣ и ея стихамъ западники относились неблагосклонно. Больше другихъ цѣнилъ ея поэзію сначала Грановскій. „Г-жа Павлова, разсказываетъ Панаевъ, одно время со свойственной ей бойкостью завладѣла было совсѣмъ Грановскимъ недѣли на двѣ. Она перечитала ему всѣ свои поэмы и стихотворенія, и Грановскій увлекся было риторикой Павловой, началъ не въ мѣру восхвалять ея стихи. Пріятели

---

*) А. Хомяковъ, Соч. т. VIII; Ив. Аксаковъ. Письма; „Моск. Сборн.“ 1846 г; „Татевскій сборн.“, стр. 108; „Русская Старина“ 1896 г. № 12; письма Языкова, и др. Подозрѣніе было неосноватсльное, но городскіе слухи подали поводъ нѣкоему Померанцеву сочинить слѣдующія вирши, которыя „за краткость очень хвалила сама Каролина Павлова“:

Каролина,
Ты причина,
Что дѣтина
Сталъ скотина!

подсмѣивались надъ нимъ, особенно Бѣлинскій". Увлеченіе это продолжалось недолго. Въ началѣ 50-хъ годовъ Грановскій писалъ Е. Б. Чичериной: „Что касается г-жи Павловой, она сплетничаетъ. Кажется, она больше ничего не дѣлаетъ, но въ этомъ дѣлѣ проявляетъ несомнѣнный талантъ: больше страсти и поэзіи, чѣмъ въ своей поэзіи. Она сплетничаетъ даже про грудныхъ младенцевъ. Я мало видаю это нѣжное и кроткое созданіе, но она съ упорствомъ называетъ меня своимъ другомъ. Въ глубинѣ души она меня теперь ненавидитъ". *) Около того же времени Ив. Тургеневъ писалъ Погодину: „Стихи Павловой и Растопчиной—это какой-то любострастный пискъ, который намъ хотятъ выдать за античность, и хотя бы стихи были хороши! Нѣтъ, этого рода поэзія негодится никуда". **)

Въ 1848 году Каролиной былъ изданъ отдѣльной книгой романъ („Двойная Жизнь". Очеркъ. М. 1848), съ эпиграфомъ изъ Байрона (Our life is twofold... etc), и съ посвященіемъ „нѣмымъ сестрамъ души", всѣмъ „Психеямъ, лишеннымъ крыльевъ". Романъ написанъ стихами и прозой. „Въ прозѣ, поясняетъ К. Аксаковъ, разсказывается внѣшняя, свѣтская пустая жизнь, окружающая героиню романа. Въ стихахъ выражается

---

*) Т. Н. Грановскій и его переписка. М. 1897 г.

**) Жизнь и труды М. П. Погодина. XII, стр. 276.

внутреній голосъ души ея, ею несознаваемый, ею невѣдомый, но всегда сопровождающій эту внѣшность, которая не въ силахъ его подавить". Романъ возбудилъ любопытство и имѣлъ нѣкоторый успѣхъ; о немъ немало говорили и спорили. *) Въ томъ же 1848 году, во время обще-европейскихъ смутъ, Каролина написала „Разговоръ въ Тріанонѣ", который считала своимъ лучшимъ произведеніемъ. Здѣсь изображены бесѣдующими о начинающейся революціи графъ Мирабо и Каліостро въ часы веселаго праздника въ Тріанонѣ. Въ свое время цензура не пропустила этихъ стиховъ и впервые они были на-

---

*) „Жизнь и труды" М. П. Погодина, IX, стр. 454. Рецензіи были въ „Отеч. Зап." (№ 558), „Библ. для чтенія" (т. 87), „Москвитянинѣ" (ч. 2. № 4), „Современникѣ" (т. VIII № 3, отдѣлъ III) и „Сынѣ Отеч." (т. V. отд. 6). Изъ нихъ неблагосклонной была только одна, барона Розена въ „Сынѣ Отечества". Въ „Библ. для чтенія" писали (М. А. Дмитріевъ?): „Эта небольшая книга стояла, кажется, прежде на мраморномъ пьедесталѣ въ Ватиканѣ или въ Медицейской галлереѣ, а изъ греческой статуи превратилась въ книгу: такъ чистъ рисунокъ ея общей линіи, такъ проста и красива мысль, такъ тонко изображены и изваяны подробности". Сохранилось шутливое посланіе къ Павловой К. Аксакова, въ которомъ онъ проситъ ее публично, въ салонѣ Оболенскихъ, прочитать этотъ романъ: „Я съ просьбой къ вамъ великою... и т. д. (См. „Извѣстія Моск. Литер.-Худ. Кружка", 1914, № 7).

печатаны за границей *) Третье большое произведеніе Каролины, поэма „Кадриль“, писалось очень медленно. Хомяковъ упоминаетъ объ немъ еще въ 1842 году, передавая и его содержаніе: „Барыни, собравшись на балъ, разсказываютъ свою исторію другъ другу. Въ стихѣ при истинной поэзіи сохранена легкость и непринужденность свѣтскаго женскаго разговора, и это сдѣлано съ такимъ искусствомъ, отъ котораго часто не отказался бы Пушкинъ“. Въ „Московитянинѣ“ 1849 года было даже сообщено, что: „К. Павлова подаритъ скоро публику прекраснымъ сочиненіемъ „Кадриль“. Но поэма появилась только въ „Русск. Вѣстникѣ“ 1859 года.

V.

Семейная жизнь Павловыхъ текла сначала мирно. Одно время Н. Ф. Павловъ цѣнилъ стихи своей жены. Вскорѣ послѣ женитьбы онъ писалъ А. А. Краевскому: „Вы, вѣроятно, знаете уже, что я женатъ. Жена моя также занимается литературой и пишетъ на иностранныхъ языкахъ. „Въ 1833 году изданы въ

*) Въ сборникѣ, изданномъ подъ редакціей Н. Огарева, „Русская потаенная литература XIX ст.“, Лондонъ 1861 г. „Разговоръ въ Тріанонѣ“ напечатанъ съ отличіями отъ извѣстныхъ текстовъ А. И. Кирпичниковымъ по списку, найденному въ бумагахъ П. А. Чаадаева. Русск. Стар. 1897 г. № 1.

Лейпцигѣ ея переводы. Сколько мы всѣ можемъ здѣсь судить, эти переводы истинно хороши; это говоритъ человѣкъ, который держится системы, что женъ не должно баловать *). Въ одномъ стихотвореніи, противополагая себя космополитикѣ и свободной въ своемъ творчествѣ гр. Растопчиной, Каролина писала:

Люблю Москвы я миръ и стужу,
Въ тиши свершаю скромный трудъ,
И отдаю я просто мужу
Мои стихи на строгій судъ.

Но это согласіе между супругами продолжалось недолго. Каролина взяла себѣ въ домъ бѣдную родственницу изъ остзейскихъ провинцій курносую блондиночку Танненбергъ. У Каролины всегда была склонность къ бѣднымъ и покорнымъ существамъ. Танненбергъ была довольно хорошо образованна, начитана, любила литературу и занималась живописью. Каролина проводила съ ней цѣлые дни въ бесѣдахъ о искусствѣ. Но безотвѣтная Танненбергъ оказалась столь же безотвѣтной, столь же покорной и для другихъ. Когда на нее обратилъ благосклонное вниманіе хозяинъ дома, она не оказала особаго сопротивленія. Спустя нѣкоторое время произошло нѣчто

*) Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1892 г.

такое, что заставило бѣдную родственницу переѣхать на другую квартиру. У Николая Филипповича явилось два семейства, и второе быстро разросталось. *)

Въ началѣ семейной жизни Павловъ былъ все-таки довольно виднымъ мужчиной. Въ театрѣ, сидя въ первомъ ряду, въ желтыхъ перчаткахъ, въ лакированныхъ сапогахъ, съ особой граціей нюхая табакъ изъ золотой табакерки, онъ казался знатнымъ бариномъ. Бѣлинскій, неловкій, въ поношенномъ сюртукѣ, былъ просто жалокъ, когда стоялъ рядомъ съ Павловымъ. Но довольно быстро, въ нѣсколько лѣтъ, Павловъ обратился въ старикашку, паралитически моргающаго, съ какой-то шишкой на шеѣ, все возраставшей, которую онъ тщетно пряталъ подъ хитрыми галстухами. **) Отъ прежняго глашатая правъ униженныхъ и оскорбленныхъ въ немъ не оставалось ничего. Каролина изображала своего мужа въ такихъ стихахъ:

Сперва онъ думалъ что и онъ поэтъ
И драму написалъ, Марина Мнишекъ,
И повѣсти; но скоро понялъ свѣтъ
И бросилъ чувствъ и думъ пустой излишекъ.

---

*) Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1892 г.
**) Панаевъ, стр. 237. Бергъ, IV.

. . . . . .

Съ премудростью онъ излагалъ женѣ
Значеніе семейнаго начала,
Весь долгъ *ея* онъ сознавалъ вполнѣ,
Но самъ межъ тѣмъ стѣснялся бракомъ мало.

Скоро открылись и другія темныя стороны въ отношеніяхъ супруговъ. Имѣніе, которое Каролина принесла за собой, какъ приданое (Гиреево), Павловъ нашелъ разстроеннымъ и началъ его устраивать. Онъ ѣздилъ туда часто, распекалъ приказчиковъ, и трудно было сказать, что именно онъ дѣлаетъ тамъ, особенно Каролинѣ, занятой міровыми поэтами, и старикамъ Янишамъ, не имѣвшимъ никакого понятія о русской деревнѣ и русскомъ хозяйствѣ. Затѣмъ открылось, что Павловъ—страстный игрокъ. Еще Пушкинъ въ письмѣ къ П. В. Нащекину давалъ совѣтъ: „съ Павловымъ не играй“ *). Понемногу уступивъ „салонъ“ женѣ, Н. Ф. сталъ на своихъ вечерахъ предаваться картамъ. Своеобразное управленіе имѣніемъ, усиленные расходы по второму семейству и большіе карточные проигрыши поставили, наконецъ, Павловыхъ въ затруднительное денежное положеніе. Въ концѣ 40-хъ годовъ Каролина

*) Письмо отъ 11 іюня 1831 г. Анекдотъ о игрѣ Павлова съ Нащекинымъ см. „Русск. Стар. 1880 г, № 12.

взяла было съ мужа слово „не брать картъ въ руки"; но это не помогло; говорятъ, онъ дѣйствительно пересталъ брать ихъ, но сажалъ за себя другого... Дѣла шли все хуже и хуже.

Окончательный разрывъ наступилъ осенью 1852 г. Карлъ Янишъ отправился къ генералъ-губернатору, гр. А. А. Закревскому, съ жалобой на зятя. Закревскій уже давно косо посматривалъ на Павлова за его стишки по поводу разныхъ реформъ, вводимыхъ тогда въ Москвѣ („Не молодъ ты, не глупъ..."). Воспользовавшись случаемъ отомстить Павлову, Закревскій назначилъ внезапный обыскъ, подъ предлогомъ, что карточная игра могла быть нечестной. Крапленыхъ картъ у Павлова не нашли, но вся его библіотека была наполнена запрещенными книгами: тутъ была и „Полярная Звѣзда", и Герценъ, и кн. Долгорукій, и разные иностранные „зажигатели". Въ то время это было важнымъ проступкомъ. Павловъ попалъ сначала въ долговое отдѣленіе, „въ яму", за долги, а потомъ въ мартѣ 1852 г. былъ высланъ административнымъ порядкомъ въ Пермь.

Павловъ какъ-то воспрянулъ духомъ подъ вліяніемъ постигшаго его удара. Его письма, писанныя изъ „ямы" и изъ Перми, проникнуты сознаніемъ несправедливости. „Нѣтъ, господа, писалъ онъ, если-бъ кто изъ васъ попалъ подъ такое гоненіе, я бы поднялъ всѣхъ святыхъ на ноги. Мое дѣло—всѣмъ дѣ-

ло общее, всѣмъ, кто хоть на волосъ любитъ правду.“ Въ письмахъ изъ Перми онъ высказывалъ опасенія за судьбу сына, Ипполита (единственнаго ребенка Павловыхъ), жаловался, что его учатъ на нѣмецкій ладъ, что его намѣрены обучать химіи и астрономіи, а исключены изъ числа предметовъ русскій языкъ и законъ Божій. *) Можетъ быть, въ этихъ жалобахъ была и доля лицемѣрія, но положеніе Павлова тронуло его знавшихъ. Въ Пермь къ нему былъ написанъ цѣлый рядъ сочувственныхъ писемъ, хотя большинство сознавало, что Павловъ самъ не безъ вины. „Конечно, по дѣлу вы правы, писалъ ему А. И. Кошелевъ, но по жизни вообще, по легкости, съ которой вы смотрѣли на ходъ вещей, по увлеченію, съ которымъ вы предавались картамъ и пр.,—вы не правы. Необходимо было васъ осадить и усадить.“ „Видно человѣку не прожить на свѣтѣ безъ оплеухъ по лицу, писалъ А. С. Хомяковъ. Хорошо коли кто можетъ сказать себѣ: получилъ, да не заслужилъ. Одно жаль, что никто объ себѣ этого сказать не можетъ. Поэтому остается еще одно хорошее сказать себѣ: получилъ не безъ заслуги, да и не безъ пользы. Въ этомъ всякій воленъ.“ Подобныя же мысли

---

*) Письма Павлова изъ „ямы“ и изъ Перми напечатаны въ Отчетѣ Имп. П. Б. за 1892 г.

высказывали С. П. Шевыревъ, Т. Н. Грановскій и А. Веневитиновъ. *)

Ссылка Н. Ф. Павлова продолжалась мѣсяцевъ девять. Участіе въ немъ принялъ сначала начальникъ Пермской губ. И. И. Огаревъ, затѣмъ сама императрица. Павловъ былъ прощенъ. Явился онъ въ Москвѣ совершенно неожиданно, 27 декабря, прямо на именины С. П. Шевырева. Гости подходили къ закускѣ, устроенной близь входныхъ дверей, а Павловъ (о которомъ незадолго передъ тѣмъ говорили, причемъ воображали его далеко)—стоитъ на порогѣ. Послѣ своего приключенія повелъ онъ прежнюю жизнь журналиста, и только старикъ С. Т. Аксаковъ брюжжалъ въ письмѣ: „Зачѣмъ Павлова всѣ по прежнему принимаютъ!“

VI.

Ссылка Павлова получила такую огласку, что Каролинѣ оказалось неудобнымъ оставаться въ Москвѣ. По городу ходили злыя эпиграммы Соболевскаго на нее **). Т. Н. Грановскій писалъ Фролову изъ Москвы:

---

*) Письма къ Павлову въ Пермь напечатаны въ „Моск. Вѣд.“ 1894 г. № 140., „Русск. Обозрѣніи“ 1894 г. № 4, у Барсукова „Жизнь и труды М. П. Погодина,“ XI, стр. 439 и сл. и въ Перепискѣ Т. Н. Грановскаго, М. 1897 г.

**) С. А. Соболевскому приписываютъ рядъ эпиграммъ на К. Павлову. Одна приведена выше. Изъ другихъ наиболѣе злая

„Здѣсь много дряни. Одна Каролина чего стоитъ.“ А въ другомъ письмѣ: „Жена его (Павлова)—чудовище, старикъ, (т. е. К. А. Янишъ)—глупъ; кого можно жалѣть въ этомъ домѣ это мать, страдающая за всѣхъ, и сынъ (Ипполитъ).“ Весной 1883 г. Каролина со своимъ семействомъ уѣхала въ Петербургъ. Но въ Петербургѣ свирѣпствовала тогда холера. Заразившись ею, умеръ Карлъ Янишъ. Напуганная Каролина, увлекая за собою мать и Ипполита, бѣжала дальше, въ Дерптъ. Тѣло старика Яниша осталось на попеченіи трактирнаго слуги, который заѣхалъ было съ нимъ не въ ту церковь.

слѣдующая („Эпиграммы и экспромты С. А. Соболевскаго,“ подъ ред. В. Каллаша, М. 1912):

Ахъ, куда не взглянешь,
Все любви могила!
Мужа мамзель Янишъ
Въ яму посадила.
Молитъ эта дама,
Молитъ все о мужѣ:
„Будь ему та яма
Уже, туже, хуже...
Въ ней его держите
Лѣтъ, если возможно,
Хоть бы до десятку,
А тамъ съ подорожной
Дальше отошлите:
Пусть его хоть въ Вятку,
Коль нельзя въ Камчатку.“

Только къ 12 часамъ ночи, благодаря содѣйствію генерала Ѳ. И. Рерберга, родственника Янишей, гробъ нашелъ себѣ пріютъ на ночь. Отсутствіе Каролины на похоронахъ отца еще больше возстановило противъ нея общественное мнѣніе. *)

Лѣто и осень 1853 года Каролина прожила въ Дерптѣ. Она переживала нерадостные дни. Стихи ея, написанные около этого времени, выражаютъ сознаніе отчужденности. Къ одному стихотворенію поставлено эпиграфомъ: Vae victis! Тогда же она перевела безнадежную поэму Шамиссо, „Salas-y-Gomez.“ Въ стихотворномъ прологѣ она говоритъ, что съ дѣтства любила этотъ разсказъ о несчастномъ и что теперь ей „пришла пора“ помянуть его, „какъ поминаетъ грустно брата обрядомъ набожнымъ сестра“. Эпиграфомъ выбраны слова Данта: „Dirò come colui che piange e dice“. Къ Дерптскому періоду жизни Каролины относится и ея сближеніе съ гр. А. К. Толстымъ, нѣсколько оживившее ее. Она сравнила себя съ пилигримомъ въ пустынѣ, уже упавшемъ на песокъ и умиравшемъ отъ жажды, которому встрѣчный путникъ подалъ глотокъ воды. Въ стихахъ, прямо посвященныхъ гр. А. К. Толстому, она благодаритъ его—

---

*) Письмо Н. Ф. Павлова къ Шевыреву отъ 18 іюня 1853 г. Отчетъ Имп. П. Б. за 1892 г.

За то, что вновь мнѣ есть свѣтило,
Что вновь восторгъ мнѣ сталъ знакомъ,
И что я вновь заговорила
Моимъ завѣтнымъ языкомъ.

Политическія событія того времени вызвали цѣлый рядъ поэтическихъ отзывовъ. Патріотическія стихотворенія переполняли журналы и десятками выходили въ отдѣльныхъ изданіяхъ. Каролиной въ Дерптѣ тоже была написана маленькая поэма на современную тему „Разговоръ въ Кремлѣ", въ которомъ она болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, выразила близость своихъ убѣжденій къ ученію славянофиловъ. „Разговоръ" былъ напечатанъ въ „Сѣверной Пчелѣ", а затѣмъ вышелъ отдѣльной книжкой (Спб. 1854 г. „Посвящено моему сыну"). Появленіе ея вызвало насмѣшливую рецензію въ Современникѣ, гдѣ еще такъ недавно печатался цѣлый рядъ стиховъ Каролины и гдѣ о ея поэзіи всегда отзывались съ большой похвалой. Каролина попыталась было отвѣчать „письмомъ въ редакцію", гдѣ опровергала дѣлаемые ей упреки. Но на это письмо данъ былъ редакціонный отзывъ, подписанный И. Панаевымъ, гдѣ надъ Каролиной прямо глумились. Панаевъ вспоминалъ тамъ, между прочимъ, какъ она надоѣдала лично ему чтеніемъ своихъ стиховъ.

Видя со всѣхъ сторонъ враждебное отношеніе къ

себѣ, Каролина рѣшилась уѣхать изъ Россіи. Она побывала въ Италіи и въ Константинополѣ, о чемъ мечтала съ дѣтства. Свои стихотворныя путевыя картинки она назвала фантасмагоріей, желая выразить быструю смѣну разнообразныхъ и какъ бы невѣроятныхъ видѣній. Проѣхавъ потомъ въ Германію, Каролина свидѣлась въ Берлинѣ съ знакомцемъ юности—Гумбольдтомъ. „Согласитесь, сударыня, сказалъ ей старый острякъ, я любезенъ: я ждалъ васъ 30 лѣтъ. Другой на моемъ мѣстѣ давно бы умеръ.“ *) Въ Швейцаріи, въ Интерлакенѣ, Каролина встрѣтилась съ извѣстнымъ художникомъ А. Ивановымъ. Они познакомились случайно на улицѣ, но скоро очень сблизились. **)

Осенью 1857 года Каролина поселилась на зиму въ Дрезденѣ (Hôtel de Pologne). Отъ этого времени сохранилось ея письмо (помѣченное 25 сентября) къ Иванову, бывшему тогда въ Парижѣ, гдѣ она сообщаетъ между прочимъ: „Хожу почти каждое утро въ картинную галлерею, а вечеромъ въ театръ... Головы апостоловъ, рисованныя Леонардо-да-Винчи, точно находятся въ герцогскомъ дворцѣ въ Веймарѣ. Въ томъ-же Веймарскомъ дворцѣ находится много

*) „Татьевскій сборникъ.“—Тамъ же письмо А. Гумбольдта къ К. Павловой (1853), стр. 112-113.

**) Статья К. Павловой о Ивановѣ см. „Русскій Вѣстникъ“, 1858 г.

безцѣнныхъ рисунковъ, нарисованныхъ рукою Рафаэля, Микель Анжело, Джуліо Романо и другихъ славнѣйшихъ мастеровъ: такія прелести, что глаза разбѣгаются. Всѣ эти дивные рисунки висятъ въ простыхъ дубовыхъ рамахъ въ небольшой комнатѣ, изъ которой я съ трудомъ рѣшилась выйти.“ *) Въ то же время Каролина перевела на нѣмецкій языкъ статью Ковалевскаго о Ивановѣ. Когда же въ слѣдующемъ году Ивановъ неожиданно скончался отъ холеры, Каролина помѣстила объ немъ восторженную статью въ „Русскомъ Вѣстникѣ.“ Весной 1858 года посѣтилъ въ Дрезденѣ Каролину—П. И. Бартеневъ и провелъ нѣсколько дней въ бесѣдахъ съ ней. „Можно сказать, разсказываетъ онъ, что стихи свои и чужіе не сходили съ ея устъ.“ **)

Весной 1858 года Каролина ненадолго пріѣзжала въ Россію. Въ 1861 году она навсегда покинула родину.

Бѣгутъ вдоль дороги все ели густыя,
Туда къ рубежу,
Откуда я ѣду, туда, гдѣ Россія...
Я вслѣдъ имъ гляжу.
Кчему же мнѣ слушать какъ шепчутся ели,
Все мимо скользя?

---

*) Рукопись Румянцевскаго музея. Бумаги А. Иванова.
**) „Русскій Архивъ“, 1894 г. № 1.

О чемъ бы напомнить они не сумѣли,—
Вернуться нельзя!

За-границей Каролина окончательно поселилась въ Дрезденѣ. Въ 1863 году она собрала свои стихи и переслала ихъ въ Россію, гдѣ они и были изданы О. Ѳ. Кошелевой, подъ наблюденіемъ профессора П. Д. Бѣляева, въ видѣ некрасивой книжки на плохой бумагѣ (Стихотворенія К. Павловой. Моск. 1863 г.) Это далеко не полное собраніе даже оригинальныхъ стиховъ Каролины: изъ многочисленныхъ же ея переводовъ сюда вошли всего два—три. *)

Живя въ Германіи, Каролина еще ближе сдружилась съ гр. А. Толстымъ, и одно время вся предалась переводу его произведеній на нѣмецкій языкъ, утѣшая свои несбывшіяся мечты тѣмъ, что „и на того свою печать искусство свято наложило, кто могъ творенье Рафаила своею кистью передать.“ Въ перепискѣ гр. А. Толстого **) есть цѣлый рядъ упоминаній о Каролинѣ. 1-го апрѣля 1861 г. изъ Краснаго Рога (Черниговской губерніи) гр. Толстой пи-

*) Рецензіи были въ 1863 г., въ „Библіотекѣ для чтенія“, № 8, „Голосѣ“. № 6, „Русс. Словѣ“, № 6 и „Современникѣ“, № 6. Въ „Современникѣ“ писали: „Вся эта поэзія есть ничто иное, какъ примѣненіе пріятныхъ манеръ къ случайно встрѣчающимся на пути предметамъ.“

**) „Вѣстникъ Европы“, 1895 и 1897 г. и отд., Спб. 1911 г.

салъ: „Не могу удержаться вамъ цитировать одну изъ фразъ m-me Павловой, которая мнѣ показалась болѣе чѣмъ лестна. Такъ какъ сюжетъ Донъ-Жуана совершенно извѣстенъ, и читатель знаетъ впередъ, что должно случиться, то она меня сравнила съ шахматнымъ игрокомъ, который заранѣе показываетъ мѣсто на доскѣ, гдѣ онъ дѣлаетъ матъ.“ Въ своихъ письмахъ гр. Толстой не жалѣетъ восторженныхъ отзывовъ о переводахъ Каролины. Въ одномъ мѣстѣ (въ 1869 г.) онъ приводитъ свое стихотвореніе „Противъ Теченія“ по нѣмецки, замѣчая: „Я вамъ цитирую переводъ Каролины, потому что безо всякой фальшивой скромности я забылъ подлинникъ.“ Каролина перевела всего „Донъ Жуана“ гр. Толстого, его драмы „Ѳеодоръ Іоанновичъ“ и „Смерть Іоанна Грознаго“ и не мало балладъ. *) „Ѳеодоръ Іоанновичъ“, въ ея переводѣ, былъ поставленъ въ Веймарѣ. Говоря о переводѣ Каролины „Смерти Валленштейна“ (Шиллера) на русскій языкъ, гр. Толстой пишетъ: „Переводъ верхъ совершенства; мнѣ доставило истинное удовольствіе сравнить его съ подлинникомъ.“

---

*) Отдѣльно издано: „Don Juan“ von graf Alexis Tolstoy. Drezden, 1863 и „Zar Fedor Iwanovitsh“, Trauerspiel von graf A. Tolstoy. Dresden, 1869. „Смерть Валленштейна“ напечатана въ „Вѣстникѣ Европы“ 1868 г. №№ 7 и 8.

Великая княгиня Елена Павловна, благоволившая къ Каролинѣ, выхлопотала ей пенсію. Другую она получила послѣ представленія „Ѳедора Іоанновича“, по ходатайству гр. Ал. Толстого, отъ его царственнаго друга. Обладая и сама еще довольно значительными средствами, Каролина доживала свои дни въ довольствѣ. Изрѣдка она пріѣзжала въ Россію. Въ 1868 г. она читала свой переводъ „Смерти Валленштейна“ въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности. Читала Павлова, какъ говорятъ, плохо, съ напыщенной декламаціей, и это чтеніе подало поводъ къ колкимъ эпиграммамъ. *)

Изрѣдка стихи Павловой находили себѣ пристанище въ малочитаемыхъ русскихъ изданіяхъ. Но въ Россіи шли 60-ые и 70-ые годы, когда было не до стиховъ... Понемногу всѣ почему-либо дорогіе или близкіе къ Каролинѣ люди уходили изъ міра жи-

---

*) Одна изъ нихъ опять приписывается С. А. Соболевскому (и, кажется, еще не была напечатана):

Забывъ о милой Каролинѣ
И прелести ея стиховъ,
Я уѣзжалъ вчера ins Grüne
Послушать майскихъ соловьевъ.
Но бывшія въ собраньи лица
Единогласно говорятъ,
Что эдакъ воетъ лишь волчица,
Когда . . . . . .

выхъ. Мицкевичъ умеръ еще въ 1855 г. Въ 1864 г. умеръ въ Москвѣ Н. Ф. Павловъ, въ послѣдніе годы жизни нѣсколько разъ шумѣвшій въ журнальномъ мірѣ своими статьями. Въ 1879 году умеръ послѣдній другъ Каролины, гр. А. К. Толстой. Ея единственный сынъ, Ипполитъ, на котораго когда-то она возлагала такія надежды, которому давалось воспитаніе, какъ несомнѣнному генію,—сдѣлался литераторомъ, писалъ стихи, удачно перевелъ рядъ сценъ изъ Фауста, но прошелъ мало замѣченнымъ. Съ матерью, кажется, онъ былъ въ размолвкѣ по поводу своей женитьбы. Онъ умеръ въ 1882 году.

Каролина осталась одна. Сначала она жила въ самомъ Дрезденѣ, потомъ въ деревнѣ подъ городомъ. Объ ней забыли въ Россіи, ее считали умершей, въ журналахъ объ ней говорили, какъ о дѣятелѣ иной, отжитой эпохи. Окруженная старческими мечтами и воспоминаніями, Каролина уходила думой все глубже и глубже въ годы. Недавнее прошлое, ея успѣхи въ Веймарѣ, уже стали казаться ей такими ничтожными, уже забылась и шумная, литературная московская жизнь, „та грустнаго счастья пора, и домъ тотъ съ уютнымъ покоемъ, и тихіе тѣ вечера“...

Дума дряхлой старухи все чаще, все любовнѣе обращалась къ ея восемнадцатой веснѣ, ко днямъ, когда она была невѣстой Мицкевича. Сбылось ея юношеское пророчество: воспоминанія объ немъ остались для нея луч-

шими драгоцѣнностями жизни. Въ 1890 году Каролина писала сыну Мицкевича Владиславу: „Воспоминаніе о этой любви и доселѣ является счастьемъ для меня. Время вмѣсто того, чтобы ослабить, лишь укрѣпило эту любовь. Съ благодарностью вспоминаю о томъ благословенномъ днѣ, когда онъ спросилъ меня, желаю ли я быть его женой. Онъ всегда стоитъ передо мной, какъ бы живой. Для меня онъ не пересталъ жить. Я люблю его, не переставала любить его все время. Онъ мой, какъ былъ моимъ когда-то“.

2 декабря 1893 года Каролина Павлова скончалась.

Валерій Брюсовъ.

Зовет нас назад: — идем, мутнеть,
Вот мы,
Но в краткий час, от открыть
Грань невзгод
И открыть стать, и скорее сердце
— Дорогой будем среди пирамидных
И вдруг блеснут далекие Земли,
И будем власть опять свое бремя.

Остановись горе на половине —
Прислонив первой кругом бросьмо
За тем цветы и тайной день
Я перед тем тревоги и зимний
Как он, впереди плачу в ратные
Я боле плачу уже назад, —

Тамъ много есть чего не возвратишь
Прелестна тамъ и радость и печаль.
Тамъ много есть любимаго, святаго
Разбитаго судьбою навсегда. —
Зачем вы души задать готовы?
Зачем вы зарождать без света?

Зачем вы мне безнадежные
Вы, взывание в меня, в мечты,
Даль жаркихъ слезъ, и горестные
Раздумья! утешь. вы чудные мои!
И полетелъ, среди сердечной тьмы,
Лучъ зарделъ и тихо, как во сны?

ЛИРИКА И БАЛЛАДЫ.

1838—1861.

1838 г.

I.

Е. МИЛЬКѢЕВУ.

Да, возвратись въ пріютъ свой скудный:
Отвѣтъ тамъ дастъ на гласъ пѣвца
Гранитъ скалы и долъ безлюдный,—
Здѣсь не откликнутся сердца.

Забудь, что мы тебѣ сказали,
Покинь, что встрѣтилъ въ первый разъ;
Тебя и мы не разгадали,
И ты, пришлецъ, не понялъ насъ.

Въ глухую степь, у края свѣта,
Далеко отъ людскихъ бесѣдъ,
Туда забросилъ Богъ поэта;
Ему межъ нами мѣста нѣтъ.

Не гулъ тамъ разговоровъ скучныхъ,
Тамъ бури бѣшеный набѣгъ,

И гласъ лѣсовъ сѣдыхъ и звучныхъ,
И шумъ твоихъ сибирскихъ рѣкъ.

Тамъ подъ родными небесами,
Не зная нашей суеты,
Забывши насъ, забытый нами,
Поэтомъ сохранишься ты!

Ноябрь. 1838.

1839.

I.

ДА ИЛЬ НѢТЪ.

За листкомъ листокъ срывая
Съ бѣлой звѣздочки полей,
Ей шепчу, цвѣтку ввѣряя,
Что скрываю отъ людей.
Суевѣрное мечтанье
Видитъ въ немъ себѣ отвѣтъ
На сердечное гаданье,
Будетъ *да* мнѣ, или *нѣтъ?*

Много въ сердцѣ вдругъ проснется
Незабвенно-давнихъ грезъ,
Много изъ груди польется
Страстныхъ просьбъ и горькихъ слезъ.
Но на дѣтское моленье,
На порывы бурныхъ лѣтъ,
Сердцу часто провидѣнье
Молвитъ милостиво: *нѣтъ!*

Стихнутъ жажды молодыя;
Можетъ быть, зашепчутъ вновь
И мечтанья неземныя,
И надежда, и любовь.
Но на зовъ видѣній рая,
Но на сладкій ихъ привѣтъ,
Сердце, жизнь воспоминая,
Содрогнувшись молвитъ: *нѣтъ!*

Іюнь. 1839.

II.

Шопотъ грустный, говоръ тайный,
Какъ въ груди проснешься ты
Отъ неясной, отъ случайной,
Отъ несбыточной мечты?...

И унылый и мятежный,
Душу всю наполнитъ онъ,
Будто гулъ волны прибрежной,
Будто колокола звонъ.

И душа трепещетъ страстно,
Буйно рвется изъ оковъ,
Но безплодно, но напрасно:
Нѣтъ ей звуковъ, нѣтъ ей словъ.

О, хоть мигъ ей! мигъ летучій,
Мигъ единый, мигъ святой!
Чтобъ окрѣпнуть немогучей,
Чтобы вымолвить нѣмой!

Есть же свѣтлые пророки,
Вдохновенья торжества,
Пѣсенъ звучные потоки
И державныя слова!...

Шопотъ грустный, говоръ тайный,
Какъ въ груди проснешься ты,
Отъ неясной, отъ случайной,
Отъ несбыточной мечты!...

1839.

III.

СОНЕТЪ.

Не дай ты потускнѣть душѣ зеркально-чистой
Отъ ихъ дыханія, невинный ангелъ мой!
Какъ въ дѣтствѣ, отражай игрой ея сребристой
Всѣ сказки чудныя, даръ старины святой.

Дивися хитростямъ русалки голосистой,
Пусть чудится тебѣ косматый домовой;
Волшебныхъ тѣхъ цвѣтовъ храни вѣнокъ душистый,
Тѣ суевѣрія—нарядъ любви младой.

Вѣрь, дѣва милая, преданіямъ стариннымъ,
Въ сердечной простотѣ внимай разсказамъ длинным;
Пусть люди мудрые ихъ слушаютъ шутя,

Но ты пугайся ихъ вечернею порою:
Моей души твоя хотѣла быть сестрою,
Безпечный же поэтъ всегда душой дитя.

1839.

IV.

Есть любимцы вдохновеній,
Есть могучіе пѣвцы;
Ихъ побѣдоносенъ геній,
Имъ восторги поколѣній,
Имъ награды, имъ вѣнцы.

Но проходитъ между нами
Не одинъ поэтъ нѣмой,

Съ безполезными мечтами,
Съ молчаливыми очами,
Съ сокровенною душой.

Этихъ манитъ свѣтъ напрасно,
Мысль ихъ дѣвственно дика;
Лишь порой, имъ неподвластна,
Ихъ слеза заблещетъ ясно,
Вспыхнетъ жарко ихъ щека.

Имъ внушаютъ вдохновенье
Не высокіе труды.
Ихъ призванье, ихъ умѣнье—
Слушать ночью вѣтра пѣнье
И влюбляться въ лучъ звѣзды.

Пусть не ихъ толпа лелѣетъ;
Пусть имъ только дастъ она
Уголокъ, гдѣ шумъ нѣмѣетъ,
Гдѣ полудня солнце грѣетъ,
Гдѣ съ небесъ глядитъ луна.

Не для пользы же народовъ
Вся природа расцвѣла:
Есть алмазъ подземныхъ сводовъ,
Рѣки есть безъ пароходовъ,
Люди есть безъ ремесла

Сентябрь. 1839.

V.

Да, много было насъ младенческихъ подругъ;
На дѣтскомъ праздникѣ сойдемся мы бывало,
И нашей радостью гремѣла долго зала,
И съ звонкимъ хохотомъ нашъ разставался кругъ.

И мы не вѣрили ни грусти, ни бѣдамъ,
На встрѣчу жизни шли толпою свѣтлоокой;
Блисталъ предъ нами міръ роскошный и широкій,
И все, что было въ немъ, принадлежало намъ.

Да, много было насъ;—и гдѣ тотъ свѣтлый рой?...
О, каждая изъ насъ узнала жизни бремя,
И небылицею то называетъ время,
И помнитъ о себѣ, какъ будто о чужой.

Декабрь. 1839.

VI.

ПОЭТЪ.

Онъ вселенной гость, ему всюду пиръ,
Всюду край чудесъ;
Ему данъ въ удѣлъ весь подлунный міръ,
Весь объемъ небесъ.

Все живитъ его, ему все кругомъ
Для мечты магнитъ;
Зажурчитъ ручей, вотъ и въ хоръ съ ручьемъ
Его стихъ журчитъ.

Зареветъ ли лѣсъ при борьбѣ съ грозой,
Какъ сердитый тигръ;
Ему бури вой лишь предметъ живой
Сладкозвучныхъ игръ.

1839.

1840 г.

I.

ДОЧЬ ЖИДА.

Томно вѣютъ сикоморы,
Садъ роскошный тихъ и нѣмъ;
Сонъ сомкнулъ живые взоры,
Успокоился гаремъ.

Что главу склоня такъ низко,
Въ залѣ мраморной одна,
Что сидишь ты, одалиска,
Неподвижна и блѣдна?

Или слушаешь ты, дѣва,
Средь завѣтной тишины
Звуки дальнаго напѣва,
Дальный гулъ морской волны?—

Въ область счастья, въ область мира,
Красотой своей горда,

Ждетъ могучаго эмира
Дочь единая Жида.

Безъ заботы, безъ боязни,
Здѣсь забудетъ, хоть на мигъ,
И побѣды онъ, и казни,
И враговъ послѣдній крикъ.

Много ль сладостныхъ приманокъ
Для владыки ты найдешь?
Черноокихъ ли гречанокъ
Пѣснь влюбленную споешь?

Или гуріей небесной
Передъ нимъ запляшешь ты?
Или сказкою чудесной
Развлечешь его мечты?

„Нѣтъ, не пѣсней, нѣтъ, не сказкой
Встрѣчу здѣсь владыку я,
Но святою, чистой лаской,
Лучше плясокъ и пѣнья—

„Въ этотъ жданный часъ отрады
Вспомню мать свою я вновь,
Всѣ эмировы награды,
Всю эмирову любовь—

„И узнаетъ онъ нѣмую
Думу тайную мою;
Тихимъ вздохомъ очарую,
Взоромъ страстнымъ упою.

„И склонясь съ улыбкой нѣжной
Къ повелителю лицомъ,
Жаръ груди его мятежной
Усмирю моимъ ножомъ.“

Январь. 1840.

II.

МОНАХЪ.

Блѣдноликій,
Инокъ дикій,
Что забылся ты въ мечтахъ?
Что такъ страстно,
Такъ напрасно
Смотришь въ даль, сѣдой монахъ?

Что угрюмой
Ищешь думой?
Чуждъ весь міръ тебѣ равно;
Что любилъ ты,
Съ кѣмъ грустилъ ты,—
Все погибло ужъ давно.

Бросилъ рано
Свѣтъ обмана
Ты для мира Божьихъ мѣстъ;
Жизни цѣлью
Сдѣлалъ келью,
Вмѣсто счастья, взялъ ты крестъ.

Лѣтъ ты много
Прожилъ строго,
Память въ сердцѣ истребя;
Для былого
Нѣтъ ни слова,
Нѣтъ ни вздоха у тебя.

Или тщетно
Долголѣтно
Ты смирялъ душевный пылъ?
Иль въ святынѣ
Ты и нынѣ
Не отрекся, не забылъ?

Блѣдноликій
Инокъ дикій,
Что забылся ты въ мечтахъ
Что такъ страстно,
Такъ напрасно
Смотришь въ даль, сѣдой монахъ?

Январь. 1840.

III.

МОТЫЛЕКЪ.

Чего твоя хочетъ причуда?
Куда, мотылекъ молодой,
Природы блестящее чудо,
Взвился ты къ лазури родной?
Не зналъ своего назначенья,
Былъ долго ты праха жилецъ;
Но время второго рожденья
Пришло для тебя, наконецъ.
Упейся же чистымъ эѳиромъ,
Гуляй же въ небесной дали.
Порхай оживленнымъ сапфиромъ,
Живи, не касаясь земли.—

Не то ли сбылось и съ тобою?
Не такъ ли, художникъ, и ты
Былъ скованъ житейскою мглою,
Былъ червемъ земной тѣсноты?
Средь грустнаго также безсилья
Насталъ часъ урочный чудесъ,
Внезапно расширилъ ты крылья
Узналъ себя сыномъ небесъ.
Покинь же земную обитель
И участь прими мотылька;
Свободный, какъ онъ, небожитель,
На землю гляди съ высока!

Февраль. 1840.

IV.

ПѢСНЯ.

Небо блещетъ бирюзою,
Золотисты облака;
Отъ чего съ младой весною
Разлилась въ груди тоска?

Отъ того ли, что, безпечно
Свѣжей радостью дыша,
Міръ широкій молодъ вѣчно,
И старѣетъ лишь душа?

Что все живо, что все цѣло,—
Зелень, пѣсни и цвѣты,
И лишь сердце не сумѣло
Сохранить свои мечты?

Отъ того ль, что съ новой силой
За весной весна придетъ,
И надъ каждою могилой
Равнодушно расцвѣтетъ?

Февраль. 1840.

V.

СТАРУХА.

I.

„Не гони неутомимо
По широкой мостовой,
Не скачи такъ скоро мимо
Ты, мой всадникъ удалой!

„Не гляди ты такъ спесиво,
Ты не слушай такъ слегка:
Знаю я, какъ молчаливо
Дума точитъ смѣльчака;

„Какъ просиживаетъ ночи
Онъ угрюмъ, неизлечимъ;
Какъ напрасно блещутъ очи
Всѣхъ красавицъ передъ нимъ.

„Средь веселій залы шумной,
Въ тишинѣ лѣсной глуши,
Знаю—бредъ его безумный,
Грусть блажной его души.—

„Усмѣхайся ты притворно,
Погоняй коня ты въ скокъ;

Не всегда же такъ проворно
Пронесешься, мой ѣздокъ.

„Хоть стучатъ коня копыта,
Не заглушатъ словъ моихъ;
Хоть скачи ты, хоть спѣши ты.
Не ускачешь ты отъ нихъ,—

„И взойдешь въ мою лачужку,
Мой красавецъ, въ добрый часъ;
Ты послушаешь старушку,
Не сведешь съ нее ты глазъ.“

Пыль въ дали столбомъ взвивалась,
Проскакалъ ѣздокъ давно,
И старуха засмѣялась,
И захлопнула окно.

И какъ только слышенъ снова
Звонкій топотъ бѣгуна,
Ужъ красавца молодого
Ждетъ старуха у окна.

Слово какъ стрѣлу вонзаетъ
Въ глубину сердечныхъ ранъ,
Взоръ за юношей бросаетъ,
Какъ невидимый арканъ.—

И прошло то время скоро,
Что съ утра до тьмы ночной
Ржалъ у ветхаго забора
Быстроногій вороной.

Что творится у старухи
Съ чернобровымъ молодцомъ?—
Ужъ въ народѣ ходятъ слухи,
Слухи странные о томъ.

2.

Близъ лампады одинокой
Онъ сидитъ, нетерпѣливъ,
Въ сумракъ комнаты глубокій
Очи жгучія вперивъ.
Что младому сердцу снится?
Ждетъ чего оно теперь?
Дверь, бѣлѣя, шевелится,
И старуха входитъ въ дверь,
Входитъ дряхлая, сѣдая,
И садится, и опять,
Обольщая, возмущая,
Начинаетъ рѣчь шептать.
Юной грусти бредъ мятежный,
Сокровенныя мечты,
Одѣваетъ въ образъ нѣжный,
Въ непорочныя черты.

Говоритъ про дѣву—чудо,
Такъ что вѣрится едва,
И беретъ, Богъ вѣсть откуда,
Ненаслушныя слова.
Какъ щеки ея душистой
Томно блещетъ красота,
Какъ сомкнуты думой чистой
Недоступныя уста.
Какъ очей синѣетъ бездна
Лучезарной темнотой,
Какъ они сіяютъ звѣздно
Надъ мірскою суетой.
Какъ спокоенъ взоръ могучій,
Какъ кудрей густая мгла
Обвиваетъ черной тучей
Ясность строгаго чела.
Какъ любить ее напрасно,
Какъ, всесильная, она
Увлекательно прекрасна,
Безнадежно холодна.—
А въ покоѣ темно, глухо,
Бьетъ вдали за часомъ часъ;
Соблазнительно старуха
Шепчетъ, шепчетъ свой разсказъ,
Говоритъ про дѣву—чудо,
Такъ что вѣрится едва,
И беретъ, Богъ вѣсть откуда,
Ненаслушныя слова.

3·

На конѣ неутомимо
По широкой мостовой
Ужъ давно не скачетъ мимо
Нашъ красавецъ удалой.

Въ зимней стужѣ, въ лѣтнемъ зноѣ
Онъ и ночью, онъ и днемъ
Въ запертомъ сидитъ покоѣ,
Со старухою вдвоемъ.

Неподвижный, весь исчахлый,
Онъ сидитъ, какъ самъ не свой,
И въ лицо старухѣ дряхлой
Смотритъ съ жадностью нѣмой.

Февраль. 1840.

VI.

Нѣтъ, не имъ твой даръ священный;
Нѣтъ, не имъ твой чистый стихъ!
Нѣтъ, ты съ пѣснью вдохновенной
Не пойдешь на рынокъ ихъ!

Заглушишь ты думъ отзывы,
И не дашь безумцамъ ты

Толковать твои порывы,
Клеветать твои мечты.

То, чѣмъ сердце трепетало,
Сбережешь ты отъ людей;
Не сорвешь ты покрывала
Съ дѣвственной души своей.

Тайну грустныхъ вдохновеній
Не узнаютъ никогда;
Ты, какъ призракъ сновидѣній,
Пронесешься безъ слѣда.

Безглагольна передъ свѣтомъ,
Будешь пѣть въ тиши ночей:
Гость ненужный въ мірѣ этомъ,
Неизвѣстный соловей.

1840.

VII.

Н. М. ЯЗЫКОВУ

ОТВѢТЪ.

Невѣроятный и нежданный
Слетѣлъ ко мнѣ пѣвца привѣтъ,
Какъ лавра листъ благоуханный,
Какъ южныхъ странъ прелестный цвѣтъ.
Тамъ вы теперь;—туда бывало
Просилась подышать и я,
И я мечтою улетала
Въ тѣ благодатные края.
Но даромъ не проходитъ время,
Мнѣ принесло свой плодъ оно,
И суетныхъ желаній бремя
Я съ сердца сбросила давно.
И примирилась я съ Москвою,
Съ отчизной лѣни и снѣговъ;
Вездѣ есть небо надъ главою,
Вездѣ есть много чудныхъ сновъ;
Вездѣ проходятъ звѣзды мимо,
Вездѣ напрасно любишь ихъ,

Вездѣ душа неукротимо
Въ борьбахъ измучится пустыхъ.
О Римѣ нынѣ не тоскуя,
Москвѣ сравненьемъ не вредя,
Стихи здѣсь русскіе пишу я,
При шумѣ русскаго дождя.
Покинувъ скромную столицу
Для полугородскихъ полей,
Шлю изъ Сокольниковъ я въ Ниццу
Дань благодарности моей,—
Слова сердечнаго отвѣта
Въ родной, далекой сторонѣ,
За сладкозвучный даръ поэта,
За вспоминанье обо мнѣ.

Іюнь. 1840 г.

VIII.

ДУМА.

Грустно вѣтеръ вѣетъ.
Небосклонъ чернѣетъ,
И луна не смѣетъ
Выглянуть изъ тучъ;
И сижу одна я,

Мгла кругомъ густая,
И не утихая
Дождь шумитъ, какъ ключъ.

И въ душѣ уныло
Онѣмѣла сила,
Грудь тоска стѣснила,
И сдается мнѣ
Будто все напрасно,
Что мы просимъ страстно,
Что мелькая ясно,
Манитъ насъ во снѣ.

Будто средь волненій
Буйныхъ поколѣній
Чистыхъ побужденій
Не созрѣетъ плодъ;
Будто все святое
Въ сердцѣ молодое,
Какъ на дно морское,
Даромъ упадетъ!

Августъ. 1840.

IX.

10-го НОЯБРЯ 1840.

Среди заботъ и въ людной той пустынѣ,
Свои мечты покинувъ и меня,
Успѣлъ ли ты былое вспомнить нынѣ?
Завѣтнаго ты не забылъ ли дня?
Подумалъ ли, скажи, ты нынѣ снова,
Что съ вѣрою я дѣтской, въ оный часъ,
Изъ рукъ твоихъ свой жребій взять готова,
Тебѣ на вѣкъ безъ страха обреклась?
Что святъ тотъ мигъ предъ Божьимъ провидѣньемъ,
Когда душа, глубоко полюбя,
Съ невольнымъ скажетъ убѣжденьемъ
Душѣ чужой: я вѣрую въ тебя!
Что этотъ лучъ, ниспосланный изъ рая,
Какой судьба дорогой не веди,
Какъ въ камнѣ искра спитъ живая,
Въ остылой будетъ спать груди;
Что не погубитъ горя бремя
Въ ней этой тайны неземной;
Что не истлѣетъ это сѣмя
И разцвѣтетъ въ странѣ другой.
Ты вспомнилъ ли, какъ я при шумѣ бала,
Безмолвно назвалась твоей?
Какъ больно сердце задрожало,
Какъ гордо вспыхнулъ огнь очей?

28

Взносясь надъ всей тревогой свѣта,
Въ тебѣ, хоть жизнь свое взяла,
Осталась ли минута эта
Средь измѣненнаго цѣла?

1840.

1841 г.

I.

ГРАФИНѢ Е. П. РАСТОПЧИНОЙ.

Мы—современницы, графиня,
Мы обѣ—дочери Москвы;
Тѣхъ юныхъ дней, суетъ рабыня,
Вѣдь не забыли же и вы.

Насъ Байрона живила сила
И Пушкина изустный стихъ;
Да, лѣтъ однихъ мы съ вами, право,
Зато призваній не однихъ.

Привыкли вы къ широкой долѣ,
Вамъ нѣтъ стѣсненій, нѣтъ преградъ;
Вы переноситесь по волѣ
Изъ края въ край, изъ града въ градъ.

Красавица и жоржандистка,
Вамъ нѣтъ не для Москвы-рѣки,

И вамъ, свободная артистка,
Никто не вычеркнетъ строки.

Не тотъ мой жребій. Не для свѣта,
Не для молвы я рождена,
И вдохновеніе поэта
Таитъ покорная жена.

Люблю Москвы я ширь и стужу,
Въ тиши свершаю скромный трудъ,
И отдаю я просто мужу
Мои стихи на грозный судъ.

1841.

II.

ОГОНЬ.

Блещетъ долъ оледенѣлый,
Снятъ равнины какъ гроба;
Средь степи широкой, бѣлой,
Одинокая изба.

Ночь свѣтла; морозъ трескучій;
Съ неба звѣзднаго луна
Прогнала густыя тучи
И гуляетъ тамъ одна.

И глядитъ она въ свѣтлицу,
Всѣмъ сіяніемъ лица,
На заснувшую дѣвицу,
На невѣсту молодца.

А внизу еще хозяйка
Съ сыномъ въ печь кладетъ дрова:
„Ну, Алеша, помогай-ка!
Завтра праздникъ Рождества.“

И огонь раздувши встала;
„Подожди ты здѣсь меня;
Дѣла нынче мнѣ не мало;—
Да не трогай же огня.“

Вышла вонъ она со свѣчкой;
Мальчикъ въ сумеркахъ одинъ;
Смотритъ, сидя передъ печкой:
Брызжутъ искры изъ лучинъ.

И огонь, вначалѣ вялый,
И притворчивъ и хитеръ,
Чуть замѣтенъ, змѣйкой алой,
Вдоль полѣнъ ползетъ, какъ воръ.

И сверкнулъ во мракѣ дыма,
И, свистя, взвился стрѣлой,

Заигралъ неодолимо,
Разозлился какъ живой.—

И глядитъ дитя на пламень,
И дивяся говоритъ:
„Что ты бьешься тамъ объ камень?
Отчего ты такъ сердитъ?“

— Тѣсенъ сводъ, сжимаютъ стѣны,
Зашипѣлъ въ печи отвѣтъ,
Протянуть живые члены
Здѣсь въ клѣву мнѣ мѣста нѣтъ.

Душно мнѣ!—а погляди-ка
Я бъ на волѣ былъ каковъ?—
И взлетѣлъ вдругъ пламень дико,
Будто выскочить готовъ.

„Не пылай ко мнѣ такъ близко!
Ты меня, злой духъ, не тронь!“—
Но глазами василиска
На него глядитъ огонь.

— Мнѣ ты путь устрой?
Положи мнѣ мостъ!
Чтобъ во весь я свой
Могъ подняться ростъ.

Здѣсь я малъ и слабъ,
Сплю въ золѣ какъ тварь;
Здѣсь я подлый рабъ,
Тамъ я грозный царь!

Поднимусь могучъ,
Полечу ретивъ,
Разростусь до тучъ,
Буду диво дивъ!

Рыщетъ въ печкѣ, свищетъ рдѣя,
Хлещетъ онъ кирпичный сводъ,
Зашипитъ шипѣньемъ змѣя,
Воемъ волка зареветъ.

И ребенокъ, съ робкимъ взглядомъ,
Какъ испуганный слуга,
Положилъ полѣнья рядомъ
Съ полу вплоть до очага.

. . . . . .

Ночь ясна; луна царица
Смотритъ съ звѣзднаго дворца;
Гдѣ же мирная свѣтлица?
Гдѣ невѣста молодца?

Ночь тиха; край опустѣлый
Хладнымъ саваномъ покрытъ;

И въ степи широкой, бѣлой,
Столбъ лишь огненный стоитъ.

Гиреево. 1841. Іюнь.

III.

ГРАФИНѢ Е. П. РАСТОПЧИНОЙ.

Какъ сердцу вашему внушили
Къ родной Москвѣ такую спесь?
Ея жъ любимицей не вы ли
Такъ мирно расцвѣтали здѣсь?
Не васъ должна бъ суетъ гордыня
Вести къ хулѣ своей страны;
Хоть Петербургская графиня,
Вы Москвитянкой рождены.

Когда бъ не въ старомъ градѣ этомъ
Впервой на свѣтъ взглянули вы,
Быть можетъ, не были бъ поэтомъ
Теперь на берегахъ Невы.
Москвы была то благостыня,
Въ ней разыгрались ваши сны;
Хоть Петербургская графиня,
Вы Москвитянкой рождены.

Ужель Москвы первопрестольной
Вамъ мертвъ и скученъ дивный видъ!
Предъ ней, хоть памятью невольной,
Ужель вашъ взоръ не заблеститъ?
Ужель для сердца тамъ пустыня,
Гдѣ мчались дни его весны?—
Хоть Петербургская графиня,
Вы Москвитянкой рождены.

Иль вашихъ думъ не зажигая,
Любви вамъ въ душу не вселя,
Васъ прикрывала сѣнь родная
Семисотлѣтняго Кремля?—
Здѣсь духа русскаго святыня,
Живая вѣра старины;
Здѣсь, Петербургская графиня,
Вы Москвитянкой рождены.

Гиреево. 1841. Іюль.

IV.

РУДОКОПЪ.

I.

Въ подземной тьмѣ, въ тиши глубокой,
Ужъ подъ-ночь, рудокопъ младой,

Въ забвеньи думы одинокой,
Сидѣлъ предъ собранной рудой.
Въ дали, гудя сквозь лѣсъ дремучій,
Звалъ всенощной протяжный звонъ;
Но, наклонясь надъ темной кучей,
Не слышалъ благовѣста онъ.
Глядѣлъ онъ въ глубь, гдѣ кладъ несмѣтный
Нѣмая покрывала мгла,
Глядѣлъ на камень тотъ безцвѣтный,
Въ которомъ власть земли спала.

А звукъ носился непонятный
Вдоль переходовъ рудника,
Жужжалъ, какъ бы припѣвъ невнятный,
При тихомъ стукѣ молотка.

Но онъ съ завѣтнаго металла
Ни глазъ, ни мыслей не спускалъ.
Пусть тамъ вверху весна блистала
Цвѣтнымъ ковромъ на высяхъ скалъ;
Пусть солнце тамъ, надъ мертвой бездной,
Въ лучахъ купало край земной;
Пусть небосклонъ тысячезвѣздный
Сіялъ бездонной глубиной,—
Одно онъ думалъ.

И нежданно,
Какъ бы въ отвѣтъ его мечтѣ,

Заговорилъ вдругъ кто-то странно,
Глазами блеща въ темнотѣ:

—„Да, что на каменномъ здѣсь ложѣ
Лежитъ въ затворѣ у меня,
Вамъ неба Божьяго дороже,
Свѣтлѣе звѣздъ, нужнѣе дня.
И что жъ сіянье небосклона,
Вся эта пошлая краса,
Тому, кто зритъ земного лона
Невѣданныя чудеса?
Кто въ жизнь, блестящую подъ мглою,
Въ свѣтло-волшебный міръ проникъ?
Кто понялъ мощною душою
Стихій таинственный языкъ?

„О власти этой, праха чадо,
Ты вопрошаешь глуби дно;—
Не лгутъ мечты твои, и надо
Для исполненья лишь одно:

„Чтобъ волей ты неутомимо
Враждебный покорялъ металлъ;
Чтобъ, какъ красавицы любимой,
Ты злата хладнаго искалъ;
Чтобъ неотступный, ежечасный
Въ тебѣ былъ помыселъ одинъ;
Чтобъ не смущали думы ясной

Жена и мать, и братъ и сынъ;
Чтобъ шелъ ты мимо безъ вниманья,
Единой страстію дыша;
Чтобъ были здѣсь твои желанья,
Твой міръ, твой рай, твоя душа.

„И ты поймешь нѣмыя силы,
И будетъ знать твоя рука,
Гдѣ вьются золотыя жилы
Въ груди глубокой рудника;
Увидишь ты очами духа
То, что незримо для очей;
Непостижимое для слуха
Услышитъ слухъ души твоей.
Взойдешь ты въ тайную обитель,
Въ хранилище даровъ земныхъ,
И, всѣхъ сокровищъ повелитель,
Изъ мрака вызовешь ты ихъ.“

. . . . . .

Все вновь молчало въ безднѣ хладной
А юноша, надъ щелью скалъ
Нагнувшись, взоръ недвижно жадный
Въ глубь безотвѣтную вперялъ.
И утромъ, какъ толпою шумной
Ужъ снова копь была полна,
Еще глядѣлъ онъ, какъ безумный,
Въ завѣтный мракъ глухого дна.

2.

Про рудокопа два ужъ года.
Несется слухъ по всей странѣ:
Не знать работникамъ завода
Такой удачи и во снѣ.
Руду онъ словно вызываетъ
Изъ скалъ ударомъ молотка,
И хоть неопытенъ, а знаетъ
Онъ гору лучше старика.
Вѣрнѣе всякаго расчета
Слыветъ у всѣхъ его совѣтъ,
И въ рудникѣ нейдетъ работа
Въ то время, какъ его тамъ нѣтъ.
Живетъ теперь онъ при заводѣ
Не бурщикомъ уже простымъ;
Но все, какъ будто бы въ невзгодѣ,
Душевной немочью томимъ.
Женился онъ, тому давно ли?
Жена прекрасна, молода.
Но видно съ нимъ счастливой доли
Ей недождаться никогда.
Къ окну лицомъ склонившись бѣлымъ,
Всю ночь глядитъ и ждетъ она;
А мужъ, что кротъ, по суткамъ цѣлымъ
Живетъ въ землѣ, не зная сна.
И про него уже толкуетъ

Давно въ полголоса народъ,
Что онъ сквозь камень злато чуетъ
И жилъ выщупываетъ ходъ.
И говорить о томъ не смѣли,
Но въ копи видѣли не разъ
Предъ нимъ, во мракѣ темной щели,
Внезапный блескъ двухъ волчьихъ глазъ.

„Съ нимъ вечеромъ объ эту пору,“—
Въ заводѣ сказывалъ старикъ,—
„Тому дня два, пошелъ я въ гору;
Былъ тихъ, какъ гробъ пустой рудникъ.
Шли оба молча мы чрезъ шлаки,
Онъ часто вкругъ себя глядѣлъ,
Какъ бы невѣдомые знаки
На камнѣ отыскать хотѣлъ;
И дрогнулъ вдругъ, и съ дикимъ взглядомъ
Повелъ рукою по скалѣ;
И мнѣ сдалось, что съ нами рядомъ
Тутъ кто-то двигался во мглѣ.“

3.

Дни проходили.—
Разъ въ пучинѣ,
Работники столпясь съ утра,
Въ углу шептали: въ копи нынѣ
Онъ не былъ, не былъ и вчера.

Онъ у окна своей свѣтелки
Сидѣлъ весь день. Что сталось съ нимъ?
Вопросы средь толпы и толки
Носились говоромъ глухимъ.
Но въ переходѣ зашумѣло,—
Идетъ: всѣ стихли голоса;
И за привычное онъ дѣло,
Какъ прежде, молча принялся.
Но шелъ въ забвеніи глубокомъ,
Глядѣлъ на камень онъ сѣдой
Безсмысленнымъ, недвижнымъ окомъ,
Какъ на предметъ ему чужой.
И вдругъ, въ порывѣ тяжкой скуки,
Сердито онъ отбросилъ ломъ,
Сѣлъ на земь, и скрестивши руки,
Поникъ задумчивымъ челомъ.
Остановилася работа:
Въ него вперяя взоръ нѣмой,
Стояли всѣ кругомъ,—а что-то
Ворчало глухо за скалой.

4.

Обвивъ вершины, лѣсъ и воды,
Прозрачная синѣла тѣнь,
Просонки дремлющей природы,—
Уже не ночь, еще не день.
Темно селеніе стояло,

Лишь только въ горницѣ одной
Свѣча, блѣднѣя, догорала
Предъ наступающей зарей.
Тиха была свѣтлица эта;
Окладъ иконы на стѣнѣ
Блисталъ въ полсумракѣ разсвѣта,
Бѣлѣла люлька въ глубинѣ;
Но тамъ одинъ жилецъ безсонный
До утра отдыха не зналъ,
И шагъ его неугомонный
Всю ночь тамъ по полу стучалъ.
Ходилъ онъ, блѣдный и угрюмый
Не чувствуя движенья ногъ;
Отъ тяжкой вдругъ очнувшись думы,
Взглянулъ въ окно,—зардѣлъ востокъ.
День новый новую заботу
Принесъ;—свѣтаетъ на дворѣ,
Пора вчерашнюю работу
Идти осматривать въ горѣ.

И тихо къ люлькѣ подошелъ онъ,
И, сумрачнымъ склонясь лицомъ,
Остановился грусти полонъ,
Передъ священнымъ дѣтскимъ сномъ.

Чего ты ждешь? тьмы покрывало
Ужъ Божій міръ стряхнулъ съ чела!
Не для тебя то солнце встало,
Не для тебя земля свѣтла;

Не для тебя улыбка сына
И кровъ семейнаго жилья!
Твой домъ—та мертвая пучина,
Ея скалы—твоя семья.
Проснется твой младенецъ милый
Не при тебѣ;—пора, иди!
Иль сердца трупъ давно остылый
Затрепеталъ въ твоей груди?—
Или, въ душѣ таясь безвѣстно,
Когда злыхъ силъ она полна,
Вдругъ всходятъ, сквозь грѣхи, чудесно
Твои, о Боже, сѣмена?—

Онъ долго возлѣ колыбели
Стоялъ,—и будто передъ ней
Мечты души его яснѣли,
Смягчался дикій блескъ очей.

Знавалъ онъ эти сны благіе!..
Но время?.. Звонкій часъ пробилъ.
И тихою рукой, впервые
Младенца онъ перекрестилъ!

5.

Еще поля кругомъ молчали,
Утесы спали темнымъ сномъ.
Не раздавался скрежетъ стали,
Съ гранитомъ не боролся ломъ;

Еще вся грѣшная тревога,
Весь алчный шумъ земной страны
Не нарушали, въ мірѣ Бога,
Великолѣпной тишины.

Шелъ рудокопъ чрезъ долъ росистый,
И, подходя къ нѣмымъ скаламъ,
Впивалъ всей грудью вѣтръ душистый
Земли весенній ѳиміамъ.
И съ верху взоръ онъ бросилъ ясный
Въ глухое смрадное жерло.
Да, онъ отвергнетъ даръ напрасный,
Покинетъ мрака ремесло!
Воскреснетъ вольною душою,
И снова будетъ мирно спать,
И видѣть солнце надъ собою,
И Божьимъ воздухомъ дышать.
Въ послѣдній разъ, живыхъ могила,
Проходитъ онъ твой темный путь!..

Безумецъ, будто бъ то, что было,
Такъ, можемъ съ жизни мы встряхнуть!—

Въ то утро, средь тиши завода,
Вдругъ словно громъ загрохоталъ;
И крикъ пронзительный народа
Взвился кругомъ: „Обвалъ! обвалъ!“
Надъ потрясенной глубиною

Сбѣжались рудокопы въ мигъ:
Глядятъ встревоженной толпою—
Широко заваленъ рудникъ.

И взоромъ блѣдные мужчины
Сочлися—нѣтъ лишь одного;
Не отдалъ грозный духъ пучины
Любимца только своего.

Гиреево. 1841. Іюль.

1842 г.

I.

Н. М. ЯЗЫКОВУ.

Отвѣтъ на отвѣтъ.

Привѣтствована вновь поэтомъ
Была я, какъ въ моей веснѣ;
И годъ прошелъ,—сознаться въ этомъ
И совѣстно, и грустно мнѣ:
Годъ—и въ безсиліи лѣнивомъ
Покоилась душа моя,
И на далекій глазъ отзывомъ
Здѣсь не откликнулася я!
Годъ—и уста мои не знали
Гармоніи созвучныхъ словъ,
И думы счастья иль печали,
Мелькая мимо, не блистали
Златою ризою стиховъ.
Кипѣла чаще даромъ неба
Младая грудь;—была пора,
Нужнѣй насущнаго мнѣ хлѣба

Казалась звучныхъ риѳмъ игра;
Въ тѣ дни прекрасными строфами
Не разъ ихъ прославляли вы,
Когда явились между нами
Впервой счастливый гость Москвы.
Я помню это новоселье,
Весь этотъ дружный, юный кругъ,
Его безпечное веселье,
Неограниченный досугъ.
Какъ много всѣ свершить хотѣли
Въ благую эту старину!
Шелъ каждый, будто къ вѣрной цѣли,
Къ неосязаемому сну.—
И разошлись въ дали туманной.
И полдня наступаетъ жаръ,—
И сердца край обѣтованной
Какъ легкій разлетѣлся паръ!
Идутъ дорогою завѣтной;
Пускай же путники порой
Услышатъ гдѣ-то гласъ привѣтный,
Ау знакомый за горой!
Немного васъ, одноплеменныхъ,
Средь шума алчной суеты,
Жрецовъ колѣнопреклоненныхъ
Передъ кумиромъ красоты!
И первый палъ!—и въ дняхъ расцвѣта
Ужъ и другой лечь въ гробъ успѣлъ!...

Да помнитъ же поэтъ поэта
Въ часъ свѣтлыхъ думъ и стройныхъ дѣлъ!
Переносяся въ край изъ края,
Чрезъ горы, бездны, глушь и степь,
Да съединитъ ихъ пѣснь живая,
Какъ электрическая цѣпь!

Гиреево. 1842.

II.

Читала часто, съ грустью дѣтской,
Сказаніе святое я,
Какъ ночью въ край Геннесаретскій
Неслась Апостоловъ ладья.

И въ переливы мглы ненастной
Смотря, они узрѣли вдругъ,
Какъ шелъ къ нимъ моремъ образъ ясный,
И ихъ сердца стѣснилъ испугъ.

И надъ волной неугомонной
Къ нимъ гласъ божественный проникъ:
То я! дерзайте!— и смущенный
Тогда отвѣтилъ ученикъ:

„Коль это Ты, мнѣ сердце нынѣ,
Учитель, ободри въ груди:

Вели идти мнѣ по пучинѣ.“
И рекъ Господь ему:—Иди!—

И онъ пошелъ,—и бездны влага
Въ сплошной сливалася кристаллъ,
И тяжесть твердаго онъ шага
На зыбки воды упиралъ.

Но бурный вѣтръ взорвалъ пучину;
И, въ немочи душевныхъ силъ,
Онъ, погибая, Дѣвы къ Сыну
Молящимъ гласомъ возопилъ.—

И мы, младыя, вѣры полны,
По морю бытія пойдемъ;
Но скоро почернѣютъ волны,
И дальный загрохочетъ громъ.

И усумнимся мы душою,
И, средь грозящей ночи тьмы,
Къ Тебѣ, съ трепещущей мольбою,
Взываемъ, Господи, и мы.

Не намъ до Божьяго примѣра
Достигнуть силою святой!
Не наша уцѣлѣетъ вѣра
Въ грозѣ, надъ глубью роковой!

Кто жизни злое испытанье
Могучимъ духомъ встрѣтить могъ?
Кто жаръ любви и упованье,
Или хоть грусть въ душѣ сберегъ?

Всѣ чувства вянутъ въ насъ незримо;
Всѣ слезы сохнутъ какъ роса;
Земля и небо идутъ мимо:
Его лишь вѣчны словеса.

Гиреево. 1842. Іюнь.

III.

Была ты съ нами неразлучна,
И вкругъ тебя, средь тишины,
Вились свѣтло, носились звучно
Младые призраки и сны.
Жила, въ предѣлѣ мирно-тѣсномъ,
Одна ты съ думою своей,
Какъ бы на островѣ чудесномъ,
За темной шириной морей.
Земныхъ желаній ты не знала,
Не знала ты любви земной;
И грохотъ жизненнаго вала
Ропталъ въ дали, какъ громъ глухой.
И стала нынѣ ты не наша!
Восторгъ погасъ, порывъ утихъ;

Познанья роковая чаша
Уже коснулась устъ твоихъ.
Забудешь тайну вдохновеній
Въ борьбахъ земнаго бытія;
Въ огнѣ страданій и волненій
Персгоритъ душа твоя!

* * *

Нѣтъ! не правъ вашъ ропотъ тайный!
Не мечтаній сладкій хмѣль,
Не души покой случайный
Ей назначенная цѣль.

Пусть пловца окрѣпнетъ сила,
Покоряя бурный валъ!
Пусть пройдетъ черезъ горнило
Неочищенный металлъ.

Осуждаетъ Провидѣнье
Сердце жаркое узнать—
Горькихъ мукъ благословенье,
Жертвъ высокихъ благодать.

Нѣтъ! есть сила для полета
Въ смѣломъ трепетѣ крыла!
Та безпечная дремота
Жизнью духа не была.

Онъ зрѣлѣй теперь для дѣла,
Онъ свѣтлѣй для вольныхъ думъ;
Что умомъ тогда владѣло,
Тѣмъ владѣетъ нынѣ умъ.—

Гиреево. 1842. Іюнь.

IV.

Къ тебѣ теперь я думу обращаю,
Безгрѣшную, хоть грустную,—къ тебѣ?
Несусь душой къ далекому мнѣ краю,
И къ отчужденной мнѣ давно судьбѣ.—

Такъ много лѣтъ прошло,—и дни невзгоды,
И радости встрѣчались дни не разъ;
Такъ много лѣтъ,—и болѣе чѣмъ годы
Событія перемѣнили насъ.

Не таковы разстались мы съ тобою!
Разстались мы,—ты помнишь ли, поэтъ?—
А счастья даръ предложенъ былъ судьбою;
Да, можетъ быть, а можетъ быть—и нѣтъ!

Кто жъ васъ достигъ, о свѣтлыя видѣнья!
О гордые, взыскательные сны?
Кто удержалъ минуту вдохновенья?
И лучь зари, и токъ морской волны?

Кто не стоялъ, испуганно и нѣмо,
Предъ идоломъ развѣнчаннымъ своимъ?...
. . . . . .
. . . . . .

Гиреево. 1842. Іюнь.

V.

Е. А. БАРАТЫНСКОМУ.

Случилося, что въ край далекій
Перенесенный юга сынъ
Цвѣтокъ увидѣлъ одинокій,
Цвѣтокъ отеческихъ долинъ.

И странникъ вдругъ припомнилъ снова,
Забывъ холодную страну,
Предѣла дальнаго, родного,
Благоуханную весну.

Припомнилъ, можетъ, мигъ летучій,
Мигъ благодѣтельныхъ отрадъ,
Когда впивалъ онъ тотъ могучій,
Тотъ животворный ароматъ.—

Такъ эти, посланные вами,
Сладкорѣчивые листы

Живили, будто бы вы сами,
Мои заснувшія мечты.

Послѣдней, мимоходной встрѣчи
Припомнила бесѣду я:
Всѣ вдохновительныя рѣчи
Минутъ тѣхъ, полныхъ бытія!

За мыслей мысль неслась, играя,
Слова, катясь, звучали въ ладъ:
Какъ ледъ съ рѣки отъ солнца мая,
Стекалъ съ души весь свѣтскій хладъ

Меня вы назвали поэтомъ,
Мой стихъ небрежный полюбя;
И я, согрѣта вашимъ свѣтомъ,
Тогда повѣрила въ себя.—

Но тяжела святая лира!
Безсмертнымъ пламенемъ спаленъ,
Надменный духъ, съ высотъ эѳира,
Падетъ безумный Фаэтонъ!—

Но вы, кому не измѣнила
Ни прелесть благодатныхъ сновъ,
Ни поэтическая сила,
Ни ясность думъ, ни стройность словъ,

Храните жаръ богоугодный!
Да цѣпь всѣхъ жизненныхъ заботъ
Мечты счастливой и свободной,
Мечты поэта не скуетъ!

Въ музыкѣ звучнаго размѣра
Избытокъ чувствъ излейте вновь; —
То даръ живительный какъ вѣра,
Неизъяснимый какъ любовь.

Гиреево. 1842. Іюль.

VI.

ДОННА ИНЕЗИЛЬЯ.

Онъ знаетъ то, что я таить должна;
Когда вчера, по улицамъ Мадрита,
Суровый братъ со мною шелъ сердито,
Предъ пришлецомъ, мантильею покрыта,
Вздохнула я, нѣмой тоски полна.

Онъ знаетъ то, что я таить должна;
Въ ночь лунную, когда изъ мрака сада
Его ко мнѣ неслася серенада,
Отъ зоркаго его не скрылось взгляда,
Какъ шевелился занавѣсъ окна.

Онъ знаетъ то, что я таить должна;
Когда, въ красѣ богатаго убора,
Вошелъ онъ въ циркъ, съ мечемъ тореадора,
Онъ понялъ лучь испуганнаго взора
И почему сидѣла я блѣдна.

Онъ знаетъ то, что я таить должна;
Онъ молча ждетъ, предвидя день награды,
Чтобы любовь расторгла всѣ преграды,
Какъ тайный огнь завѣшанной лампады,
Какъ сильная, стѣсненная волна.

Гиреево. 1842. Іюль.

VII.

РАЗСКАЗЪ.

Чрезъ садъ пустой и темный кто-то
Средь лѣтней ночи шелъ одинъ;
Владѣла томная дремота
Объемомъ сумрачныхъ равнинъ.
Шумѣлъ какой-то праздникъ дальный;
Сквозь мглу аллеи проникалъ
И звонкій гулъ музыки бальной,
И яркій лучъ блестящихъ залъ.
Шелъ дальше, тихою походкой
Мечтатель тотъ, потупя взоръ;

И вышелъ вонъ, гдѣ за рѣшеткой
Темнѣлъ невѣдомый просторъ.
И въ мохъ, подъ липою вѣтвистой,
Онъ легъ, задумчивъ и угрюмъ;
Къ нему туда, чрезъ долъ душистый,
Не доходилъ безумный шумъ,
Лишь что-то въ зелени зыбучей
Вздыхало будто въ грезахъ сна;
А передъ нимъ—надъ черной тучей
Стояла блѣдная луна.
Надъ тучей такъ она стояла,
Въ былое время, въ ночь одну;
Чуть внятно также звуки бала
Неслись въ лѣсную тишину.....

„Ужель такъ памятно мгновенное?
Увы! ужель во-вѣки намъ
Невозвратимо незабвенное,
Невозвратимо здѣсь и тамъ?...
Родное, бросивъ жизнь тѣлесную,
Отъ насъ умчится навсегда ль
Въ неизмѣримость неизвѣстную,
Въ непроницаемую даль?...
Гдѣ вы, далекіе, любимые?
Гдѣ васъ душою отыскать?
Мои мечты неусыпимыя
Въ какой предѣлъ мнѣ къ вамъ послать?

Кто дастъ мнѣ власть, сквозь отдаленіе
Хоть взоръ единый пророня,
Теперь узрѣть васъ на мгновеніе,
Узнать, вы помните ль меня!“

Умолкъ онъ; и отвѣтъ въ долинѣ
Послышался средь пустоты:
—„Далекихъ вновь ты хочешь нынѣ
Увидѣть,—ихъ увидишь ты!“

Взглянулъ, трепеща по неволѣ,
Въ объемъ безлюдной онъ страны:
Ходилъ лишь вѣтеръ въ чистомъ полѣ,
Сіялъ въ пространствѣ свѣтъ луны.

И повторилъ, звуча въ пустынѣ,
Тотъ голосъ неземной груди:
—„Далекихъ вновь ты хочешь нынѣ
Увидѣть,—встань же,—и гляди!—
Минуты есть, въ которыхъ слово
Не пропадетъ, какъ звукъ, вдали;
Желанья своего слѣпого
Да убоится жъ сынъ земли!“
Пришелецъ всталъ.—Струею мглистой,
Долины наполняя дно,
Всходилъ предъ нимъ туманъ волнистый,
Раскинулся какъ полотно,
Покрылъ, сливаясь сѣровато,

Весь край широкой пеленой,
И какъ зловѣщій звонъ набата
Слова гудѣли въ тьмѣ ночной.

„Гляди въ туманъ, изъ дальнаго предѣла
Зови душой возлюбленныхъ твоихъ!
Тѣ, чья любовь къ тебѣ не охладѣла,
Ты въ той дали свѣтло увидишь ихъ,—
И тускло тѣхъ, кто мыслью равнодушной
Тебя порой припомнятъ, разлюбя;
И будешь ты искать сквозь мракъ воздушной
Напрасно всѣхъ, забывшихъ про тебя!“

И замолчалъ желѣзный голосъ.—
Стоялъ пришлецъ въ безмолвной мглѣ,
Какъ бы готовъ на бой, и волосъ
На хладномъ двигался челѣ.
Что вспоминалъ онъ въ думѣ странной?
Чего боялся въ этотъ мигъ?
Какой онъ горести нежданной
Возможность мыслію постигъ?...
И вдругъ забилось сердце гордо,
И смѣло вспыхнулъ взглядъ младой;
Глубоко, недвижимо, твердо
Сталъ онъ глядѣть въ туманъ сѣдой.

И вотъ,—какъ призракъ сновидѣній,
Въ дали, сквозь переливный дымъ,

Мелькнули три, четыре тѣни
Неясно, блѣдно, передъ нимъ.—
И онъ глядѣлъ—и въ грудь вникало
Тоски-жестокой лезвее;
Глядѣлъ онъ въ грозное зерцало,
И сердце назвало *ее*,—
Ее, кому съ любовной вѣрой
Душа молилася его.
Впилися взоры въ сумракъ сѣрой,
Впились,—не встрѣтивъ ничего!—

Не разъ, средь жизненнаго мая,
Въ часъ испытанья, въ часъ одинъ,
Глава покрылась удалая
Печальнымъ бременемъ сѣдинъ.
Но чаще, въ полной силѣ вѣка,
Въ свои цвѣтущіе года,
Старѣетъ сердце человѣка
Въ одно мгновенье, навсегда!—

Поникъ страдалецъ головою,
Слеза застыла, не скатясь;
Съ своей послѣднею мечтою
Простился онъ въ тотъ горькій часъ.
Поблекло чувство молодое
Въ ту ночь:—что не извѣдалъ онъ?

Иль откровенье роковое,
Или безумный сердца сонъ.

. . . . . .

О! смерти въ день, въ день возрожденья,
Согрѣетъ ли намъ душу вновь,
Слѣды земного искаженья
Сотретъ ли Промысла любовь?
Исчезнетъ ли клеймо страданій,
Жестокихъ опытовъ печать?
Тамъ снова радостныхъ незнаній
Святая есть ли благодать?—
О, есть ли юность тамъ другая
Для истощенныхъ сердца силъ!...
— Спадаетъ, горестно блистая,
Слеза на таинство могилъ.—

Гиреево. 1842. Іюль.

1843 г.

I.

ДУМА.

Вчера листы изорваннаго тома
Попались мнѣ,—на нихъ взглянула я;
Забытое шепнуло вдругъ знакомо,
И вспомнилась мнѣ вся весна моя.—

То были вы, родныя небылицы,
Моимъ мечтамъ ласкающій отвѣтъ;
То были тѣ завѣтныя страницы,
Гдѣ дѣтскихъ слезъ я помню давній слѣдъ.

И мнѣ блеснулъ, сквозь лѣтъ прожитыхъ тѣни,
Ребяческій, великолѣпный міръ;
Блеснули дни высокихъ убѣжденій,
И первый мой, нездѣшній мой кумиръ.

Такъ, стало быть, и въ жизни безтревожной
Должны пройти мы тотъ же грустный путь,

Бросаемъ всѣ, увы, какъ даръ ничтожный
Что мы, какъ кладъ, въ свою вложили грудь!

И я свои покинула химеры,
Иду впередъ, гляжу въ нѣмую даль;
Но жаль мнѣ той неистощимой вѣры,
Но мнѣ порой младыхъ восторговъ жаль!—

Кто оживитъ въ душѣ былыя грезы?
Кто снамъ моимъ отдастъ ихъ прелесть вновь?
Кто воскреситъ въ нихъ ликъ Маркиза Позы
Кто къ призраку мнѣ возвратитъ любовь?..

Іюнь. 1843.

II.

ДУМА.

Когда въ раздоръ съ самимъ собою
Мой умъ безсильно погруженъ,
Когда лежитъ на немъ порою
Уныло-праздный полусонъ,

Тогда зашепчетъ вдругъ украдкой,
Тогда звучитъ въ груди моей
Какой-то отзывъ грустно-сладкій
Далекихъ чувствъ, далекихъ дней.

Жаль небывалаго мнѣ снова,
Просторъ грядущаго мнѣ пустъ;
Мелькнетъ призракъ, уронитъ слово,
И тщетный вздохъ сорвется съ устъ.—

Но вдругъ въ часъ думъ, въ часъ грусти лживой,
Взявъ право грозное свое,
Души усталой и лѣнивой
Перстомъ коснется бытіе.

И въ тайной силѣ, вѣчно-юный,
Отвѣтитъ духъ мой на призывъ;
Другія въ немъ проснутся струны,
Другой воскреснетъ въ немъ порывъ.—

Гляжу въ лицо я жизни строгой.
И познаю, что насъ она
Не даромъ вѣчною тревогой
На бой тяжелый звать вольна;

И что не тщетно сердце любитъ
Средь горестныхъ ея заботъ;
И что не все она погубитъ,
И что не все она возьметъ.

Ноябрь. 1843.

1844 г.

I.

МОСКВА.

День тихихъ грезъ, день сѣрый и печальный,
На небѣ тучъ ненастливая мгла,
И въ воздухѣ звонъ переливно-дальный,
Московскій звонъ во всѣ колокола.

И, вызванный мечтою самовластной,
Припомнился нежданно въ этотъ часъ
Мнѣ часъ другой,— тогда былъ вечеръ ясный
И на конѣ я по полямъ неслась.

Быстрѣй! быстрѣй! и, у стремнины края
Остановивъ послушнаго коня,
Взглянула я въ просторъ долинъ: пылая,
Касалось ихъ уже свѣтило дня.

И городъ тамъ, палатный и соборный,
Раскинувшись широко въ ширинѣ,
Блисталъ внизу, какъ бы нерукотворный,
И что-то вдругъ проснулося во мнѣ.—

Москва! Москва! что въ звукѣ этомъ?
Какой отзывъ сердечный въ немъ?
Зачѣмъ такъ сроденъ онъ съ поэтомъ?
Такъ властенъ онъ надъ мужикомъ?

Зачѣмъ сдается, что предъ нами
Въ тебѣ вся Русь насъ ждетъ любя?
Зачѣмъ блестящими глазами,
Москва, смотрю я на тебя?

Твои дворцы стоятъ унылы,
Твой блескъ угасъ, твой гласъ утихъ,
И нѣтъ въ тебѣ ни свѣтской силы,
Ни громкихъ дѣлъ, ни благъ земныхъ.

Какія жъ тайныя понятья
Такъ въ сердцѣ русскомъ залегли,
Что простираются объятья,
Когда бѣлѣешь ты вдали?

Москва! въ дни страха и печали
Храня священную любовь,
Не даромъ за тебя же дали
Мы нашу жизнь, мы нашу кровь.

Не даромъ въ битвѣ исполинской
Пришелъ народъ сложить главу,
И палъ въ равнинѣ Бородинской,
Сказавъ: „Помилуй, Богъ, Москву!“

Благое было это сѣмя,
Оно несетъ свой пышный цвѣтъ,
И сбережетъ младое племя
Отцовскій даръ, любви завѣтъ.

Бутырки. 1844.

II.

Н. М. ЯЗЫКОВУ.

Средь празднаго, людскаго шума
Вдругъ, какъ незримый херувимъ,
Слетаетъ тихо дѣва—дума
Порой къ возлюбленнымъ своимъ;

И шепчетъ, оживляя странно
Все, что давно прошло сполна.
Сошлась не разъ я съ ней нежданно,
И вотъ, знакомая, она,

Въ день чудотворца Николая,
Опять является ко мнѣ,
И многое напоминая,
Заводитъ рѣчь о старинѣ.—

Какъ, пѣшеходцемъ недостойнымъ,
Съ трудомъ свершивъ вы путь святой,

Меня стихомъ дарили стройнымъ
И ложкою колесовой.

И вашъ подарокъ берегу я,
И помню вашъ веселый стихъ.
Хвала тѣмъ днямъ! Вдали кочуя,
И вы не забывали ихъ.

Смѣнилось все; жилецъ чужбины,
Съ тѣхъ поръ повѣдали вы намъ
Вашъ переходъ чрезъ Аппенины,
Къ Италіанскимъ берегамъ.

Но той страны, гдѣ сердце дома,
Неколебимы въ немъ права:
И вы услышавъ: Ecco Roma!
Вздохнули можетъ: Гдѣ Москва?—

И снова къ ней съ любовью дѣтской
Пришли вы послѣ тяжкихъ лѣтъ,
Не тотъ пѣвецъ ужъ молодецкій,
Но все избранникъ и поэтъ;

Но все на свѣтскія волненья
Смотря съ душевной высоты;
Но вѣря въ силу вдохновенья
И въ святость пѣсни и мечты;

Но сновъ младыхъ не отвергая,
Но въ битвѣ духомъ устоя.—

Такъ пусть и я уже другая,
Но не отступница и я.

Заговоря о дняхъ расцвѣта,
И нынче вспомнивъ о быломъ,
Пусть праздникъ именинъ поэта
Сердечнымъ встрѣчу я стихомъ.

1844 г. Май.

III.

ДУМА.

Не разъ себя я вопрошаю строго,
И въ душу я гляжу самой себѣ;
Желаній въ ней уже завяло много,
И многое уступлено судьбѣ.

И помню я, дивясь, какъ въ жизни всѣ мы,
Про раннюю обильную весну,
И день за днемъ на дѣтскіе эдемы
Туманную спускаемъ пелену.

Но съ каждой мглой невѣдомая сила
Таинственно встаетъ въ груди моей,
Какъ тамъ блестятъ небесныя свѣтила,
Яснѣе все, чѣмъ ночь кругомъ темнѣй.

Я вѣрую, что юныя надежды
Исполнятся, хоть въ образѣ другомъ,
Что часъ придетъ, гдѣ мы откроемъ вѣжды,
Что всѣ къ метѣ нежданно мы дойдемъ;

Что ложны въ насъ безсилье и смущенье,
Что дастъ свой плодъ намъ каждый падшій цвѣтъ,
Что всѣмъ борьбамъ въ душѣ есть примиренье,
Что каждому вопросу есть отвѣтъ.

Май. 1844.

IV.

ДУМА.

Сходилась я и расходилась
Со многими въ земномъ пути;
Не разъ мечтами подѣлилась,
Не разъ я молвила прости!

Но до прощанья рокового
Уже стояла я одна;
И хладное то было слово,
Пустой отзывъ пустаго сна.

И каждая лишала встрѣча
Меня призрака моего,
И не звала я издалеча
Назадъ душою никого.

И не по нихъ мнѣ грустно было.
Мнѣ грустно было по себѣ,
Что сердца радостная сила
Уступитъ жизненной судьбѣ;

Что не нисходитъ съ небосклона
Богиня къ жителямъ земнымъ;
Что всѣ мы, съ жаромъ Иксіона,
Обнимемъ облако и дымъ.

Мнѣ было тягостно и грустно,
Что лжетъ улыбка и слеза,
И то, что слышимъ мы изустно,
И то, чему глядимъ въ глаза.

И я встрѣчаю, съ нимъ не споря,
Спокойно нынѣ бытіе;
И горестнѣй младого горя
Мнѣ равнодушіе мое.

Іюнь. 1844. г.

1845 г.

I.

КЪ С.

Въ толпѣ взыскательно-холодной
Стоишь ты, какъ въ чужомъ краю;
Гляжу на твой порывъ безплодный,
На праздную тоску твою.

Владѣла эта боль и мною,
Въ мои тревожные года;
И нынѣ, можетъ, я порою
Еще не вовсе ей чужда.

Зачѣмъ, среди душевной лѣни,
Опасной тѣшиться игрой?
Къ чему ребяческіе пени,
Желанье участи другой?

Молчи, безумная! напрасно
Не вызывай своей мечты!

Все, что ты требуешь такъ страстно,
Со вздохомъ бросила бы ты.

Не вѣрь сладкорѣчивой феѣ.
Чти непонятный произволъ!
Кто тщетно ищетъ, не бѣднѣе
Того, быть можетъ, кто нашелъ,

Октябрь. 1845 г.

II.

ТРИ ДУШИ.

Но грустно думать, что напрасно
Была намъ молодость дана...

Въ нашъ вѣкъ томительнаго знанья,
Корыстныхъ дѣлъ,
Шли три души на испытанья,
Въ земной предѣлъ.

И имъ рекла Господня воля:
„Въ чужбинѣ той
Иная каждой будетъ доля
И судъ иной.

„Огнь вдохновенія святого
Даю я вамъ;

Восторгамъ вашимъ будетъ слово
И власть—мечтамъ.

„Младую грудь наполню каждой,
Въ краю земномъ,
Понятьемъ правды, чистой жаждой,
Живымъ лучемъ.

„И если духъ падетъ лѣнивый,
Въ мірскомъ бою,
Да не винитъ вашъ ропотъ лживый
Любовь мою.“—

И на завѣтное призванье
Тогда сошли
Три женскія души въ изгнанье
На путь земли.

* * *

Одной изъ нихъ судило Провидѣнье
Впервые тамъ увидѣть дольный міръ,
Гдѣ, воцарясь, земное просвѣщенье
Устроило свой Валѳазарскій пиръ.
Ей палъ удѣлъ познать неволи свѣтской
Всю лютую и пагубную власть,
Ей съ первыхъ лѣтъ велѣли стихъ свой дѣтскій
Къ ногамъ толпы смиренной данью класть;

Свои нести моленія и пени
Въ житейскій гулъ, на площадь людныхъ залъ,
Потѣхою служить холодной лѣни,
Быть жертвою безсмысленныхъ похвалъ.
И съ пошлостью привычной, безотлучной,
Сроднилася и ужилась она,
Завѣтный даръ ей сталъ гремушкой звучной,
Заглохли въ ней святыя сѣмена.
О дняхъ благихъ, о прежней ясной думѣ,
Она теперь не помнитъ и во снѣ;
И тратитъ жизнь въ безумномъ свѣтскомъ шумѣ,
Своей судьбой довольная вполнѣ.

* * *

Другую бросилъ Богъ далеко
Въ американскіе лѣса;
Велѣлъ ей слушать одиноко
Пустынь святыя голоса;
Велѣлъ бороться ей съ нуждою,
Противодѣйствовать судьбѣ,
Все отгадать самой собою,
Все заключить въ самой себѣ.
Въ груди, испытанной страданьемъ,
Хранить восторга ѳиміамъ;
Быть вѣрной тщетнымъ упованьямъ
И неисполненнымъ мечтамъ.

И съ даннымъ ей тяжелымъ благомъ
Она пошла, какъ Богъ судилъ,
Безстрашной волью, твердымъ шагомъ,
До истощенья юныхъ силъ.
И съ высоты, какъ ангелъ вѣры,
Сіяетъ въ сумракѣ ночномъ
Звѣзда не нашей полусферы.
Надъ гробовымъ ея крестомъ.

* * *

Третья—благостію Бога
Ей указанъ мирный путь,
Свѣтлыхъ думъ ей было много
Вложено въ младую грудь.
Сны въ ней гордые яснѣли,
Пѣлись пѣсни безъ числа
И любовь ей съ колыбели
Стражей вѣрною была.
Всѣ даны ей упоенья,
Блага всѣ даны сполна,
Жизни внутренней движенья,
Жизни внѣшней тишина.
И въ душѣ, созрѣлой нынѣ,
Грустный слишится вопросъ:
Въ лучшей вѣка половинѣ
Что ей въ мірѣ удалось?

Что смогла восторга сила,
Что сказалъ души языкъ?
Что любовь ея свершила
И порывъ чего достигъ?
Съ прошлостью, погибшей даромъ,
Съ грозной тайной впереди,
Съ безполезнымъ сердца жаромъ,
Съ волей праздною въ груди,
Съ грезой тщетной и упорной,
Можетъ, лучше было ей
Обезумѣть, въ жизни вздорной,
Иль угаснутъ средь степей.

Ноябрь. 1845.

1846.

I.

ДУМЫ.

Зоветъ насъ жизнь: идемъ, мужаясь, всѣ мы,
Но въ кроткій часъ, гдѣ стихнетъ громъ невзгодъ,
И страсти спятъ, и споры сердца нѣмы,—
Дохнетъ душа среди мірскихъ заботъ,
И вдругъ мелькнутъ далекіе Эдемы,
И думы власть опять свое беретъ.

Остановясь горы на половинѣ,
Пришлецъ порой кругомъ бросаетъ взглядъ:
За нимъ цвѣты и майскій день въ долинѣ,
А передъ нимъ гранитъ и зимній хладъ.
Какъ онъ, впередъ гляжу я рѣже нынѣ
И болѣе гляжу уже назадъ.

Тамъ много есть, чего не встрѣтить снова,
Прелестна тамъ и радость и бѣда,
Тамъ много есть любимаго, святого,
Разбитаго судьбою навсегда!

Ужели все душа забыть готова?
Ужели все проходитъ безъ слѣда?

Ужель вы мнѣ, безжизненныя тѣни,
Вы, взявшіе съ меня въ моей веснѣ
Дань жаркихъ слезъ и горестныхъ бореній,
Погибшія! ужель вы чужды мнѣ?
И помнитесь среди сердечной лѣни
Лишь изрѣдка и темно, какъ во снѣ?

Ты, съ коей я простилася, рыдая,
Чей путь избралъ безжалостно Творецъ,
Святой любви поборница младая,
Ты приняла терновый свой вѣнецъ.
И скрыла глушь убійственнаго края
И подвигъ твой, и грустный твой конецъ.

И тамъ, гдѣ ты несла свои страданья,
Гдѣ гасла ты въ несказанной тоскѣ,
Ужъ, можетъ, нѣтъ въ сердцахъ воспоминанья,
Нѣтъ имени на гробовой доскѣ.
Прошли года, и вижу безъ вниманья
Твое кольцо я на своей рукѣ.

А какъ съ тобой разсталася тогда я,
Сдавалось мнѣ, что я другихъ сильнѣй,
Что я могу любить, не забывая,
И двадцать лѣтъ грустить, какъ двадцать дней...

И тѣнь встаетъ передо мной другая
Печальнѣе, быть можетъ, и твоей.

Безвѣстная, далекая могила!
И надъ тобой промчалися лѣта,
А въ снахъ моихъ та жъ пагубная сила,
Въ моихъ борьбахъ та жъ грустная тщета.
И какъ тебя, дитя, она убила,
Убьетъ меня безумная мечта.

Въ ночной тиши онъ кончилъ жизнь печали,—
О смерти той не мнѣ бы забывать!
Въ ту ночь два-три страдальца окружали
Отжившаго изгнанника кровать.
Смолкъ вздохъ его, разгаданный едва ли,
А тамъ ждала и родина, и мать.

Ты молодъ слегъ подъ тяжкой дланью рока!
Восторгъ святой еще въ тебѣ кипѣлъ,
Въ грядущей мглѣ твой взоръ искалъ далеко
Благихъ путей и долговѣчныхъ дѣлъ:
Созрѣлыхъ лѣтъ жестокаго урока
Ты не узналъ;—блаженъ же твой удѣлъ!

Блаженъ! хоть ты сомкнулъ въ изгнаньи вѣжды!
Къ метѣ одной ты шелъ, неколебимъ,
Такъ крестъ пріявъ на бранныя одежды,
Шли рыцари въ святой Ерусалимъ.

Ударилъ громъ, въ прахъ пала цѣль надежды,—
Но прежде палъ дорогой пилигримъ.

Еще другой! Сердечная тревога,
Какъ чутко спишь ты!—да, еще другой!
Чайльдъ-Гарольдъ правъ. Увы, ихъ слишкомъ много,
Хотя ихъ и всѣхъ такъ мало!—но порой
Кто не подвелъ печальнаго итога,
И не поникъ, блѣднѣя, головой!

Не одного мы погребли поэта!
Судьба у насъ ихъ губитъ въ цвѣтѣ дней.
Онъ первый палъ;—вѣсть памятна мнѣ эта!
И раздалась другая вслѣдъ за ней.
Удаченъ вновь былъ выстрѣлъ пистолета,—
Но смерть твоя мнѣ въ грудь легла больнѣй.

И неужель, любимецъ вдохновеній,
Исчезнувшій, какъ легкій признакъ сна,
Тебѣ, скорбя, своихъ поминовеній
Не принесла родная сторона?
И мнѣ пришлось тебя назвать, Евгеній,
И дань стиха я дамъ тебѣ одна?

Возьми жъ ее ты въ этотъ часъ завѣтный,
Возьми жъ ее, когда молчатъ они.
Увы! зачѣмъ блестятъ сквозь мракъ безцвѣтный
Бывалыхъ чувствъ блудящіе огни?

Зачѣмъ порывъ и немощный и тщетный?
Кто вызвалъ васъ, мои младые дни?

Что, блѣдный ликъ, вперяешь издалека
И ты въ меня свой неподвижный взоръ?
Спокойна я, шли годы безъ намека;
Къ чему ты здѣсь, ушедшій съ давнихъ поръ?
Оставь меня!—бѣлѣетъ день съ востока,
Пусть призраковъ изчезнетъ грустный хоръ.

Бѣлѣетъ день, звѣздъ гаситъ рой алмазный,
Зоветъ къ труду и требуетъ дѣла.
Пора свершать свой путь однообразный,
И все забыть, что жизнь превозмогла,
И отрезвѣть отъ хмѣля думы праздной
И слѣдъ мечты опять стряхнуть съ чела.

Гиреево. Іюль. 1846 г.

II.

И. С. АКСАКОВУ.

Все начатое свершится,
Многаго слѣдъ пропадетъ.

Въ часы раздумья и сомнѣнья,
Когда съ души своей порой
Стряхаю умственную лѣнь я,

На зрѣющія поколѣнья
Гляжу я съ грустною мечтой.

И трепетно молю я Бога
За этихъ пламенныхъ невѣждъ;
Ихъ осужденіе такъ строго,
Въ нихъ убѣжденія такъ много,
Такъ много воли и надеждъ!

И, можетъ, ляжетъ имъ на темя,
Безъ пользы, времени рука,
И пропадетъ и это племя,
Какъ Богомъ брошенное сѣмя
На почву камня и песка.

Есть много тяжкихъ предвѣщаній,
Холодныхъ много есть умовъ,
Которыхъ мысль, въ нашъ вѣкъ сознаній,
Не признаетъ святыхъ алканій,
Упрямыхъ вѣръ и дѣтскихъ сновъ,

И, подавленъ земной наукой,
Въ нихъ даръ божественный исчезъ;
И взоръ ихъ, нынѣ близорукій,
Для нихъ достаточной порукой
Что гаснутъ звѣзды средь небесъ,

Но мы глядимъ на звѣзды неба,
На міра вѣчнаго объемъ,

Но въ насъ жива святая треба,
И не житейскаго лишь хлѣба
Для жизни мы отъ Бога ждемъ.

И хоть пора плода благого
Уже настанетъ не для насъ,
Другимъ онъ нуженъ будетъ снова,
И Провидѣнье сдержитъ слово,
Когда бъ надежда не сбылась.—

И мы, чья нива не созрѣла,
Которымъ жатвы не сбирать,
И мы свой жребій встрѣтимъ смѣло,
Да будетъ вѣра—наше дѣло,
Страданье—наша благодать.

Гиреево. 1846. Августъ.

III.

ПРОЧТЯ СТИХОТВОРЕНІЯ МОЛОДОЙ ЖЕНЩИНЫ.

Опять отзывъ печальной сказки,
Намъ всѣмъ знакомой съ давнихъ поръ,
Надеждъ безсмысленныя ласки
И жизни строгій приговоръ.

Увы! души пустыя думы!
Младыхъ восторговъ плѣнъ и прахъ!
Любили всѣ одну звѣзду мы,
Въ непостижимыхъ небесахъ!

И всѣ, волнуяся, искали
Мы сновидѣнья своего;
И намъ, утихшимъ, жаль едва ли,
Что ужились мы безъ него.

Ноябрь. 1846.

IV.

Н. М. ЯЗЫКОВУ.

What is wright is wright.
Byron.

Нѣтъ! не могла я дать отвѣта
На вызовъ мирный, какъ всегда;
Мнѣ стала нынѣ лира эта
И непонятна и чужда.
Не признаю ея напѣва,
Не онъ въ тѣ дни плѣнялъ мой слухъ;
Въ ней крикъ языческаго гнѣва,
Въ ней злобный пробудился духъ.
Не нахожу въ душѣ я дани

Для дѣлъ гордыни и грѣха,
Нѣтъ на проклятія и брани
Во мнѣ отзывнаго стиха.
Во мнѣ нѣтъ чувства, кромѣ горя,
Когда знакомый гласъ пѣвца,
Слѣпымъ страстямъ безбожно вторя,
Вливаетъ ненависть въ сердца.
И я глубоко негодую,
Что тотъ, чья пѣснь была чиста,
На площадь музу шлетъ святую,
Вложивъ руганья ей въ уста.
Мнѣ тяжко знать и безотрадно,
Какъ дышитъ страстной онъ враждой,
Чужую мысль карая жадно
И роясь въ совѣсти чужой.
Мнѣ стыдно за него и больно;
И вмѣсто пѣсенъ, какъ сперва,
Лишь вырываются невольно
Изъ сердца горькія слова.

1846 г.

1847 г.

I.

СФИНКСЪ.

Эдипа Сфинксъ, увы! онъ пилигрима
И нынѣ ждетъ на жизненномъ пути,
Ему въ лицо глядитъ неумолимо
И никому онъ не даетъ пройти.

Какъ въ старину, и намъ, потомкамъ позднимъ,
Онъ, пагубный, является теперь,
Сфинксъ бытія, съ однимъ вопросомъ грознымъ,
Полукрасавица и полузвѣрь.

И кто изъ насъ, въ себя напрасно вѣря,
Не разгадалъ загадки роковой,
Кто духомъ палъ, того ждутъ когти звѣря,
Замѣсто устъ богини молодой.

И путь кругомъ смоченъ людскою кровью,
Костями вся усѣяна страна,
И къ Сфинксу вновь, съ таинственной любовью,
Уже идутъ другія племена.

Май. 1847 г.

1848 г.

I.

Среди событій ежечасныхъ,
Какой мнѣ сонъ волнуетъ умъ?
Откуда взрывъ давно безгласныхъ,
И малодушныхъ и напрасныхъ,
И неумѣстныхъ нынѣ думъ?

Изъ подъ холоднаго покрова
Ужель встаетъ нѣмая тѣнь?
Ужели я теперь готова,
Чрезъ двадцать лѣтъ, заплакать снова,
Какъ въ тотъ весенній, грустный день?

Внимая гулу жизни шумной,
Твердя толпы пустой языкъ,
Боялась, словно вещи чумной,
Я этой горести безумной
Коснуться сердцемъ хоть на мигъ.

Ужель былое, какъ отрада,
Мнѣ нынѣ помнится въ тиши?

Ужели утолять я рада,
Хоть этимъ кубкомъ, полнымъ яда,
Всѣ жажды тщетныя души!

Мартъ. 1848 г.

II.

ДУМЫ.

Я снова здѣсь, подъ сѣнью крова,
Гдѣ знала столько тихихъ грезъ:
И шопотъ слушаю я снова
Знакомыхъ кедровъ и березъ;
И какъ прошедшею весною
Несутся вновь издалека
Надъ ихъ зыбучей головою,
За облаками облака.

И вы опять несетесь мимо,
О тѣни лучшихъ сновъ моихъ!
Опять въ уста неотразимо
Играющій ложится стихъ;
Опять утихнувшихъ волненій
Струя живая бьетъ въ груди,
И много думъ и вдохновеній
И много пѣсенъ впереди!

Свершу ли ихъ? Пойду ли смѣло,
Куда мнѣ Богъ судилъ итти?
Увы! окрестность опустѣла,
Отзывы смолкли на пути.
Не во время стиховъ причуда,
Исчезъ поэтовъ хороводъ,
И вѣтеръ русскій ни откуда
Волшебныхъ звуковъ не несетъ.—

Пришлось молчать мечтамъ завѣтнымъ;
Зачѣмъ тому, кто духомъ нищъ,
Тревожить нынѣ словомъ тщетнымъ
Безмолвный миръ святыхъ кладбищъ!...

Гиреево. Іюнь. 1848 г.

III.

КЪ С. К. Н.

Разбранена я вѣрно вами;
Чтобъ горю этому помочь,
Пишу сегодня къ вамъ стихами,—
Писать иначе мнѣ не въ мочь.
Несется буря и угроза
Вкругъ томной лѣни нашихъ дней,
Тяжка становится мнѣ проза,
И раззнакомилась я съ ней.

Да, собиралася съ начала,
Весьма усердно, какъ всегда,
Я къ вамъ писать,—и не писала;—
Но гдѣ же грѣхъ? и гдѣ бѣда?
Ужель нельзя намъ межъ собою
Сойтися дружбою мужскою?
Ужель во всемъ нужна намъ рѣчь?
Не вѣримъ ли въ союзъ мы прочный?
Не можемъ ли любви заочной
Безъ писемъ долго мы сберечь?—
Всѣ переписки, молвить строго,
Лишь болтовня и баловство:
Онѣ иль слишкомъ скажутъ много,
Или ужъ ровно ничего.
Извѣстья ль ждете вы?—Какого?—
Чего боитесь не узнать,
Когда все плохо то, что ново?
Когда незнанье—благодать?
Надеждъ веселую отвагу
Смѣняетъ тяжкая тоска;
И безъ нужды марать бумагу
Не поднимается рука.
Несется гнѣвно воля вѣка,
Покуда новая опека
Смиритъ неистовство его;
Но на тревогу человѣка
Спокойно смотритъ естество.

Краса заката и восхода
Все величава и пышна,
И неизмѣнная природа
Порядка стройнаго полна.—
Нашедши уголокъ уютный,
Гдѣ можно грезамъ дать просторъ,
Годины этой многосмутной
Хочу не слушать крикъ и споръ;
Не спрашивать про сеймъ нѣмецкій,
Давно стоящій на мели;
Не знать о вспышкѣ этой дѣтской,
Съ которой справился Радецкій;
О всемъ, что близко и вдали;
О намъ ужъ свойственной, холерѣ,
О всѣхъ страданіяхъ земли,
О Ламартинѣ, Коссидьерѣ,
О каждой радостной химерѣ,
Которой мы не сберегли.
Хочу я нынѣ жить невѣждой,
И ставя помыслам черту,
Далекой тѣшиться надеждой,
Хранить любимую мечту;
И, пропуская безъ вниманья
Національнаго собранья,
Ошибки, ссоры и грѣхи,
Забывъ, что есть иная треба,
Хочу глядѣть на бездну неба,

Скакать верхомъ, читать стихи.
Намъ думы убаюкать надо,
Упиться надо чѣмъ-нибудь;
Не въ силахъ обращать мы взгляда
На поколѣній грозный путь.
Порой, идея роковая
Должна носиться въ край изъ края,
И долженъ иногда народъ,
Добра и зла не различая,
Безумно броситься впередъ.—
Оставимъ все на волю Бога;
Авось тяжелый минетъ срокъ!
Авось пойдетъ Европѣ впрокъ
Ея сердитая тревога.
Мы будемъ жить, свой пылъ смиря
И предаваяся хоть вѣрѣ,
Что свидимся по крайней мѣрѣ,
Въ Москвѣ, въ началѣ октября.

Лизаветино. 1848. Августъ.

1849 г.

I.

Къ ужасающей пустынѣ
Приведенъ путемъ своимъ,
Что мечтою ищетъ нынѣ,
Утомленный пилигримъ?

Въ темнотѣ полярной ночи
Позабытъ и одинокъ,
Тщетно ты вперяешь очи
На бѣлѣющій востокъ.

Тщетно пышнаго разсвѣта
Сердце трепетное ждетъ;
Пропадетъ денница эта,
Это солнце не взойдетъ!

Москва. Декабрь. 1849.

1850 г.

I.

LATERNA MAGICA.

Вступленіе.

Марая листъ, объ осужденьи колкомъ
Моихъ стиховъ порою мыслю я;
Чернь свѣтская, съ своимъ холоднымъ толкомъ,
Опасный намъ и строгій судія,
Какъ римлянинъ, нельзя пѣть встрѣчи съ волкомъ
Ужъ въ наши дни, иль смерти воробья.

Прошли вѣка, и поумнѣли всѣ мы,
Серьезнѣе глядимъ на бытіе;
Про грусть души, про свѣтлые эдемы
Твердятъ тайкомъ лишь дѣти да бабье.
Все вѣдомо,—всѣ опошлѣли темы,
Что не пиши, все снимокъ и старье.

Вотъ и теперь сомнѣніе одно мнѣ
Пришло на умъ: боюсь, въ строфѣ моей

Найдутъ какъ разъ вкусъ *Домика въ Коломнѣ*
Читатели, иль *Сказки для дѣтей*:—
Но въ глубь души видѣнье залегло мнѣ,
И много вдругъ проснулося затѣй.

И помыслы, какъ рѣзвый хоръ русалокъ,
То вновь мелькнутъ, то вновь уйдутъ на дно;
Несутся сны, ихъ говоръ глухъ и жалокъ;
Мнѣ докучать привыкъ ихъ рой давно.—
— Вотъ кровель рядъ, ночлегъ грачей и галокъ,
Вотъ сѣрый домъ,—и я гляжу въ окно.

И женщина видна тамъ молодая,
Сквозь сумерки ненастливаго дня.
Бѣдняжечка сидитъ за чашкой чая,
Задумчиво головку наклоня,
И шопотомъ, и горестно вздыхая,
Мнѣ говоритъ: Пойми хоть ты меня!—

Изволь; вступлю я въ новое знакомство,
Вступлю съ тобой въ душевное родство;
Любви ли жертва ты, иль вѣроломства,
Иль просто лишь мечтанья своего,
Все объясню;—пишу не для потомства,
Не для толпы, а такъ,—для никого.

Знать суждено инымъ ужъ свыше это,
И писано имъ видно на роду,

Предать свои безцѣннѣйшія лѣта
Ненужному и глупому труду;
Носить въ душѣ безумный жаръ поэта,
Себѣ самимъ и прочимъ на бѣду.

Сентябрь 1850.

II.

ЛАМПАДА ИЗЪ ПОМПЕИ.

Отъ грозныхъ бурь, отъ бѣдствій края,
Отъ безпощадности вѣковъ
Тебя, лампадочка простая,
Сберегъ твой пепельный покровъ.

Стоишь, кладъ скромный и завѣтный,
Краснорѣчиво предо мной,—
Ты странный, двадцатисотлѣтный
Свидѣтель бренности земной!

Свѣтилъ въ Помпеѣ лучь твой блѣдный,
Съ уютной полки, въ тихій часъ,
И надъ язычницею бѣдной
Сіялъ, быть можетъ, онъ не разъ;

Когда одна, съ улыбкой нѣжной,
Съ слезой сердечной полноты,

Она души своей мятежной
Ласкала тайныя мечты.

И въ измѣнившейся вселенной,
Въ перерожденьи всѣхъ началъ,
Одинъ лишь въ силѣ неизмѣнной,
Законъ безсмертный устоялъ.

И можешь ты, остатокъ хлипкій
Былыхъ временъ, теперь опять
Сіять надъ тою же улыбкой
И тѣ же слезы озарять.

1850. Февраль.

III.

ВЕЗДѢ И ВСЕГДА.

(Пародія).

Гдѣ ни бродилъ съ душой унылой,
Какъ ни текли года,—
Все думу слалъ къ подругѣ милой
Вездѣ я и всегда.

Вездѣ влачилъ я, чуждъ забавамъ,
Какъ цѣпь, свою мечту:

И въ Альбіонѣ величавомъ
И въ дикомъ Томбукту;

Въ Москвѣ при колокольномъ звонѣ
Отчизну вновь узрѣвъ,—
Въ иноплеменномъ Лиссабонѣ,
Средь португальскихъ дѣвъ;

И тамъ, гдѣ снится о гяурѣ
Разбойнику въ чалмѣ,
И тамъ, гдѣ пляшетъ въ Сингапурѣ
Индѣйская альмэ;

И тамъ, гдѣ го́рода подъ лавой
Безмолвствуютъ дома,
И тамъ, гдѣ царствуетъ со славой
Тамеа—меа—ма;

Когда я въ вальсѣ мчался съ дамой,
Одѣтою въ атласъ,
Когда предъ грознымъ далай-ламой
Стоялъ я преклонясь;

Когда летѣлъ я въ авангардѣ
На рукопашный бой,
Когда на мрачномъ Сенъ-Готардѣ
Я слушалъ вѣтра вой;

Когда я въ ложѣ горе Теклы

Дѣлилъ, какъ весь Берлинъ,
Когда глядѣлъ на пламень Геклы,
Задумчивъ и одинъ;

Въ странахъ далекихъ или близкихъ
Въ тревогѣ тяжкихъ дней,
На берегахъ Миссисипійскихъ,
На высяхъ Пириней;

На бурномъ морѣ безъ компаса,
Въ лѣсу въ ночной порѣ,
Въ глухихъ степяхъ на Чимборасо,
Въ столицѣ Помаре,

Гдѣ ни бродилъ съ душой унылой,
Какъ ни текли года,
Все думу слалъ къ подругѣ милой
Вездѣ я и всегда.

1850.

IV.

Воетъ вѣтръ въ степи огромной
И валится снѣгъ,
Тамъ идетъ дорогой темной
Бѣдный человѣкъ.

Въ сердцѣ радостная вѣра
Средь кручины злой,
И нависли тяжко, сѣро
Тучи надъ землей.

1850.

1851 г.

I.

Къ могилѣ той завѣтной
Не приходи уныло,
Въ которой смолкнетъ сила
Всей жизненной грозы.

Отвергну плачь я тщетный,
Цвѣты твои и пени;
Къ чему безплотной тѣни
Двѣ розы, двѣ слезы?...

Мартъ. 1851.

II.

ПОРТРЕТЪ.

Сперва онъ думалъ, что и онъ поэтъ,
И драму написалъ, Марина Мнишекъ,
И повѣсти; но скоро понялъ свѣтъ,
И бросилъ чувствъ и думъ пустыхъ излишекъ.

Былъ юноша онъ самыхъ зрѣлыхъ лѣтъ,
И признавая власть своихъ страстишекъ,
Имъ уступалъ хоть чувствовалъ всегда
Боль головы потомъ или желудка;
Но человѣкъ исполненный разсудка
Былъ, впрочемъ, онъ, сынъ вѣка хоть куда.

И то, что есть благаго въ старинѣ,
Сочувствіе въ немъ живо возбуждало;
Съ премудростью онъ излагалъ женѣ
Значеніе семейнаго начала,
Весь долгъ *ея* онъ сознавалъ вполнѣ,
Но самъ межъ тѣмъ стѣснялся бракомъ мало.
Онъ вообще стѣсненья отвергалъ,
По своему питая страсть къ свободѣ,
Какъ Ришелье, который въ томъ же родѣ
Безспорно былъ великій либералъ.

Пріятель мой разумнымъ шелъ путемъ,
Но страннымъ, идиллическимъ причудамъ
Подвластенъ былъ порою: много въ немъ
Способностей хранилося подъ спудомъ,
И много силъ—какъ и въ краю родномъ?—
Онѣ могли быть вызваны лишь чудомъ.
А чуда нѣтъ.—Такъ жилъ онъ съ давнихъ поръ;
Занятія въ виду имѣя тѣ же,
Не сѣтуя, задумываясь рѣже,
И убѣдясь, что всѣ мечтанья вздоръ.—

Не онъ одинъ: ихъ много есть, увы!
Съ напрасными Господними дарами;
Шатаяся по обществамъ Москвы,
Такъ жизнь терять они стыдятся сами;
Съ однимъ изъ нихъ подъ часъ сойдетесь вы,
И вступитъ въ рѣчь серьезную онъ съ вами,
Намѣреній вамъ выскажетъ онъ тьму,
Ихъ совершить и удалось ему бы,—
Но, выпустивъ сигарки дымъ сквозь зубы,
Прибавитъ онъ въ полголоса: кчему?...—

Мартъ. 1851.

III.

СЕРЕНАДА.

Ты все, что сердцу мило,
Съ чѣмъ я сжился умомъ;
Ты мнѣ любовь и сила;—
Спи безмятежнымъ сномъ.

Ты мнѣ любовь и сила,
И свѣтъ въ пути моемъ;
Все, что мнѣ жизнь сулила;—
Спи безмятежнымъ сномъ.

Все, что мнѣ жизнь сулила
Напрасно съ каждымъ днемъ;
Весь бредъ младаго пыла;
Спи безмятежнымъ сномъ.

Весь бредъ младаго пыла
О счастіи земномъ
Судьба осуществила;—
Спи безмятежнымъ сномъ.

Судьба осуществила
Все въ образѣ одномъ;
Одно горитъ свѣтило;—
Спи безмятежнымъ сномъ.

Одно горитъ свѣтило
Мнѣ радостнымъ лучемъ;
Какъ буря бъ не грозила;—
Спи безмятежнымъ сномъ.

Какъ буря бъ не грозила,
Хотя бъ сквозь вихрь и громъ
Неслось мое вѣтрило;—
Спи безмятежнымъ сномъ.

Октябрь. 1851.

1852 г.

I.

Не разъ въ душѣ познавши смѣло
Разврата темныя дѣла,
Святое чувство уцѣлѣло
Одно, средь лютости и зла;
Какъ столбъ разрушеннаго храма,
Гдѣ пронеслося буйство битвъ,
Стоитъ одинъ, глася средь срама
О мѣстѣ вѣры и молитвъ!

Москва. 1852.

II.

Молчала дума роковая
И полужизнію жила я,
Не помня тайныхъ силъ своихъ;
И пробудили два-три слова
Въ груди порывъ бывалый снова,
И на устахъ бывалый стихъ.

На вызовъ встрепенулось чутко
Все, что смирила власть разсудка;
И борется душа опять
Съ своими бреднями пустыми;
И долго мнѣ не сладить съ ними,
И долго по ночамъ не спать.

Декабрь. 1852.

III.

Младыхъ надеждъ и убѣжденій
Какъ много я пережила!
Какъ много радостныхъ видѣній
Развѣялъ вѣтръ, покрыла мгла!
И сила думъ, и буйность рвеній
Въ груди моей еще цѣла.

Ты, съ яснымъ взглядомъ херувима,
Дочь неба, сердца не тревожь!
Какъ тѣнь несется радость мимо,
И лжетъ надежда.—Отъ чего жъ
Такъ эта тѣнь необходима?
И такъ всесильна эта ложь?

Увы! справляюсь я съ собою;
Живу съ другими наравнѣ;
Но жизней чудною, иною,
Нельзя не бредить мнѣ во снѣ.—
Куда дѣваться мнѣ съ душою!
Куда дѣваться съ сердцемъ мнѣ!..

Декабрь. 1852.

1854.

I.

Мы странно сошлись. Средь салоннаго круга
Въ пустомъ разговорѣ его,
Мы словно украдкой, не зная другъ друга,
Свое угадали родство.

И сходство души, не по чувства порыву,
Слетѣвшему съ устъ наобумъ,
Провѣдали мы, не по мысли отзыву
И проблеску внутреннихъ думъ.

Занявшись усердно общественнымъ вздоромъ,
Шутливое льется словцо,
Мы вдругъ любопытнымъ, внимательнымъ взоромъ
Взглянули другъ другу въ лицо.

И каждый изъ насъ, болтовнею и шуткой,
Удачно мороча ихъ всѣхъ,
Подслушалъ въ другихъ свой заносчивый, жуткій,
Ребенка спартанскаго, смѣхъ.

И, свидясь, въ душѣ мы чужой—отголоска
Своей не старались найти,
Весь вечеръ вдвоемъ говорили мы жестко,
Держа свою грусть взаперти.

Не зная, придется ль увидѣться снова,
Нечаянно встрѣтясь вчера,
Съ правдивостью странной, жестоко, сурово,
Мы распрю вели до утра;

Привычныя всѣ оскорбляя понятья,
Какъ врагъ безпощадный съ врагомъ;—
И, молча, другъ другу и крѣпко, какъ братья,
Пожали мы руку потомъ.

1854 Генварь.

II.

Salut, salut, consolatrice,
Ouvre tes bras, je vais chanter!

A. de-Musset.

Ты, уцѣлѣвшій въ сердцѣ нищемъ,
Привѣтъ тебѣ, мой грустный стихъ!
Мой свѣтлый лучъ надъ пепелищемъ.
Блаженствъ и радостей моихъ!

Одно, чего и святотатство
Коснуться въ храмѣ не могло;
Моя напасть! мое богатство!
Мое святое ремесло! —

Проснись же, смолкнувшее слово!
Раздайся съ устъ моихъ опять!
Сойди къ избранницѣ ты снова,
О, роковая благодать!
Уйми безумное роптанье,
И обреки все сердце вновь
На безграничное страданье,
На безконечную любовь!

Дерптъ Февраль. 1854.

III.

Мѣняясь долгими рѣчами,
Когда сидимъ въ вечерній часъ,
Одни и тихіе мы съ вами,
Въ раздумьѣ, грустными глазами
Смотрю порою я на васъ.

И я, смотря, вздохнуть готова,
И хочется тебѣ сказать:
Зачѣмъ съ чела ты молодого

Стереть стараешься былого
Несокрушимую печать?

Зачѣмъ ты блескъ невольный взора
Скрыть отъ меня какъ будто радъ?
И какъ отъ тайнаго укора
Вдругъ замолчишь средь разговора,
И засмѣешься не впопадъ?

Ту мысль разгаданную мною,
Ту мысль, чей ропотъ не утихъ,
Дай мыслью встрѣтить мнѣ родною,
И милосердія сестрою
Дай мнѣ коснуться ранъ твоихъ!

Дерптъ. 30 марта. 1854.

IV.

Зачѣмъ судьбы причуда
Насъ двухъ вела сюда,
И врозь ведетъ отсюда
Насъ вновь, Богъ вѣсть куда?—

Зачѣмъ, скажи?—Ужели
Затѣмъ лишь, чтобъ могло
Земныхъ скорбей безъ цѣли
Умножиться число?

Чтобы солгалъ, сіяя,
Маякъ и этотъ мнѣ?
Чтобъ жизни шутка злая
Свершилася вполнѣ?

Чтобъ все, что уцѣлѣло,
Что съ горестью потерь
Еще боролось смѣло,
Разбилося теперь?

Иль чтобъ сбылося чудо?
Иль чтобъ взошла звѣзда?..
Зачѣмъ судьбы причуда
Насъ двухъ вела сюда?..

Апрѣль. 1854.

V.

Когда одинъ, среди степи Сирійской,
Палъ пилигримъ на тягостномъ пути,
Есть, можетъ, тамъ пріютъ оазы близкой,
Но до нея ему ужъ не дойти.

Есть, можетъ, тамъ, въ спасенье пилигрима,
Прохлада пальмъ и токъ струи живой;
Но на пескѣ лежитъ онъ недвижимо.—
Онъ долго шелъ дорогой роковой;

Онъ бодро шелъ, и въ бѣдственной пустынѣ,
Не разъ упавъ, не разъ вставалъ опять,
Съ молитвою, съ надеждою;—но нынѣ
Пора пришла,—ему нѣтъ силы встать.—

Вокругъ него блеститъ песокъ безбрежный,
Въ его мѣхахъ изсякъ воды запасъ;—
Въ нѣмую даль пустыни, съ небомъ смежной,
Онъ, гибнувшій, глядитъ въ послѣдній разъ.

И солнца лучъ, пылающій съ заката,
Жжетъ желтый прахъ; и степь молчитъ; но вотъ—
Тамъ что-то есть, тамъ тѣнь ложится чья-то,
И близится,—и человѣкъ идетъ—

И къ падшему подходитъ съ грустнымъ взглядомъ,—
Свело ихъ двухъ страданія родство,—
Какъ съ другомъ другъ, садится, съ нимъ онъ рядомъ,
И въ кубокъ свой льетъ воду для него;

И подаетъ;—но можетъ лишь немного
Напитка онъ спасительнаго дать:
Онъ путникъ самъ: длинна его дорога,
А дома ждетъ сестра его и мать.

Онъ всталъ;—и тотъ, его схвативши руку,
Въ предсмертный часъ прохожему тогда
Всю тяжкую высказываетъ муку,
Всѣ горести безплоднаго труда:

Все, что постигъ и вынесъ онъ душою,
Что гордо онъ скрывалъ въ своей груди,
Все, что въ пути оставилъ за собою,
Все, что онъ ждалъ, безумецъ, впереди.

И какъ всегда, онъ вѣрилъ въ часъ спасенья,
Средь лютыхъ бѣдъ въ безжалостномъ краю,
И всѣ свои напрасныя боренья
И всю любовь напрасную свою.—

—Жму руку такъ тебѣ я въ часъ прощальный,
Такъ говорю сегодня я съ тобой.
Нашелъ меня въ пустынѣ ты печальной,
Сраженную послѣднею борьбой.

И подошелъ съ заботливостью брата,
Ты къ страждущей и далъ ей, все что могъ;
Въ чужой глуши мы породнились свято,—
Разлуки намъ теперь приходитъ срокъ.

Вставай же, другъ, и въ путь пускайся снова;—
Къ тебѣ дойдетъ, въ безмолвьи пустоты,
Быть можетъ, звукъ слабѣющаго зова!
Но ты иди, и не смущайся ты.—

Тебѣ есть трудъ, тебѣ есть дѣла много,
Не каждому возможно помогать;
Иди впередъ: длинна твоя дорога,
И дома ждетъ сестра тебя и мать.

Будь твердъ твой духъ, честна твоя работа,
Свершай свой долгъ и, Богъ тебя крѣпи!
И не тревожь тебя та мысль, что кто-то
Остался тамъ покинутый въ степи.—

Дерптъ. 1854. Апрѣль

VI.

О быломъ, о погибшемъ, о старомъ
Мысль нѣмая душѣ тяжела;
Много въ жизни я встрѣтила зла,
Много чувствъ я истратила даромъ,
Много жертвъ невпопадъ принесла.

Шла я вновь послѣ каждой ошибки,
Забывая жестокій урокъ,
Безоружно въ житейскія сшибки;
Вѣры въ слезы, слова и улыбки
Вырвать умъ мой изъ сердца не могъ.

И душою, судьбѣ непокорной,
Средь невзгодъ одолѣвшихъ меня,
Убѣжденья въ успѣхъ сохраня,
Какъ игрокъ ожидала упорный
День за днемъ я счастливаго дня.

Смѣло кладъ я бросала за кладомъ,—
И стою, проигравшися въ пухъ;
И счастливцы, сидящіе рядомъ,
Смотрятъ жаднымъ язвительнымъ взглядомъ,—
Измѣняетъ ли твердый мнѣ духъ?

Декабрь. 1854.

VII.

КЪ * * *

Когда шучу я наудачу,
Когда смѣюся я съ людьми,
И ты лишь видишь, какъ я плачу,
Тѣхъ слезъ значенье ты пойми.

Пойми, что въ этотъ мигъ не надо
Велѣть мнѣ верхъ брать надъ собой;
Что въ этомъ взрывѣ есть отрада
И примиреніе съ судьбой.

Его прими ты какъ поруку,
Что всѣхъ простила я вполнѣ,
Что протянулъ не даромъ руку
Такъ добросовѣстно ты мнѣ.

Что весь свой вѣкъ сражаясь съ ложью,
Въ концѣ тяжелаго пути,
Могу признать я милость Божью,
И въ гробъ безъ ропота сойти,—

Могу, въ толпѣ не дрогнувъ бровью,
Томима ношею большой,
Заплакать съ вѣрой и любовью
Предъ многолюбящей душой.

И шлетъ Господь, быть можетъ, эту
Нежданную мнѣ благодать,
За то, что каждому привѣту
Еще я смѣю довѣрять;

Что безъ опоръ и безъ пріюта
Еще полна я силъ былыхъ;
Что слово горестное Брута
Изъ устъ не вырвалось моихъ.

Декабрь. 1854

1855 г.

I.

ДВѢ КОМЕТЫ.

Текутъ въ согласіи и мирѣ,
Сіяя радостнымъ лучомъ,
Семейства звѣздныя въ эѳирѣ
Своимъ указаннымъ путемъ.

Но двѣ проносятся кометы
Тѣмъ стройнымъ хоромъ не въ примѣръ;
Онѣ ихъ солнцемъ не согрѣты,
Не сестры безмятежныхъ сферъ.

И въ небѣ встрѣтились уныло,
Среди скитанья своего,
Два безотрадныя свѣтила,
И поняли свое родство.

И, можетъ, съ сѣвера и съ юга
Ведетъ ихъ тайная любовь,
Въ пространствѣ вновь искать другъ друга,
Привѣтствовать другъ друга вновь.

И въ розное они теченье
Опять влекомыя судьбой,
Сойдутся ближе на мгновенье,
Чѣмъ всѣ міры между собой.—

Апрѣль. 1855.

II.

Ты силу дай! устамъ моимъ храненье
Ты положи.
Учи сдержать душевное стремленье,
Да не внесу я правды возмущенье
Въ ихъ царство лжи.

Да не отдамъ даянія святого
Въ игрушку имъ;
Ихъ мудрости да не встревожу снова,
И теплаго да не промолвлю слова
Сердцамъ глухимъ.

Когда рядъ думъ, какъ волнъ въ морскомъ просторѣ
Тревожный рядъ,
Во мнѣ кипитъ, съ грозою въ тяжкомъ спорѣ,
То знай одинъ, что въ этомъ бурномъ морѣ
Есть дивный кладъ.

1855. Апрѣль.

III.

Прошло сполна все то, что было,
Разсудокъ чувство покорилъ,
И одолѣла воли сила
Послѣдній взрывъ сердечныхъ силъ.

И какъ сегодня все далеко,
Что совершалося вчера:
Стремленье думъ, борьбы безъ прока,
Души бѣдовая игра!

Какъ долго грудь роптала вздорно,
Кичливыхъ прихотей полна;
И какъ все тихо и просторно
И безотвѣтно въ ней до дна.

Я вспоминаю лишь порою
Про лучшій сонъ мой, какъ про зло,
И мыслю съ тяжкою тоскою
О томъ, что было, что прошло.

Петербургъ. 1855. Октябрь.

IV.

Н. П. Б—ой.

Не хочу возставать, негодуя,
Я на нихъ и ихъ свѣтскій уставъ,

На предательство ихъ поцѣлуя
И на ярость ихъ лютыхъ расправъ.

Пусть бѣду безпощаднѣй разврата
Ихъ клеймитъ неоспоренный судъ;
Пусть они на несчастнаго брата
Какъ на вреднаго звѣря идутъ;

И сбирая въ веселой ловитвѣ
Кругъ знакомыхъ, друзей и родни,
Просятъ Бога, въ священной молитвѣ,
Ихъ простить, какъ прощаютъ они.—

Но промолвлю я теплое слово,
Жму съ любовью я руку тому,
Кто на скорбь и несчастье другого
Не смотрѣлъ какъ на срамъ и чуму;

Кто въ немъ силъ не старался остатки
Истребить оскорбленьемъ своимъ;
Кто гонимаго зналъ недостатки
И нашелъ извиненіе имъ.

Петербургъ. 1855.

V.

КЪ***

Да, я душой теперь здорова,
Недавнихъ думъ въ ней нѣтъ слѣда;
Какъ человѣка мнѣ чужого,
Себя я помню иногда.
Остатокъ силы истощая
Въ тревогѣ внутренней борьбы,
Привыкнуть сердцемъ не могла я
Къ неумолимости судьбы.
За все сокрытое мученье
За все несчастье долгихъ дней,
Я хоть одно вознагражденье
Просила въ гордости своей;
И приближалась безпокойно
Къ концу тяжелаго пути,
И думала, что я достойна
Возмездье жданное найти.
Съ преступною какой-то вѣрой
Я втайнѣ чаяла чудесъ,
И мѣрила земною мѣрой
Я милосердіе небесъ.
Вы помните, средь нашихъ преній
Не разъ смутилась я, не разъ
Изъ сердца вырывались пени
И слезы брызнули изъ глазъ;

То было ль первое разстройство,
Затѣи праздной головы,
Поэта бѣдственное свойство,
Какъ часто повторяли вы?
Что нужды?—Дѣло не въ причинѣ,
Но въ разговоръ разумный нашъ
Не будетъ вмѣшиваться нынѣ
Ужъ эта горестная блажь.
Отвергнулъ умъ мой, безъ изъятья,
Все, чѣмъ тогда смущался онъ.
Въ груди смиренныя понятья
И безпрерывный угомонъ.
Утихла ль вдругъ безъ перехода,
Я духомъ? вслѣдствіе чего?
Усилій цѣлаго ли года,
Борьбы ли часа одного?
Душевныхъ ли пріобрѣтеній
Иль новыхъ, можетъ быть, потерь?—
Благоразумія,—иль лѣни?
И легче ли оно теперь?
Оно сперва ли легче было?
Развѣдать намъ какая стать,
Что сердцу тяжко, сердцу мило—
О томъ не станемъ толковать,
Оставимъ вмѣстѣ, Бога ради,
Мы всякій суетный вопросъ;

И будемъ восхвалять, какъ Сади,
Журчанье струй и прелесть розъ.

1855 г.

VI.

ПЛОВЕЦЪ.

Посвящается Петерсону.

Vae victis!

Колыхается океанъ ненастный,
Высь небесную кроетъ сумракъ сѣрый,
Удалой пловецъ держитъ путь опасный
Съ твердою вѣрой.

Хоть бы бури злость пронеслась надъ бездной,
Хоть бы грянулъ громъ и волна завыла,
Проченъ челнъ его, вѣренъ руль желѣзный,
Крѣпко вѣтрило.

Онъ съ враждою волнъ споритъ сильнымъ споромъ,
Не проглянетъ ли хоть звѣзда средь мрака,
Не мелькнетъ ли гдѣ, надъ морскимъ просторомъ,
Отблескъ маяка.

Высота темна, и пространство глухо,
Въ небѣ нѣтъ звѣзды, нѣтъ вдали свѣтила.—

Въ грудь тоска легла, онѣмѣла духа
Гордая сила.

Не найти пути въ этой мглѣ безбрежной,
Не послать къ умамъ существа живого,
Чрезъ свирѣпый шумъ глубины мятежной,
Тщетнаго зова.

Онъ напрасную отложилъ заботу;—
Гуще стелятся полуночи тѣни;
Онъ улегся въ челнъ, уступая гнету
Тягостной лѣни.

Волны тѣшатся и, другъ другу вторя,
Злую пѣснь твердятъ; все темно и дико.
Челнъ уносится по разливу моря...
Море велико.

Петербургъ. 1855 г.

VII.

ПРАЗДНИКЪ РИМА.

Врагъ побѣжденъ, взятъ островъ Мона,
Со славой рать пришла назадъ;
Блеститъ въ огняхъ дворецъ Нерона,
Пируетъ семихолмный градъ.

Весь день въ аренахъ длились игры,
Умолкъ недавно цирка ревъ;
Спятъ, пересытясь львы и тигры
На искаженныхъ трупахъ дѣвъ.

Въ прозрачномъ свѣтится туманѣ
Палатъ и храмовъ длинный рядъ;
Вдоль пышныхъ улицъ христіане
Смолой облитые горятъ.

Безъ устали несется мимо
Толпы веселой крикъ и смѣхъ,—
Великолѣпенъ праздникъ Рима,
И грозенъ гулъ его утѣхъ.

Средь бурнаго, людского вала
Стоялъ, на шумной площади,
Одинъ пришлецъ у пьедестала
Волчихи, вылитой въ мѣди.

Угрюмый, не дѣля ихъ пира;
Презрѣнный варваръ, онъ глядѣлъ,
Какъ тѣшилась столица міра,
Взявъ властно міръ себѣ въ удѣлъ.

Онъ слушалъ оргій дикій грохотъ,
И съ буйнымъ кликомъ празднества
Его сливался злобный хохотъ,
И полувнятныя слова:

—„Ты правъ! Воздвигнулъ градъ свой вѣчный
Не даромъ ты: дай волѣ ходъ,
Ликуй въ свирѣпости безпечной,—
Ты правъ, неистовый народъ!

„Да, требуй крови ты, какъ хлѣба,
Свершай, съ безстрашной жаждой зла,
Въ виду поруганнаго неба,
Свои ты звѣрскія дѣла.

„Свой лютый пиръ купилъ ты златомъ,
Тебѣ и завтра онъ готовъ;
Ликуй, смѣняй развратъ развратомъ,
Въ лазури этой нѣтъ боговъ!...“

* * *

И звѣздъ безмятежныхъ проносится хоръ,
И смотритъ на Рима блестящій позоръ,
И смотритъ, свой путь продолжая,
На темную степь, на безбрежный просторъ,
На дебри далекаго края.

Тамъ странныя рати куда-то спѣшатъ,
На тощихъ коняхъ, безъ щита и безъ латъ,
Проходятъ чрезъ глушь и тѣснины,
Проходятъ чрезъ долы, средь топей и блатъ,
Плывутъ чрезъ рѣчныя стремнины.

Идетъ въ неизвѣстный, кровавый походъ
Уродливый, злой безъимянный народъ,
Несется онъ куча за кучей;
Въ предѣлъ изъ предѣла, впередъ и впередъ,
Густой, безконечною тучей.—

—Блаженствуй Римъ! пируй по праву,
Ты отъ зари и до зари,
Со всей земли, себѣ въ забаву,
Дань безпощадную бери;
И въ буйствѣ власти безъ предѣла
Бросай рабовъ когтямъ звѣрей;
Пируй!—тебѣ какое дѣло
До тѣхъ безвѣстныхъ дикарей!..

1855.

VIII.

ПАМЯТИ Е. МИЛЬКѢЕВА.

Etsi interissent—vile damnum.

Глядитъ эта тѣнь, поднимаясь въ дали,
Глазами въ глаза мнѣ уныло.
Призвали его изъ родной мы земли,
Но долго заняться мы имъ не могли,
Намъ некогда было.

Взносились изъ сердца его полноты
Напѣвы, какъ дымъ изъ кадила;
Мы пѣсни хвалили; но съ юной мечты
Снять узы недуга и гнетъ нищеты
Намъ некогда было.

Нельзя для чужихъ забывать же потребъ,
Все то, что намъ нужно и мило,
Онъ дикъ былъ и страненъ, былъ гордъ и нелѣпъ;
Узнать,—онъ насущный имѣетъ ли хлѣбъ,
Намъ некогда было.

Вели мы бесѣду, о томъ говоря,
Что чувствъ христіанскихъ свѣтило
Восходитъ, что блещетъ святая заря;
Возиться съ нуждой и тоской дикаря
Намъ некогда было.

Стоялъ той порой онъ въ своемъ чердакѣ,—
Души разбивалася сила;—
Стоялъ онъ безумный, съ веревкой въ рукѣ.—
Въ тотъ вечеръ спросить о больномъ бѣднякѣ
Намъ некогда было.

Стонъ тяжкій пронесся во мракѣ ночномъ...
Есть грѣшная гдѣ-то могила,
Вдали отъ кладбища,—на мѣстѣ какомъ,
Не знаю доселѣ; провѣдать о томъ
Намъ некогда было.

Петербургъ. 1855.

IX.

Когда карателемъ великимъ
Неправды гордой и обидъ,
Противясь силой силамъ дикимъ
Съ Антеемъ въ бой вступилъ Алкидъ,

Не разъ врага сразилъ онъ злого,
Но, опрокинутый, въ пыли
Вставалъ грознѣй, окрѣпнувъ снова,
Неукротимый сынъ земли.

И начинался споръ сначала,
Ожесточеннѣй чѣмъ сперва,
И бой вести не уставала
Власть духа съ властью вещества.

И вдохновенной мысли нынѣ
Завистливо противостать
Взялось, въ слѣпой своей гордынѣ,
Земли могущество опять.

Съ ней вновь въ борьбу оно вступило;
Упорно длится битва ихъ;—
И будетъ нынѣ духа сила
Опять сильнѣе силъ земныхъ.

Петербургъ. 1855. Августъ.

1857 г.

I.

УЖИНЪ ПОЛЛІОНА.

Посвящается Евгенію Петровичу Новикову.

Въ дни кесаря Веспасіана
Разъ, въ Римѣ у градскихъ воротъ,
Порою лѣтней утромъ рано,
Разгульный собрался народъ.

Катяся до предмѣстій града,
При первыхъ солнечныхъ лучахъ,
Вдали, какъ отъ большаго стада,
Дороги поднимался прахъ.

Изъ покоренной Іудеи
Шли тихо, тѣсною толпой,
Вдоль віи плѣнные евреи,
Склонивъ главу, въ тоскѣ тупой.

Шли старцы, юноши и жены,
Себѣ предвидя смерть и срамъ;

И дѣти, сдерживая стоны,
Пугливо жались къ матерямъ.

И чернь градская толковала,
Шумливымъ говоромъ своимъ,
Что слава Богу—ихъ не мало,
Что завтра запируетъ Римъ,

Что надо къ солнечному всходу
Усѣсться въ циркъ, что будетъ тамъ,
Чѣмъ позабавиться народу
И чѣмъ насытиться звѣрямъ.

* * *

Платановъ раскинулись длинныя тѣни;
За пиромъ вечернимъ средь мраморныхъ залъ,
Съ друзьями, питомцами нѣги и лѣни,
Богачъ молодой возлежалъ.

И явствами, данію суши и моря,
Покрытъ былъ ихъ столъ отъ конца до конца;
И флейты, другъ другу напѣвами вторя,
Звучали изъ сада дворца.

Плясали, руками сплеталися мѣрно,
Танцовщицы, хоромъ оживших картинъ;
Прислуга смѣнила фіалы фалерна
Фіалами греческихъ винъ.

Но тщетно Лесбоса, Хіоса и Крита
Вино изъ амфоръ искрометно текло,
И розами вновь молодая Мелита
Вѣнчала счастливцевъ чело.

Разсказовъ и шутокъ, и рѣчи веселой
Жужжанье живое кругомъ не неслось,
Склонялись, какъ будто подъ ношей тяжелой,
Главы подъ вѣнками изъ розъ.

„Зачѣмъ насъ не тѣшитъ безцѣнная влага?
Сказалъ, оглянувшись, красавецъ Камиллъ,
Зачѣмъ такъ лѣниво вкушаемъ мы блага,
Которыя Зевсъ намъ судилъ?

„Зачѣмъ пріумолкла бесѣда ночная,
Какъ будто не въ силу намъ радость и смѣхъ?
Зачѣмъ, такъ роскошно друзей угощая,
Хозяинъ угрюмѣе всѣхъ?

„Чело молодое цвѣтами обвито,
Онъ можетъ дать волю причудамъ своимъ,
Вино его сладко, прекрасна Мелита;
Зачѣмъ же онъ думой томимъ?“

На гостя взглянулъ, и съ улыбкой нѣмою
Ему Полліонъ на вопросъ отвѣчалъ,
На столъ оперся и лѣнивой рукою
Пустой протянулъ онъ фіалъ.

И Гебы безсмертной свѣжѣе и краше,
Румянцомъ въ лицѣ озарясь горячо,
Мелита, напѣнить вино ему въ чашѣ,
Нагнулась къ нему на плечо.

И съ темныхъ рѣсницъ, опустившихся нѣжно,
Скатилася капля въ фіалъ золотой;
И горькую каплю властитель небрежно
Со сладкою выпилъ струей.

И молвилъ, склонясь на богатой кровати:
„Я думы своей отъ друзей не таю;
Въ кругу ихъ пируя, припомнилъ я кстати
Завидную долю свою:

„Какъ прихоть моя не встрѣчала преграды
Ни въ чемъ, что доселѣ просила она;
Какъ всѣ мнѣ досталися жизни награды,
Всѣ жизни блаженства сполна."

Онъ смолкъ; словно болью блеснули и гнѣвомъ
Глаза, и опять онъ молчанье прервалъ,
И рѣчь дополнялъ будто злобнымъ припѣвомъ
Танцовщицъ звенящій кимвалъ.

„Да жилъ я не даромъ. Въ началѣ пути
Въ наукѣ искалъ я всесильной опоры;
Спѣшилъ къ мудрецамъ я въ ученье идти,
Я слушалъ ихъ вѣчные споры.

„И глубже сомнѣнья мнѣ въ умъ залегли;
Я требовалъ знанья, ждалъ духа живого;
Всегда и повсюду премудрость земли
Пустое давала мнѣ слово.

„Такъ выпьемъ, друзья! Обойдите съ амфорой нашъ кругъ,
Невольники! Выпьемъ, друзья, средь отраднаго пира,
Мы кубокъ въ честь разума, въ честь благодатныхъ наукъ
И мудрости міра!

„Восторгъ свой понесъ я святой красотѣ.
Увидѣлъ Элладу я съ радостнымъ жаромъ;
И въ мірѣ художествъ высокой мечтѣ
Искалъ насыщенія даромъ.

„Стоялъ я, искусства восторженный жрецъ,
Средь дивныхъ созданій его, разумѣя,
Что бѣдно искусство, что въ камень рѣзецъ
Не вложитъ огня Прометея.

„Да славится жъ нами, великаго вѣка сыны,
Художника трудъ, его силъ ежедневная трата!
Такъ выпьемъ же кубокъ мы въ честь благородной страны,
Казнившей Сократа!

„И славу вкусилъ я. У римскихъ воротъ
Я бился, порою тяжелой для края,
Въ рядахъ Флавіанцевъ. Толпился народъ,
И насъ и враговъ подстрекая.

„Смотрѣлъ онъ, какъ лили мы кровь нашихъ жилъ,
Какъ смотрятъ въ театрѣ на ходъ представленья.
Я слышалъ веселый крикъ черни. Разбилъ
О камень свой мечь въ этотъ день я.

„Невольники лейте! да храбрымъ воздастся хвала!
Наполнимъ мы кубки за гордую нашу державу,
За память героевъ, за чести военной дѣла,
За доблесть и славу!

„И сладостью нѣги, роскошнымъ житьемъ
Въ груди заглушимъ, что роптало въ ней тщетно.
Завидуетъ Римъ мнѣ. Взгляните кругомъ,
Смотрите, какъ здѣсь все привѣтно;

„Какъ дивно-прекрасна Мелита моя,
Какъ блага земныя всѣ куплены мною!
Смотрите, какъ полонъ отрадою я,
Какъ веселъ лицомъ и душою!

„Такъ выпьемъ за нѣгу! Невольники, дайте вина!
Друзья молодые! хвалите со мной сладострастье!
Хвалите, фіалы свои осушая до дна,
Счастливаго счастье!“

Опять онъ умолкъ. И патрицій Аврелій
Промолвилъ: „Отвыкнемъ отъ тягостныхъ думъ;
Возьмемъ, что намъ дастся утѣхъ и веселій,
И будемъ мы жить наобумъ.

Пора такова; намъ въ грядущемъ нѣтъ цѣли;
Искать и трудиться безумно для насъ;
Довольно, когда мы устроить съумѣли
Себѣ наступающій часъ.

Насъ завтра ждетъ праздникъ; народомъ покрыта
Ужъ съ вечера площадь; толкуютъ о томъ,
Что въ циркѣ погибнутъ всѣ плѣнники Тита.
Безъ скуки мы день проведемъ.

Не станемъ съ судьбой мы пускаться въ расправу,
Съ заботой глядѣть на урочный нашъ путь,
Мгновенья летучаго вкусимъ забаву,
А дальше что будетъ, то будь.“

Безмолвствовалъ, въ сердце гнетъ тягостный кроя,
Пирующихъ кругъ; и звучать продолжалъ
Лишь только подъ мраморнымъ сводомъ покоя
Танцовщицъ звенящій кимвалъ.

* * *

Пылалъ надъ градомъ полдень жгучій;
Народомъ Колизей шумѣлъ;

Лежали въ циркѣ уже кучи
Растерзанныхъ звѣрями тѣлъ.

Въ рядахъ спесивой знати Рима,
На лютый праздникъ Полліонъ
Глядѣлъ безмолвно, недвижимо,
Какъ погруженный въ тяжкій сонъ.

Готовилась потѣха снова,
Жужжала зрителей молва
Про нумидійскаго, большого,
Еще не спущеннаго льва.

Раздался ревъ и крикъ веселья
Отвѣтно прогремѣлъ кругомъ;
Огромный левъ изъ подземелья
Могучимъ выскочилъ прыжкомъ.

И бокового перехода
Тихонько отворилась дверь:
Прилегъ, смотря въ полсумракъ свода.
Въ срединѣ цирка хищный звѣрь.

Замолкло все. Льняной одежды
Въ тѣни мелькнула бѣлизна;

И вышла, опуская вѣжды,
Изъ двери юная жена.

Перемигнулся сонмъ нарядный
Матронъ надменныхъ и невѣстъ,
И взоръ къ ней обратили жадный
Весталки, привставая съ мѣстъ.

Ея уста шепнули слово;—
Царила въ циркѣ тишина;—
Чела, груди, плеча, другого,
Коснулась медленно она.

Встревожилась толпа густая,
Шумъ пролетѣлъ изъ ряда въ рядъ;
Нагнулся Полліонъ, вперяя
Въ младую жертву смутный взглядъ.

И смыслъ и цѣль его исканья,
Чего онъ ждалъ и ждать отвыкъ,
Чему не вѣдалъ онъ названья,
Ему блеснуло въ этотъ мигъ.

Гудѣлъ все злѣе ропотъ шумный;
Она взглянула, мимо льва,
Туда, гдѣ надъ толпой безумной
Сіяла неба синева.

Склонила въ прахъ она колѣни;
Левъ кинулся, предсмертный стонъ
Пронесся,—и прыгнувъ съ ступени
Упалъ съ ней рядомъ Полліонъ.

Константинополь. Января 12 (24). 1857.

II.

Средь золъ земныхъ, средь суеты житейской
Намъ уцѣлѣлъ божественный завѣтъ;
Чему училъ народъ Онъ Галлилейскій,
Какой давалъ Онъ книжникамъ отвѣтъ,
Всѣ словеса Его святыхъ бесѣдъ
Въ умѣ своемъ мы сохранить умѣемъ.
Не даромъ намъ звучитъ глаголъ любви,
Тамъ, гдѣ лежитъ израненый въ крови,
Мы не пройдемъ надменнымъ фарисеемъ,
Къ страдальцу мы, съ цѣлительнымъ елеемъ,
Склоняемся, и говоримъ: „Повѣрь,
Мнѣ жаль тебя, несчастный, жаль какъ друга;
Приду тебѣ помочь, но не теперь,
Не нынче,—что же дѣлать, нѣтъ досуга;
Не завтра,—завтра званъ я на обѣдъ;

Приду дня черезъ три, въ концѣ недѣли,
А ты крѣпись, къ чему стонать безъ цѣли?
Да лучше встань, тебѣ лежать не слѣдъ!“
Въ умѣ своемъ мы сохранить съумѣли.
Всѣ словеса Его Святыхъ Бесѣдъ.

1857 г.

1858 г.

I.

СПУТНИЦА ФЕЯ.

1.

Явилась впервой мнѣ въ часъ дивный она;
Лежалъ я подъ сѣнью цвѣтущей сирени,
Играли лучи сквозь дрожащія тѣни,
На высяхъ и долахъ царила весна.

И солнце всходило, и пѣлъ соловей,
И ласточекъ въ небѣ рѣзвилася стая,
И ясныя капли катились, блистая,
Какъ слезы блаженства, съ душистыхъ вѣтвей.

И вторя ликующей пышной веснѣ,
Рѣзвились мечты мои, тѣшились смѣло,
И плакало сладко и радостно пѣло
Шестнадцатилѣтнее сердце во мнѣ.

Мнѣ новое словно далося чутье,
Звучали отвсюду мнѣ звуки привѣта;

И весь этотъ міръ, ароматовъ и свѣта
И солнце, и небо,—все было мое.

Далеко стремить захотѣлось свой бѣгъ;
И вдругъ мнѣ она, улыбаясь предстала,
Чудесная, сбросивъ съ лица покрывало,
Въ нарядѣ блестящемъ, какъ дѣвственный снѣгъ.

Съ вѣнкомъ благовоннымъ, на ясномъ челѣ
Стояла глазами въ глаза мнѣ сіяя,
Она предо мною, посланница рая,
Несущая радость и счастье землѣ.

Сквозь шопотъ вѣтвей говорила она,
И сквозь соловья переливныя трели:
„Идемъ! намъ есть въ мірѣ высокія цѣли;
Сподвижницей смѣлой тебѣ я дана.

„Я силами грудь переполню твою,
Живительно буду ее волновать я,
Завѣтныя въ умъ твой, вложу я понятья
И пламень восторга я въ душу волью.

„И всѣмъ помогу я стремленьямъ твоимъ,
Пойду, какъ слуга, за тобою повсюду;
И долго твоею я спутницей буду,
И много житейскихъ мы золъ побѣдимъ;

„И много блаженства насъ ждетъ впереди.“—
Она говорила; и въ свѣтлую фею
Я взоры вперялъ упоенные ею,
И слушало сердце, трепеща въ груди.

2.

Она въ день грустный, въ часъ невзгодный
Въ послѣдній разъ ко мнѣ пришла:
Сѣрѣла пеленой холодной
Въ поляхъ тумановъ полумгла.

Безцвѣтны были и унылы,
Какъ долъ и скаты, небеса,
Всѣ замирали жизни силы,
И всѣ нѣмѣли голоса;

Невнятно, какъ больной тоскливый,
Ропталъ лишь боръ изъ далека;
Чуть двигаясь надъ сжатой нивой,
Тянулись тяжко облака;

И тотъ же самый край былъ это,
И тотъ же долъ, и тотъ же садъ,
Гдѣ мы сошлись въ лучахъ разсвѣта.
Пятнадцать лѣтъ тому назадъ.

И часъ заката, лучъ багровый,
На землю листьевъ желтый рой

Ложился; и въ игрѣ суровой
Взвивалъ ихъ вѣтръ съ земли сырой.

Вились какъ пестрыя ихъ груды
Въ умѣ моемъ, средь тишины,
Мои увядшія причуды,
И упованія и сны.

И вдругъ, очнувшися душою
Отъ горестнаго забытья,
Ее опять передъ собою
Нежданную увидѣлъ я.

Не гостью, радостной, какъ прежде,
Не съ яснымъ взглядомъ торжества,—
Въ обезображенной одеждѣ
Она стояла, чуть жива,

Вся одичалая, нѣмая,
Въ уныньи тяжкомъ и тупомъ,
Изнеможенно поникая
Своимъ развѣнчаннымъ челомъ.

„Къ чему ты здѣсь, сказалъ я глухо,
Ко мнѣ вотще не приходи;
Ты сберегла ль мнѣ силу духа,
Отвагу сердца, жаръ груди?

„Я зналъ съ тобой однѣ утраты
И бѣдоносныя мечты;

Измѣнница! мнѣ солгала ты,
Мнѣ ненавистна стала ты.“—

— „Несчастный! тихо прошептали
Ея дрожащія уста:—
Взгляни и вспомни; не была ли
Я и прекрасна и свята?

„Припомни, что сбылося съ нами,
Съ тѣхъ дней до нынѣшняго дня;
Какими дикими путями
Повелъ, жестокій, ты меня.

„Я отдалась тебѣ всецѣло,
Твоею сдѣлалась рабой,
И разставаться не хотѣла,
Безумецъ жалкій, я съ тобой.

„Суетъ я часто гулъ презрѣнный
Возваньемъ честнымъ прервала,
Твердя про трудъ благословенный,
Про долговѣчныя дѣла.

„Но дальше мчалъ меня ты люто,
Стезею бѣдствій и грѣховъ;
Тебѣ я мирнаго пріюта
Не разъ указывала кровъ,—

„Но ты шелъ мимо, въ злой тревогѣ
Безсмысленно меня губя.

Порой, измучась, на дорогѣ
Я отставала отъ тебя.

„Тогда ты звалъ меня сердито,
И вновь старалась я идти,
И вотъ,—тобою я убита,
Мнѣ нѣтъ спасенія, прости!“—

И, говоря, она рѣдѣла,
Какъ сонъ, блѣднѣе и блѣднѣй,
И чуть лишь отдѣлялась бѣло
Отъ окружающихъ тѣней.

—И я, въ враждѣ съ самимъ собою,
Глядѣлъ и сердце облилось
Внезапно теплою струею
Моихъ невыплаканныхъ слезъ.

„Постой! пойдемъ мы вмѣстѣ снова,
Воскликнулъ я, останься мнѣ!
Дай мнѣ безумія былого
Ошибку искупить вполнѣ.

„И если, бѣдная подруга,
Намъ разставаться суждено,
Такъ пусть обнимемъ мы другъ друга,
Хоть на мгновеніе одно.

„Святымъ лобзаньемъ примиренья
Мою ты душу оживи;

Дай мнѣ минуту вдохновенья,
Минуту счастья и любви!“—

Печальной дрогнули улыбкой
Ея черты, едва видна
Мелькала полосою зыбкой
Въ вечернемъ сумракѣ она.

„Такъ кто жъ ты? вскрикнулъ я невольно,
Откуда ты? зачѣмъ же вдругъ
Съ тобой разстаться мнѣ такъ больно?—
Кто ты, скорбящій, странный другъ?

„Кто ты, пришедшая сначала
Ко мнѣ какъ радость бытія?“—
„Меня ужъ нѣтъ, она сказала
Была я молодость твоя.“—

Москва. 1858. Августъ.

II.

НОЧЛЕГЪ ВИТИКИНДА.

I.

Ихъ двое шло, ночной порою,
Въ глухомъ, дремучемъ соснякѣ,
Какъ будто съ бою или къ бою,
Въ нагрудникахъ съ мечемъ въ рукѣ,

Смотря сердито изъ подъ шлема,
Могучіе богатыри;
И было дико все и нѣмо
Кругомъ, лѣса да пустыри.

Шли оба въ помыслѣ суровомъ
О темномъ дѣлѣ иль бѣдѣ,
Лишь изрѣдка мѣняясь словомъ:
— Ты Альфа видѣлъ?—Видѣлъ.—Гдѣ?—

— У рва, гдѣ выдержалъ онъ снова,
Стоя съ своими впереди,
Напоръ противниковъ.—Живого?—
— Убитаго, съ копьемъ въ груди.

— Гдѣ Убальдъ?—Палъ съ своимъ отрядомъ.—
И смолкла вновь межъ ними рѣчь.
Спросившій, со свирѣпымъ взглядомъ,
Рукою стиснулъ тяжкій мечъ.

Вылъ злѣе вѣтеръ, бурнымъ взрывомъ
Темнѣе мракъ на землю легъ.
Сквозь сосны, подъ крутымъ обрывомъ,
Мелькнулъ вдругъ дальный огонекъ.

— Ого! намъ отдыхъ будетъ скоро;
Тамъ есть ночлегъ какой-нибудь.—
Пошли они туда, средь бора
Мечомъ прорубливая путь.

2.

Вернулся угольщикъ. Въ тревогѣ
Его давно жена ждала,
Стоя съ ребенкомъ на порогѣ:
— „Какія вѣсти изъ села?“ —

Придвинулись къ огню; мальчишка
Сидитъ, смотря отцу въ глаза.
— „Вѣстей хорошихъ нѣтъ излишка,
Подходитъ снова къ намъ гроза.

„Ущелья наши какъ ни глухи,
Намъ безъ бѣды остаться врядъ;
Плохіе нынче ходятъ слухи,
Повсюду, люди говорятъ,

„Что былъ за лѣсомъ бой жестокій,
Что герцогъ Витикиндъ опять,
Въ одной равнинѣ недалекой,
На франковъ сильно двинулъ рать;

„Что саксы грудами тамъ пали,
Что и народа твердый щитъ—
Графъ Альфъ погибъ, и что едва ли
Самъ грозный герцогъ не убитъ.

„Въ селеньяхъ горе и забота;
Къ намъ время лютое пришло!—
Чу! что за шелестъ? словно кто-то
Идетъ, ступая тяжело.

„Вотъ, слышишь? подошли къ забору;
Пойду, взгляну я.“—„Что смотрѣть?
Кому бродить объ эту пору
Въ пустынѣ? Лѣшій иль медвѣдь.“—

Зовутъ. Жена глядитъ въ испугѣ,
Мужъ съ двери крѣпкій снялъ замокъ;
Ступили, въ шлемѣ и кольчугѣ,
Два грозныхъ гостя чрезъ порогъ.

— „Хозяинъ, дай ночлегъ.“—И сѣли,
Угрюмые, передъ огнемъ;
— „Какія бъ ни были постели,
Нѣтъ нужды, мы на нихъ заснемъ.“—

И шлемъ, надвинутый надъ бровью,
Снялъ старшій; вкругъ главы вилась
Повязка, смоченная кровью.
Повелъ онъ взоромъ дикихъ глазъ,

На тяжкій мечъ склонясь устало,
Вокругъ убогаго жилья,
Гдѣ молча ужинъ припасала
Пришельцамъ бѣдная семья.

И на челѣ его суровомъ
Сгущался гнѣвной тучи мракъ,
И вспыхнуло въ огнѣ багровомъ
Его лицо:—„Скажи, землякъ,

„Къ чему тамъ на стѣнѣ, надъ входомъ,
Тѣ двѣ проведены черты,
Которымъ снова мимоходомъ
Какъ будто поклонился ты?“—

Смутился угольщикъ, отвѣта
Онъ дать не знаетъ злымъ гостямъ:
— „Нечаянно случилось это,
Что я нагнулся, идя тамъ.“—

И скрыть стараясь думъ волненье,
Онъ взоръ потупилъ.—„Если такъ,
Исполни же мое велѣнье:
Поди, и плюнь на этотъ знакъ.“—

Хозяинъ дрогнулъ, какъ стрѣлою
Пронзенный; бросилъ на своихъ
Онъ взглядъ, исполненный тоскою,
Съ устъ вздохъ сорвался,—и утихъ.

И гостю житель хаты бѣдный,
Какъ безпощадному врагу,
Взглянулъ въ лицо, и молвилъ, блѣдный:
— „Хоть убивайте, не могу!“—

Всталъ богатырь съ улыбкой ярой
Съ скамейки.—„Видитъ же Воданъ!
Пройду я здѣсь тяжелой карой;
Не пощажу я христіанъ!

„Не позабыть своей привычки
И нынче моему мечу.—
Бери топоръ; тебя безъ стычки,
Какъ тварь, зарѣзать не хочу.“—

И сталь, зазубренная битвой,
Сверкнула.—„Становись къ борьбѣ;
И помолись своей молитвой,
Чтобъ посчастливилось тебѣ.

„Нѣтъ лучшаго тебѣ совѣта;
Надежда насъ смягчить пуста;
Я—герцогъ Витикиндъ, а это—
Графъ Гуннаръ, злѣйшій врагъ Христа.“—

Стоялъ хозяинъ безъ движенья,
Смерть ожидая; пала въ прахъ
Жена предъ знакомъ искупленья,
Съ мольбой замершей на устахъ;—

Схватилъ ребенокъ ножъ, и рядомъ
Съ отцомъ, къ сраженію готовъ,
Онъ сталъ и молвилъ, мѣря взглядомъ
Обоихъ яростныхъ бойцовъ:

— „Отецъ! храбрися; станемъ смѣло!
Что намъ бояться этихъ злыхъ?
Еще не кончено вѣдь дѣло,
Насъ также двое противъ нихъ.“—

Остановился вождь сердитый,
Притихъ, на мальчика смотря;
Ложился отблескъ думы скрытой
На грозный ликъ богатыря.

„Нѣтъ!“ выговорилъ онъ, и звонко
Мечъ зазвенѣлъ, въ ножны скользя.
„Нѣтъ, Гуннаръ! этого ребенка,
Губить не слѣдуетъ,—нельзя.“—

И оба укрѣпили снова
Свои доспѣхи, и пошли;
И стихъ, средь пустыря ночного,
Звукъ шага тяжкаго вдали.

Москва. 1858.

III.

Да, шли мы житейской дорогой,
Глупенько, признаться не грѣхъ,
Съ усильемъ, съ упорствомъ, съ тревогой,
Все въ завтрашній вѣря успѣхъ.

Шелъ каждый, кто лучше, кто хуже,
Дразнимый призракомъ своимъ;—
И всѣ мы дошедши къ тому же,
Назадъ съ удивленьемъ глядимъ.

И можемъ, вздохнувши глубоко,
Всѣ вмѣстѣ мы нынѣ твердить:
„Къ чему было биться безъ прока?
„Къ чему огородъ городить?“

IV.

НЕ ПОРА.

Нѣтъ! въ этой жизненной пустынѣ
Хоть пала духомъ я опять,
Нѣтъ! не пора еще и нынѣ
Притихнуть мыслью и молчать.
Еще блестятъ передо мною
Свѣтила правды и добра;
Еще не стыну я душою;
Труда покинуть не пора.

Еще во мнѣ любви довольно,
Чтобы встрѣчать земное зло;
Чтобъ все снести, что сердцу больно,
И все забыть, что тяжело.
Пускай солжетъ мнѣ завтра снова,
Какъ лгало нынче и вчера:
Страдать и завтра я готова;
Жить безтревожно не пора.

Нѣтъ, не пора! Хоть тяжко бремя,
И степь глуха, и труденъ путь,
И хочется прилечь на время,
Угомониться и заснуть.
Нѣтъ! Какъ бы туча не гремѣла,
Какъ ни томила бы жара,
Еще есть долгъ, еще есть дѣло,—
Остановиться не пора.

Москва. 1858. Іюнь.

V.

А. Д. БЛУДОВОЙ.

Писали подъ мою диктовку
Вы, на столѣ облокотясь,
Склонивъ чудесную головку,
Потупивъ лучъ блестящихъ глазъ.

Бросала на вашъ профиль южный
Свой отблескъ тихая мечта,
И пѣснь души моей недужной
Шептали милыя уста.

И данную мнѣ небесами
Я гордо сознавала власть,

И поняла любуясь вами,
Что я не въ правѣ духомъ пасть.

Что не жалка судьба поэта,
Чье вдохновеніе могло
Такъ дивно тронуть сердце это,
И это озарить чело!..

С.-Петербургъ.
1858. Сентябрь.

1859 г.

ВѢЧНАЯ ПАМЯТЬ.

(Посвящается памяти Н. В. Шеншина).

I.

Вчера я бесѣдовалъ съ вами, друзья,
И жизнью земной наслаждался.
Я молвилъ: до завтра, родная семья!
И весело съ вами разстался.

Но вдругъ, не дождавшись разсвѣта и дня,
Явился духъ міра иного:
Духъ Бога живаго сошелъ на меня,
И взялъ мою душу и слово.

И вотъ я лежу передъ вами нагой,
Бездушный, нѣмой и холодный,
Безъ вида, безъ гласа на откликъ людской,
Безъ отзыва—скорби безплодной.

Не плачьте-жъ, о други!—окончена брань—
И молвите мнѣ: до свиданья!
И дайте мнѣ вашу послѣднюю дань,
Послѣднее ваше лобзанье.

2.

Не говори мнѣ словъ мірского утѣшенья,
Суровой рѣчью ты печали не буди!
Я знаю самъ, что жизнь—тревога и сомнѣнье,
Что много новыхъ слезъ готово впереди.

Я плачу не о томъ: хоть велика утрата,
Хоть каждый мигъ о ней одной лишь говоритъ,
Я знаю: моего потеряннаго брата
Изъ дальней стороны ничто не возвратитъ.

Я объ иномъ скорблю: я плачу и рыдаю,
Что смерть разрушила прекрасную мечту,
Что унесла она, изгнанную изъ рая
И Богомъ данную земную красоту;

Что жизнь лежитъ въ гробу безславно и уныло,
Что свѣтъ—небесный даръ—отъ ока отлетѣлъ,
Что на устахъ печать,—что все возьметъ могила,
Что̀ мысль лелѣяла, что̀ умъ узнать хотѣлъ,

Чѣмъ жизнь была мила, чѣмъ сердце веселилось,
Желанья тѣшились и любовался взглядъ...
Какое таинство нежданное свершилось?
Куда изчезнулъ нашъ Божественный нарядъ?

О Боже, Боже мой! душа моя томится,
Зачѣмъ явилась смерть красу мою отнять?
Опять поникнулъ взоръ,—и мысль моя мутится
И слезы катятся опять...

3.

Житейское море
Волнуютъ бѣды и напасти,
Чужое и близкое горе,
Свои безпокойныя страсти.

Въ сомнѣньи, въ обманѣ
Невѣрная даль безотвѣтна...
А берегъ въ туманѣ,
А пристань вдали чуть примѣтна,

И утлое судно
Испортили камни да мели,
И кормчему трудно
Корму поворачивать къ цѣли.

А близко ль обитель?
Настанетъ ли время покою?
Спаситель! Спаситель!
Нѣтъ силъ для житейскаго бою!

Я жду, не услышу ль
Твое милосердное слово...
Готово, мой Боже,
Усталое сердце готово!

1859 г.

1861 г.

I.

ОТВѢТЪ КЪ ***.

Да,—въ годы прежніе владѣло
Мной вдохновеніе вполнѣ,
И вѣрила въ себя я смѣло,
И про возвышенное дѣло
Въ младой груди шепталось мнѣ.

Съ тѣхъ поръ снесла я горя много,
Промчалось мимо, много дней,
И прошумѣла бурь тревога,
И жизнь идетъ, справляясь строго
Съ душой восторженной моей.

Не сбыться сердца предсказанью!
Живого образа не дамъ
Я сокровенному мечтанью;
Я не поставлю, чистой данью,
Своей иконы въ Божій храмъ!—

Но и того не гаснетъ сила,
И на того свою печать
Искусство свято наложило,
Кто могъ творенье Рафаила
Своею кистью передать.

Дрезденъ. 1861. Генварь.

Разныхъ лѣтъ.

1358—1862 г.

I.

ГР. А. К. ТОЛСТОМУ.

Спасибо вамъ! и это слово
Будь вамъ всегдашній мой привѣтъ!
Спасибо вамъ за то, что снова
Я поняла, что я—поэтъ.

За то, что вновь мнѣ есть свѣтило,
Что вновь восторгъ мнѣ сталъ знакомъ,
И что я вновь заговорила
Моимъ завѣтнымъ языкомъ;

За дивный міръ средь міра прозы,
За вдохновенья благодать,
За прежнія, святыя слезы,
Въ глазахъ сверкнувшія опять;

За все, что вдругъ мнѣ грудь согрѣло,
За счастье предаваться снамъ,
За трепетъ думъ, за жажду дѣла,
За жизнь души,—спасибо вамъ!

II.

Трудъ ежедневный, трудъ упорный!
Ты духъ смиряешь непокорный,
Ты гонишь нѣжныя мечты;
Неумолимо и сурово
По сердца области все снова,
Какъ тяжкій плугъ, проходишь ты,
Ее отъ края и до края
Въ просторъ невзрачный превращая,
Гдѣ пестрый блескъ цвѣтовъ исчезъ...
Но на нее, въ ночное время,
Въ бразды — святое сѣять сѣмя
Нисходятъ ангелы съ небесъ.

III.

Не гордою возьмемъ борьбою
Мы верхъ надъ бѣдствіемъ мірскимъ:
Лишь къ Богу всей взносясь душою,
Смирясь всѣмъ сердцемъ передъ Нимъ,
Пройдемъ чрезъ горе и невзгоды
Мы, племя бренное земли,
Какъ чрезъ морскія злыя воды
Евреи нѣкогда прошли!
И какъ оплотомъ было море

Имъ, въ оный день, стѣной спрямясь,—
Такъ роковое будетъ горе
Святой опорою для насъ!

IV.

За тяжкій часъ, когда я дорогою
Плачусь цѣной,
И пользуясь минутною виною,
Когда стоишь холоднымъ судіею
Ты предо мной:

Нельзя забыть, какъ много въ насъ родного
Сошлось сперва;
Радушнаго нельзя не помнить слова
Мнѣ твоего, когда звучатъ сурово
Твои слова.

Пускай ты правъ, пускай я виновата,
Но ты поймешь,
Что въ насъ все то, что истинно и свято,
Не можетъ вдругъ изчезнуть безъ возврата
Какъ бредъ и ложь.

Я въ силахъ ждать, хотя бы дней и много
Мнѣ ждать пришлось,
Хотя бъ была наказана и строго

Невольная, безумная тревога
Сердечныхъ грозъ.

Я въ силахъ ждать, хоть грудь полна недуга
И злой мечты;
Въ душѣ моей есть боль, но нѣтъ испуга,
Когда нибудь мнѣ снова руку друга
Протянешь ты.

V.

Люблю я васъ, младыя дѣвы;
Люблю грусть жизненной весны,
Мечты неясныя напѣвы,
Еще невѣдующей Евы
Люблю таинственные сны.

Я помню ихъ. Въ душѣ лѣнивой
Всѣ помнимъ мы завѣтный бредъ;
Всѣ помнимъ мы восторгъ свой лживый
И сердца помыслъ горделивый,
И горе внутреннихъ побѣдъ.

У всѣхъ, средь жизненной неволи,
Была мечта одна и та жъ,—
Но мы, познавъ земныя доли,
Мы, въ коихъ смолкла жажда боли,
И присмирѣла сердца блажь;

Мы, въ коихъ нынѣ силы мало,
Чтобъ настоящее нести,
Мы опускаемъ покрывало
На все, что душу волновало,
И шепчемъ тихое прости!

VI.

ДУМА.

Хоть усталая, дошла я
До полпути;
И легче, цѣль ужъ познавая,
Впередъ итти.

Уроки жизни затвердила
Я наизусть;
О томъ, что было сердцу мило,
Умолкла грусть.

И много чувствъ прошло, какъ тѣни,
Не виденъ слѣдъ;—
И многихъ бросила стремленій
Я пустоцвѣтъ.

Иду я мирною равниной,
Мой полдень тихъ.

Остался голосъ лишь единый
Временъ другихъ.

И есть мечта въ душѣ холодной,
Одна досель;
Но думѣ дѣтской и безплодной
Предаться мнѣ ль?—

Когда свой долгъ ужъ нынѣ ясно
Умъ оцѣнилъ;
Когда мнѣ грѣхъ терять напрасно
Остатки силъ.

Но этотъ сонъ лежалъ сначала
Въ груди моей;
Но эта вѣра просіяла
Мнѣ съ первыхъ дней.—

Стремился взоръ въ толпѣ коварной,
Всегда, вездѣ,
Къ той предугаданной, полярной,
Святой звѣздѣ.

И мнилось, если бъ невозвратно
И всѣ зашли,
Одна бъ стояла беззакатно
Надъ мглой земли.

И хоть ищу съ любовью тщетной,
Хоть мракъ глубокъ,

Сдается мнѣ, что лучъ завѣтный
Солгать не могъ,—

Что онъ блеснетъ надъ тучей черной,
Душѣ въ отвѣтъ.....
И страненъ этотъ мнѣ упорный,
Напрасный бредъ.—

ФАНТАСМАГОРІИ.

1858—1861 г.

I.

Неаполь.

На палубѣ въ утренній часъ я стояла,
Мы къ южной неслися роскошной странѣ;
Въ раздольной, шумливой морской ширинѣ
Смирялися брызги задорные вала.

Мы быстро неслись; отбѣгала свѣтло
Съ боковъ парохода струистая пѣна;
Ждала я;—въ заливъ выдавалась Мизена,
Везувія тихо дымилось жерло.

И съ лѣвой руки растилаясь и съ правой,
Виднѣлись брега благодатной земли;
И взоромъ я града искала вдали,
Облитаго моремъ, мощенаго лавой.

И тамъ, гдѣ эѳирный сіяющій сводъ
Касался съ любовью земного предѣла,

Неаполь блеснулъ, и раскинулся бѣло
Межъ яхонтомъ неба и яхотномъ водъ.

24 Августа —
5 Сентября. 1856 г.

II.

Снова надъ бездной, опять на просторѣ,
Дальше и дальше отъ тѣсныхъ земель!
Въ широкошумномъ качается морѣ
Снова со мной корабля колыбель.

Сильно качается; вѣтры востока
Вѣютъ на встрѣчу намъ буйный привѣтъ;
Зыбь разблажилась и воетъ глубоко,
Дерзко клокочетъ машина въ отвѣтъ.

Рвутся и бьются, съ досадою явной,
Силятся волны отбросить насъ вспять.
Странно тебѣ, океанъ своенравный,
Воли и мысли людской уступать.

Громче все носится ропотъ подводный,
Бурныхъ валовъ все сердитѣе взрывъ;
Весело видѣть ихъ бой сумасбродный,
Радужный ихъ перекатный отливъ.

Такъ бы нестись, обо всемъ забывая,
Въ спорѣ съ насиліемъ вьюги и водъ,
Вѣчно къ брегамъ небывалаго края,
Съ вѣчною вѣрой, впередъ и впередъ!

Константинополь.
Февраль. 1857.

III.

Въ думѣ смотрю я на бѣгъ корабля;
Спитъ экипажъ; лишь матросъ у руля
Стоитъ недвижимо;

Море темнѣетъ таинственной тьмой,
Тихо шепнувъ мнѣ, струя за струей
Проносится мимо.

Тихо шепнувъ: потерпи, подожди;
Встрѣтить успѣешь, что ждетъ впереди,
У брега чужого.

Цѣли достигнешь, къ землѣ доплывешь,
Всѣхъ ожиданій всегдашную ложь
Извѣдаешь снова.

Даромъ спѣшишь ты надъ бездною водъ
Мыслью туда; отъ тебя не уйдетъ
Обманъ и потеря?

Тихо шепнувъ, за струею струя
Мимо несется, и слушаю я,
Ихъ рѣчи, не вѣря.

Константинополь.
Февраль. 1857.

IV.

РИМЪ.

Мы ѣдемъ поляною голой,
Не встрѣтясь съ живою душой;
Вдали, изъ подъ тучи тяжелой,
Виднѣется городъ большой.

И будто бъ его называя,
Чрезъ мертвый пустыни предѣлъ
Отъ неба стемнѣвшаго края
Отрывистый громъ прогремѣлъ.

Кругомъ все сурово и дико;
Одинъ онъ въ пространствѣ нѣмомъ
Стоитъ, многогрѣшный владыка,
Разгнѣванный Божьимъ судомъ

Стоитъ беззащитный, недужный,
И смотритъ сѣдой исполинъ

Угрюмо въ угрюмый окружный
Просторъ молчаливыхъ равнинъ:

Гдѣ вѣсти и казнь и законы
Гонцы его міру несли,
Гдѣ тѣсные шли легіоны,
Гдѣ били челомъ короли.

Онъ смотритъ, какъ вѣтеръ поляны
Песокъ по пустыни мететъ,
И сѣрые всходятъ туманы
Изъ топи тлетворныхъ болотъ.

Мартъ. 1857.

V.

ВЕНЕЦІЯ.

Паровъ исчезло покрывало,—
Плывемъ.—Еще ли не видна?
Надъ ровною чертою вала
Тамъ словно что то засіяло,
Нырнувъ изъ моря.—Вотъ она!—

Зыбь вкругъ нея играетъ ярко;
Земли далеки берега;
Къ намъ грузная подходитъ барка,

Вотъ куполы Святого Марка,
Ріальта чудная дуга.

И гордыя прокураціи
Стоятъ, какъ будто корабли,
Властителямъ блажной стихіи
И нынѣ дани Византіи
Толпой усердною несли.

Свой горькій жребій забывая,
Царица плѣнная морей,
Облитая лучами мая,
Глядится, женщина прямая,
Въ волнѣ сверкающей своей.

Москва. Іюль. 1858.

VI.

Гондола.

Всталъ мѣсяцъ;—скольжу я въ гондолѣ,
Качаясь, по свѣтлой браздѣ;
Все тихо плыву я по волѣ;
Венеція спитъ на водѣ.

И сказочной блещетъ красою
Сквозь легкій тумана покровъ,

Надъ томнотекучей волною
Узорчатый мраморъ дворцовъ.

И съ лаской весло гондольера,
Касаяся мѣрно струи,
Глухимъ повтореньемъ размѣра
Баюкаютъ думы мои.

Далеко, далеко, далеко
Несутся душевные сны!
Къ волшебнымъ предѣламъ Востока,
Надъ шумомъ морской глубины;

Гдѣ Сира, съ вершины утеса,
Въ лазурный глядитъ небосклонъ;
Вдоль сумрачныхъ скалъ Тенедоса,
Вдоль брега, гдѣ былъ Иліонъ.

И волнъ лучезарныхъ Босфора
Мнѣ снится опять красота;
Сверкаетъ Софіи собора
Святая глава безъ креста.

Бѣлѣетъ Галата и Пера...—
—И снова, чуть зыбля струи,
Удары весла гондольера
Баюкаютъ думы мои.

И быстро мѣняются сцены:
Везувій, блажной исполинъ,—

Гаста,—вкругъ мыса Мизены
Отливы сапфирныхъ пучинъ.

У шумнаго берега Кьяи
Веселый, крикливый народъ,
И лодокъ безчисленныхъ стаи
На зеркалѣ блещущихъ водъ.

Вдоль пристани frutti di mare
Въ корзинахъ разставленныхъ въ рядъ;
И уличной внемля гитарѣ
Факкини въ кружечкѣ сидятъ.

Вдали изумрудная лента,
Тѣнь лавровъ, платановъ, оливъ,
Съ душистой терассы Соррента
Весь вѣкъ бы смотрѣлъ на заливъ.

Притихла-бъ тамъ сердца химера!..—
—И, сонныя зыбля струи,
Удары весла гондольера
Баюкаютъ думы мои.

Другія мелькнули картины,
Суровѣе,—мыслямъ милѣй:
Убогія избы, овины,
И гладь безконечныхъ полей.

Повсюду просторъ величавый,
Звонъ всенощной въ каждомъ селѣ;—
И городъ огромный, стоглавый,
Широко сверкнулъ въ полумглѣ.

И съ грани земли православной
Громада столицы другой
Кичливо блеститъ надъ державной,
Въ гранитъ заключенной, рѣкой.

Надъ ней небо хладно и сѣро...—
—И, мѣрно колебля струи,
Удары весла гондольера
Баюкаютъ думы мои.—

И взорамъ мерещется снова,
Что видѣть отвыкли они:
И ночи безъ мрака ночного,—
И темные зимніе дни.

Несутся видѣнія роемъ:—
Та грустнаго счастья пора...
И домъ тотъ, съ уютнымъ покоемъ...
И тихіе тѣ вечера...

И вновь разыгралися бредни,
Какъ будто-бъ шли даромъ года;
Какъ будто-бъ случилось намедни
Все то, что сбылося тогда!

Очнулась сердечная вѣра...
—И льются, сливаясь струи;
И плещетъ весло гондольера,
Баюкая думы мои.

Іюнь. 1858.

VII.

Умолкъ шумъ улицъ;—поздно
Чернѣетъ неба сводъ,
И тучи идутъ грозно,
Какъ витязи въ походъ.

На темныя ихъ рати
Смотрю я изъ окна;—
И вспомнились, некстати,—
Другія времена;

Тѣ дни,—ихъ было мало,—
Тотъ мимолетный срокъ,
Когда я ожидала—
И слышался звонокъ!—

Та повѣсть безъ развязки!
Ужель и нынѣ мнѣ
Всей этой старой сказки
Забыть нельзя вполнѣ?—

Я стихла, я довольна,
Безуміе прошло;—
Но все мнѣ что-то больно
И что-то тяжело.

1858 г.

VIII.

Бѣжалъ корабль, прорѣзывая бѣло
Свою бразду; сверкали небеса,
Сверкали волны; берега блѣднѣла,
Все болѣе блѣднѣла полоса;

И одинокая среди народа,
Я въ берегъ тотъ, на палубѣ стоя,
Вперяла взоръ.—Теперь тому два года;—
Пора-бъ забыть! но не забыла я.—

И вижу вновь, закрывъ глаза рукою,
Сверканье волнъ на солнцѣ, и вдали
Уже съ блестящей гладію морскою
Сливающуюся черту земли.

И сердце, какъ въ то утро, сжалось снова,
И все, что было и чему не быть,—

Послѣднее, прошептанное слово,—
Все помнится—все что пора-бъ забыть?—

1859 г.

IX.

Дрезденъ.

Смотрю съ терассы. Даль береговая
Вся свѣтится какъ въ золотомъ дыму;
Топазныхъ искръ полна рѣка сѣдая;
Уноситъ пароходъ народа тьму,
Биткомъ набита палуба до края;
Ихъ лицъ не различишь;—да и къ чему?—

Здѣсь остаюсь я—здѣсь, гдѣ все мнѣ ново,
Гдѣ я чужда и людямъ и мѣстамъ,
Гдѣ теплаго я не промолвлю слова,
Гдѣ высказаться я душѣ не дамъ,
Гдѣ далека отъ края я родного,
Гдѣ не бывать тому, что было тамъ.—

О Господи! Услышь молитву эту
Тяжелую, изъ сердца глубины:
Не дай опять повѣрить мнѣ привѣту,
Не дай опять мнѣ тѣ же видѣть сны;
Не дай забыть безумному поэту
Мучительныхъ уроковъ старины!

То, съ чѣмъ душа сроднилася такъ смѣло,
Во что съ младыхъ я вѣровала лѣтъ,
То, чѣмъ жила, предъ чѣмъ благоговѣла,
Погибло все.—Мнѣ будущности нѣтъ.—
Дай тихій трудъ, смиренное дай дѣло,
Замѣсто мнѣ всего, чѣмъ полонъ свѣтъ.

Дрезденъ.
Мартъ. 1860.

X.

Пильницъ.

Въ свое осеннее убранство
Весь лѣсъ торжественно одѣтъ;
Роскошно на его пространство
Заката льется яркій свѣтъ;
Блестятъ всѣ вѣтви золотыя
Подъ неба золотымъ лучемъ...—
Зачѣмъ мнѣ помнится Россія,
Съ своимъ суровымъ октябремъ?—

И тихо гаснетъ блескъ эѳирный,
Страны таинственнѣй черты;
Какъ думѣ предаваясь мирной,
Стоятъ лѣсныя высоты;
Деревъ чуть движется лишь темя,

Ручья внизу чуть шепчетъ токъ...—
Какъ мнѣ на умъ приходитъ время
Злыхъ возмущеній и тревогъ?

Октябрь. 1861.

XI.

Озеро Валенъ.

День весенній всходитъ ало,
Съ глади озера сбѣжала
Тѣнь прибережныхъ высотъ;
И надъ каждой мглой угрюмой,
И надъ каждой тяжкой думой
Лучъ небесный верхъ беретъ.

Даль раскинулась предъ нами:
Надъ зелеными горами
Блещутъ снѣжныхъ горъ хребты;
Полонъ весь просторъ окрестный
Торжествующей, чудесной,
Ненаглядной красоты!

Сентисъ сбросилъ съ плечъ туманы
И вѣнокъ надѣлъ румяный
Онъ на бѣлую главу;

Надъ равниной водъ сіяя,
Смотритъ ясно небо мая
Синевою въ синеву.

Сыплются кругомъ богато
Искры яхонта и злата
Изъ лазуревой струи;
Тѣшится-ль русалокъ стая,
Вверхъ на перерывъ бросая
Ожерелія свои?..

Пильницъ.
1861. г. Октябрь.

XII.

Портъ Марсельскій.

Море!..—вотъ море!—Я съ верфи впервые
Взоромъ встрѣчаю разливы морскіе;
Волны воюютъ, встаютъ на дыбы;
Тьмущею тьмою бѣгутъ ихъ громады,
Съ гуломъ невнятной какой-то журьбы,
Съ роптаньемъ досады.

Вамъ я ввѣряюсь, валы океана!
Вамъ, своенравнымъ, бунтующимъ рьяно,
На берегъ хлещущимъ шумной дугой!

Мчите же, дикія силы пучины,
Мчите меня вы къ чужбинѣ другой
    Отъ этой чужбины.

Темное море! Ты будешь мнѣ другомъ!
Верхъ ты возьмешь надъ душевнымъ недугомъ,
Хлынешь въ корабль и пугнешь экипажъ,
Въ сердцѣ уймешь ты старинное горе,
Думъ усмиришь ты упорную блажь,
    Грозящее море!

Пильницъ.
1861. Сентябрь.

XIII.

Дорога.

Тускнѣетъ въ каретѣ, безсильно мерцая,
    И гаснетъ ночникъ;
Все пасмурнѣй тянется чаща глухая,
    Путь теменъ и дикъ.

Карета несется, какъ будто-бъ спѣшила
    Въ пріютъ я родной;
    Полуночный вѣтръ запѣваетъ уныло
    Въ пустынѣ лѣсной.

Бѣгутъ вдоль дороги всѣ ели густыя
Туда, къ рубежу,
Откуда я ѣду, туда, гдѣ Россія;
Я въ слѣдъ имъ гляжу.

Бѣгутъ, и качая вершиною темной,
Бормочутъ онѣ
О тяжкой разлукѣ, о жизни бездомной
Въ чужой сторонѣ.

Къ чему же мнѣ слушать, какъ шепчутся ели,
Всѣ мимо скользя?—
О чемъ мнѣ напомнить онѣ-бъ не сумѣли,
Вернуться нельзя!

Пильницъ.
1861. Сентябрь.

РАЗГОВОРЪ ВЪ ТРІАНОНѢ (1848 г.).

РАЗГОВОРЪ ВЪ КРЕМЛѢ (1854 г.).

СЦЕНА (1855 г.).

I.

РАЗГОВОРЪ ВЪ ТРІАНОНѢ.

Ночь лѣтнюю смѣнило утро;
Отливомъ блѣднымъ перламутра
Востокъ во мракѣ просіялъ;
Погасъ рой звѣздъ на небосклонѣ,
Не унимался въ Тріанонѣ
Веселый шумъ и длился балъ.

И въ свѣжемъ сумракѣ боскетовъ
Вездѣ вопросовъ и отвѣтовъ
Живые шопоты неслись;
И, въ толкахъ о своихъ затѣяхъ,
Гуляли въ стриженныхъ аллеяхъ
Толпы напудренныхъ маркизъ.

Но гдѣ, въ глуби, сквозь зелень парка
Огни не такъ сверкали ярко,
Шли, избѣгая шумныхъ встрѣчъ,
Въ тотъ часъ, подъ липами густыми,
Два гостя тихо, и межъ ними
Иная продолжалась рѣчь.

Не походили другъ на друга
Они; одинъ былъ сыномъ юга,
По виду странный человѣкъ:
Высокій станъ, какъ шпага гибкій,
Уста съ холодною улыбкой,
Взоръ мѣткій изъ-подъ быстрыхъ вѣкъ.

Другой, рябой и безобразный,
Казался чуждъ толпѣ той праздной,
Хоть съ ней мѣшался не впервой;
И шедши, полонъ думой злою,
Съ повадкой львиной онъ порою
Качалъ огромной головой.

Онъ говорилъ: — „Приходитъ время!
Пусть тѣшится слѣпое племя;
Внезапно средь его утѣхъ
Проглянетъ черни ревъ голодный,
И предъ анаѳемой народной
Умолкнетъ наглый этотъ смѣхъ.“

—„Да, молвилъ тотъ, всегда такъ было;
Влечетъ ихъ роковая сила,
Свой старый долгъ они спѣшатъ
Довесть до страшнаго итога;
Онъ взыщется сполна и строго,
И близокъ тяжкій день уплатъ.

„Свергая древніе законы,
Народа встанутъ милліоны,
Кровавый наступаетъ срокъ;
Но мнѣ извѣстны бури эти,
И четырехъ тысячелѣтій
Я помню горестный урокъ.

„И нынѣшняго поколѣнья
Утихнутъ грозныя броженья;
Людской толпѣ повѣрьте, графъ,
Опять понадобятся узы,
И бросятъ эти же французы
Наслѣдство вырученныхъ правъ.“

—„Нѣтъ! не сойдусь я въ этомъ съ вами,
Воскликнулъ графъ, сверкнувъ глазами,
Нѣтъ! лжи не вѣчно торжество!
Я, сынъ скептическаго вѣка,
Я твердо вѣрю въ человѣка
И не боюся за него.

„Народъ окрѣпнетъ для свободы,
Созрѣютъ медленные всходы,
Дождется новыхъ онъ началъ;
Вѣка считая скорбнымъ счетомъ,
Своею кровью онъ и потомъ
Не даромъ почву утучнялъ...“

Умолкъ онъ, взрывъ смиряя тщетный;
А тотъ улыбкой чуть замѣтной
На страстную отвѣтилъ рѣчь;
Потомъ взглянувъ на графа остро,
—„Нельзя, сказалъ онъ, Каліостро
Словами громкими увлечь.

„*Своей* не терпишь ты неволи,
Свои ты вспоминаешь боли,
И противъ жизненнаго зла
Идешь, съ неотразимымъ жаромъ;
Въ себя ты вѣришь, и не даромъ,
Графъ Мирабо, въ свои дѣла.

„Ты знаешь, что въ тебѣ есть сила,
Какъ путеводное свѣтило,
Встать средь гражданскихъ непогодъ;
Что въ увлеченьи вѣчно юномъ
Своимъ любимцемъ и трибуномъ
Провозгласитъ тебя народъ.

„Да, и пойдетъ онъ за тобою,
И кости онъ твои съ мольбою
Внесетъ, быть можетъ, въ Пантеонъ;
И новымъ опьяненъ успѣхомъ,
Съ проклятьемъ, можетъ быть, и смѣхомъ
По вѣтру ихъ размечетъ онъ.

„Всегда, въ его тревогѣ страстной,
Являлся, вслѣдъ за мыслью ясной,
Слѣпой и дикій произволъ;
Всегда любовь его безплодна,
Всегда онъ былъ, поочередно
Иль лютый тигръ, иль смирный волъ.

„Толпу я знаю не отнынѣ;
Шелъ съ Моисеемъ я въ пустынѣ;
Покуда онъ, моля Творца,
Народу несъ скрижаль закона,
Народъ кричалъ вкругъ Аарона
И лилъ въ безуміи тельца.

„Я видѣлъ грознаго пророка,
Какъ онъ, разбивъ кумиръ порока,
Сталъ средь трепещущихъ людей,
И повелѣлъ имъ, полонъ гнѣва,
Направо рѣзать и налѣво
Отцовъ и братій и дѣтей.—

„Я въ циркѣ зрѣлъ забавы Рима;
На встрѣчу гибели шелъ мимо
Рабовъ покорныхъ длинный строй,
Всемірной кланяясь державѣ,
И громкое звучало Ave
Передъ несмѣтною толпой.

„Стоялъ жрецомъ я Аполлона
Вблизи у кесарева трона;
Сливались клики въ буйный хоръ;
Я тщетно ждалъ пощады знака,
И умирающаго дака
Я взоромъ встрѣтилъ грустный взоръ,

„Я былъ въ далекой Галлилеи,
Я видѣлъ какъ сошлись евреи
Судить Мессію своего;
Въ награду за слова спасенья,
Я слышалъ, вопли иступленья:
Распни Его! Распни Его!

„Стоялъ величественъ и нѣмъ Онъ,
Когда блѣднѣющій игемонъ
Спросилъ у черни, оробѣвъ:
—Кого-жъ пущу вамъ по уставу?—
—Пусти разбойника Варавву!—
Взгремѣлъ толпы безумный ревъ.

„Я видѣлъ праздники Нерона.
Одѣтъ въ броню центуріона,
День памятный провелъ я съ нимъ.
Ему вино лила Поппея,
Онъ пѣлъ стихи въ хвалу Энея,—
И вылъ кругомъ зажженный Римъ.

„Смотрѣлъ я на бѣду народа:
Безъ силъ искать себѣ исхода,
Съ тупымъ желаніемъ конца,
Ложась средь огненнаго града,
Людское умирало стадо
Въ глазахъ безпечнаго пѣвца.

„Прошли вѣка, надъ этимъ Римомъ;
Опять я прибылъ пилигримомъ
Къ вратамъ, знакомымъ съ давнихъ поръ;
На площади былъ шумъ великій:
Всходилъ, къ веселью черни дикой,
Ея заступникъ на костеръ.

„И горькихъ встрѣчъ я помню много;
Была и здѣсь моя дорога;
Я помню, какъ сбылось при мнѣ
Убійство злое войновъ храма,—
Весь этотъ судъ грѣха и срама.
Я помню гимны ихъ въ огнѣ.

„Сто лѣтъ потомъ, стоялъ я снова,
Въ Руанѣ, у костра другого;
Позорно умереть на немъ
Шла избавительница края;
И бѣшено ее ругая,
Народъ опять ревѣлъ кругомъ.

„Она шла тихо, безъ боязни,
Не содрогаясь, къ мѣсту казни,
Среди проклятій безъ числа;
И разъ, при взрывѣ злого гула,
На свой народъ она взглянула,—
Главой поникла и прошла.

„Я прожилъ ночь Варѳоломея;
Чрезъ груды труповъ, свирѣпѣя,
Неслась толпа передо мной;
И новому предлогу рада,
Съ рыканьемъ звѣрскимъ, до упада
Безумной тѣшилась рѣзней.

„Узналъ я вопли черни жадной;
Въ ея побѣдѣ безпощадной
Я вновь увидѣлъ большинство;
При мнѣ ватага угощала
Другъ друга мясомъ адмирала
И сердце жарила его.

„И въ Англіи провелъ я годы.
Во имя вѣры и свободы,
Я видѣлъ, какъ игралъ Кромвель
Всевластно массою слѣпою,
И смѣлой ухватилъ рукою
Свою достигнутую цѣль.

„Я видѣлъ этотъ споръ кровавый,
И судъ народа надъ державой;
Я видѣлъ плаху короля;
И, гдѣ отецъ погибъ напрасно,
Сидѣлъ я съ сыномъ безопасно,
Развратный пиръ его дѣля.

„И этотъ вѣкъ стоитъ готовый
Къ перевороту бури новой,
И грозный плодъ его созрѣлъ;
И много здѣсь опоръ разбитыхъ,
И тщетныхъ жертвъ, и силъ сердитыхъ,
И темныхъ пронесется дѣлъ.

„И дѣву, можетъ быть, иную,
Карая доблесть въ ней святую,
Присудитъ къ смерти грѣшный судъ;
И, за свои сразившись вѣры,
Иные, можетъ, тампліеры
Свой гимнъ на плахѣ запоютъ.

„И вашимъ внукамъ разскажу я,
Что, возставая и враждуя,
Вы обрѣли въ своей борьбѣ,
Къ чему васъ привела свобода,
И какъ отъ этого народа
Пришлось отречься и тебѣ.“

Онъ замолчалъ.—И вдоль востока
Лучи зари, блеснувъ широко,
Свѣтлѣй всходили и свѣтлѣй.
Взглянулъ въ опроверженье рѣчи,
На солнца яркіе предтечи
Надменно—будущій плебей.

Объятый мыслью роковою,
Махнулъ онъ дерзко головою,—
И оба молча разошлись.
А въ толкахъ о своихъ затѣяхъ,
Гуляли въ стриженыхъ аллеяхъ,
Толпы напудренныхъ маркизъ.

1843.

II.

РАЗГОВОРЪ ВЪ КРЕМЛѢ.

Посвящено моему сыну.

Въ обширномъ полѣ градъ обширный
Блестѣлъ, увѣнчанный Кремлемъ,
Молящійся молитвой мирной
Передъ Успенья свѣтлымъ днемъ.
Надъ бѣлокаменнымъ просторомъ
Сверкало золото крестовъ,
И медленнымъ, созвучнымъ хоромъ
Гудѣли сорокъ сороковъ.

Входилъ, крестясь, въ Соборъ Успенскій
И знаменитыхъ предковъ сынъ.
И бѣдный плотникъ деревенскій,
И милліонщикъ-мѣщанинъ!
Шли рядомъ, съ миромъ и любовью,
Они въ домъ Божій, въ домъ родной,
Внимать святому славословью
Единовѣрною семьей.

Межъ тѣмъ, какъ гимнъ взносился кроткій
И какъ сіяли алтари,
Вблизи дворца передъ рѣшеткой,
Стояли человѣка три:
Лицомъ не сходны, ни душою,
И дѣти не одной земли,
Они, сошедшись, межъ собою
Бесѣду долгую вели.

Одинъ, съ надменностію явной,
Стоялъ, неловокъ и суровъ,
Заморскій гость изъ стародавной
Столицы лордовъ и купцовъ,
Наслѣдникъ той саксонской крови,
Которой силамъ нѣтъ утратъ—
И на смѣшеніе сословій
Глядѣлъ, дивясь, аристократъ.

Второй, въ сраженьяхъ посѣдѣлый,
Былъ спутникъ тѣхъ, которыхъ велъ

Чрезъ всѣ межи и всѣ предѣлы
Наполеоновскій орелъ;
И этотъ, въ золотѣ заката
Блестящій, города объемъ,
Въ осенню ночь, предъ нимъ когда-то
Стоялъ въ сіяніи другомъ.

Невольно третій на соборы.
На кругъ чертоговъ вѣковыхъ
Бросалъ порой живые взоры,
И сказывалось рѣчью ихъ,
Что былъ не чуждъ въ Кремлѣ онъ этомъ,
Не путникъ въ этомъ онъ краю,
Что русскій съ радостнымъ привѣтомъ
Смотрѣлъ на родину свою.

„Да“, говорилъ въ своей гордынѣ
Угрюмый лордъ, „вашъ край великъ,
Окрѣпла ваша власть, и нынѣ
Извѣстенъ въ мірѣ русскій штыкъ;
Да, ваша рать враговъ смирила,
И по морямъ вашъ ходитъ флотъ:
Но гдѣ опоры вашей сила,
Гдѣ вашъ незыблемый оплотъ?

„Учениками не всегда ли
Вы были Западной земли?
Вы многое у насъ узнали
И многое переняли.

Но въ продолженіе столѣтій
Въ чемъ измѣнился вашъ народъ?
Скажите поколѣнья эти
Сумѣли-ль двинуться впередъ?“

—„Такъ“, молвилъ русскій, „обучала“
Чужбина насъ; подарено
Землею вашей намъ не мало:
Но не далося намъ одно,
Одна здѣсь Запада наука
Не принялась,—нашъ край таковъ,—
Осталось свято сердцу внука,
Что было свято для отцовъ.

„Блаженства познаетъ мірскія
Не даромъ, можетъ быть, страна,
Не даромъ Римъ и Ниневія
Всѣ взяли роскоши сполна!
Свой блескъ высокою цѣною
Надменный Западъ вашъ купилъ,
И ослѣпленный суетою
Онъ ищетъ тайны нашихъ силъ...

„Вы станьте здѣсь, когда повсюду
Толпа, стекаясь безъ конца,
Какъ къ празднику, въ сплошную груду
Слилась у Краснаго крыльца,
Не измѣняясь въ родъ изъ рода,

Любя и вѣруя, какъ встарь,—
И средь гремящихъ волнъ народа
Въ Кремлѣ проходитъ Русскій Царь!

„Вы станьте здѣсь, среди Россіи,
Когда въ торжественной ночи
Звучатъ священныя литіи,
Блестятъ несмѣтные лучи;
Когда, облита моремъ свѣта,
Молитвой теплою полна,—
Мгновеніемъ вся площадь эта
Въ Господній храмъ обращена:

„Когда для вѣсти благодатной
Отверзлись Царскія врата,—
И радостно вельможа знатный
Цѣлуетъ нищаго въ уста,
И снова возносясь и снова,
Вездѣ, отъ долу до небесъ,
Гремитъ одно святое слово,
Одинъ возгласъ: Христосъ воскресъ!“—

Рѣчь русскаго нетерпѣливо
Французъ прервалъ: „Быть можетъ, да;
Но силой вашего порыва
Что свершено? Прошли года,
Года идутъ; гдѣ ваше дѣло?

Гдѣ подвигъ, вашъ, когда кругомъ
Европа цѣлая кипѣла
Наукой, славой и трудомъ?

„Гдѣ вы скитались въ годы оны.
Когда страшилъ сосѣдовъ галлъ.
И Хлодвигъ Рима легіоны
При Суассонѣ поражалъ?
Кто вѣдалъ про народъ вашъ дикій,
Какой здѣсь слѣдъ есть той поры,
Какъ цвѣлъ нашъ край, и Карлъ Великій
Гаруна принималъ дары?

„Гдѣ были вы въ дни чести бранной,
Когда стремительной молвы
Пронесся въ мірѣ гулъ нежданный
Съ конца въ конецъ? Гдѣ были вы,
Когда, поднявшись ратнымъ станомъ.
Европа ухватила Крестъ,
И прогремѣлъ надъ мусульманомъ
Ея восторженный протестъ?

„Когда васъ видѣли? Тогда ли,
Какъ средь песковъ Сирійскихъ странъ
Свои мы ставки укрѣпляли
Костями падшихъ христіанъ?
Тогда ль, когда рѣшали снова
Своею кровью мы вопросъ,

И стражей воинства Христова
Сталъ надъ пучиною Родосъ?

„Тогда-ль, когда и предъ могилой
Еще не смѣя отдохнуть,
Святой король съ послѣдней силой
Предпринялъ смертоносный путь,
Когда въ глуши чужого края,
Исполненъ помысломъ однимъ,
Поборникъ умеръ, восклицая:
Ерусалимъ! Ерусалимъ!

„Какая здѣсь свершалась драма,
Гдѣ было ваше первенство,
Когда моря принудилъ Гама
Дорогу дать ладьѣ его?
Когда, отдвинувъ міра грани.
Свой материкъ искалъ Колумбъ.
И средь угрозъ и поруганій
Стоялъ, глаза вперивъ на румбъ?

„Когда, въ день скорбный, озарило
Лучемъ небеснымъ съ высоты
Преображеніе Рафаила
Его отжившія черты?
Когда вездѣ встрѣчались взгляду
Дѣла колеблющія міръ,

Когда Медина велъ армаду,
И Гамлета писалъ Шекспиръ?

„Когда нашъ блескъ, дивя чужбину.
Проникъ до этого Кремля;
Когда Мольеръ читалъ Расину
Свой трудъ въ чертогахъ Короля;
Когда въ величіи и славѣ
Вознесся пышный нашъ Версаль,—
Чѣмъ были вы хвалиться въ правѣ,
Что вы въ свою внесли скрижаль?“

Пришельца гордой укоризнѣ
Въ раздумьи русскій отвѣчалъ:
—„Да, не данъ былъ моей отчизнѣ
Блескъ вашихъ Западныхъ началъ:
Крутой Россія шла дорогой.
Носила горестный вѣнецъ,
И семьсотъ лѣтъ съ любовью строгой
Ее воспитывалъ Творецъ!

„Пока у васъ смирялъ со славой
Пипина сынъ войны разгаръ,
Нашъ край дорогой былъ кровавой
Варяговъ, готѳовъ и болгаръ.
Тѣснимы грабежемъ и бранью.
Тогда встрѣчали кривичи

Вотще своей убогой данью
Хазаровъ лютые мечи.

„Былъ срокъ, когда нахлынулъ рьяно
На васъ арабовъ грозный валъ,
И папа дружбу мусульмана
Подобострастно покупалъ:
Отъ алтаря святой Софіи
Въ тѣ приносила времена
Молитву первую Россіи
Богоугодная Жена.

„Когда Крестоваго похода
На Западѣ раздался кликъ,
Въ предѣлахъ русскаго народа
Былъ натискъ лютъ и гнетъ великъ:
Страну губили печенѣги,
Свирѣпыхъ половцевъ орды.
И венгровъ буйные набѣги,
И смуты княжеской вражды.

„Въ тѣ дни пошелъ къ Святому Граду
Какой-то инокъ Даніилъ
За край родной зажечь лампаду
И помолиться Богу силъ;
И горячо монахъ безвѣстный
Молился, знать, за Русь свою.

Зане помогъ ей Царь небесный
Въ тяжеломъ устоять бою.

„Когда дѣлили ваши рати
Труды святого короля,
Была возстать въ спасенье братій,
Не въ силахъ русская земля:
Тогда у насъ пылали селы
И рушилися города.
И вдоль пути, гдѣ шли монголы,
Лежала тѣлъ людскихъ гряда.

„Съ твердыни сбиты, кіевляне
Тогда, столпясь въ Господній храмъ,
Обрекшись гибели заранѣ,
Сраженье продолжали тамъ,
И бились во имя Бога,
И былъ лишь битвѣ ихъ конецъ,
Когда, изрубленъ у порога,
Крестясь, послѣдній легъ боецъ.

„Но ихъ молитвъ предсмертныхъ слово
Взнеслось къ Зиждителю небесъ:
Послалъ на поле Куликово
Намъ помощь Онъ своихъ чудесъ:
Враговъ несмѣтныхъ рушилъ силу,
И всемогущею рукой

Отверзшій Лазаря могилу,
Разбилъ ярмъ нашъ вѣковой.

„Да, васъ судьба дарила щедро!
Досель не тщетный звукъ для васъ
Баярдъ, и Сидъ, и Сааведра,
И Барбаросса, и Дугласъ.
Сердца народа согрѣвая,
Въ нихъ здѣсь глубоко вмѣщено
Одно лишь имя: Русь Святая!
И не забудется оно.

„Припоминая дни печали,
Татаръ и печенѣговъ бичъ,
Мы сами вѣдаемъ едва ли,
Кто былъ Евпатій и Прѣтичъ,
Мы говорили въ дни Батыя,
Какъ на поляхъ Бородина:
Да возвеличится Россія,
И гибнутъ наши имена!

„Да, можете сказать вы гордо,
Что спроситъ путникъ не одинъ
Дорогу къ улицѣ Стратфорда,
Гдѣ жилъ перчаточника сынъ,
Что, на Ромео иль Макбета
Смотря съ толпой вельможъ своихъ,

Надменная Елизавета
Шекспира повторяла стихъ.

„Насъ баловала въ ту годину
Не прелесть замысловъ его;
Иную зрѣли мы картину,
Иное рѣчи торжество:
Пока, блестящая багряно,
Въ пожарѣ рушилась Москва,
Смиряли Грознаго Ивана
Монаха смѣлыя слова.

„Была пора, когда ждалъ снова
Бѣды и гибели народъ,
Пора Прокофья Ляпунова,
Другой двѣнадцатый нашъ годъ:
И силъ у насъ нашлося много
Порою той, былъ часъ великъ,
Когда, призвавъ на помощь Бога,
Спасалъ Россію гуртовщикъ;

„Когда, распадшею громадой,
Безъ средствъ, безъ рати, безъ царя,
Страна держалася оградой
Единаго монастыря,
И съ властію тягаясь злою,
Здѣсь сокрушали края плѣнъ

Пожарскій доблестной борьбою,
Святою смертью Ермогенъ.

„И здѣсь же, овладѣвъ полсвѣтомъ,
Вашъ смѣлый временникъ побѣдъ
Стоялъ, смутясь, на мѣстѣ этомъ,
Тому назадъ лишь двадцать лѣтъ;
Здѣсь понялъ грозный воевода,
Что ни насилье, ни картечь
Не сладятъ съ жизнію народа,
Что духа не сражаетъ мечъ!

„Во времена веселій шумныхъ
Версальскихъ золотыхъ палатъ
Былъ полонъ Кремль стенаньемъ чумныхъ,
Ревелъ въ немъ бунтъ, и билъ набатъ:
Но нашу Русь не покидая,
Въ тѣ дни Всевышняго покровъ
Спасалъ дитя для славы края,
И отъ чумы и отъ стрѣльцовъ.

„И юный царь дивилъ на тронѣ
Не блескомъ ваши всѣ дворы:
Покуда въ вашемъ Вавилонѣ
Шли богомерзкіе пиры,
Неутомимо и упрямо
Работалъ онъ за свой народъ

И въ бѣдной мастерской Сардама
Сколачивалъ свой первый ботъ.

„И въ ваши понеслись владѣнья
Удары молотка его,
И будутъ помнить поколѣнья
Царя-гиганта мастерство.
Ужъ возстаютъ молвы глухія
Кичливыхъ западныхъ державъ,
Ужъ ненавистна имъ Россія,
И близокъ, можетъ, часъ расправъ!

„Для прежнихъ подданныхъ татарскихъ
Настанетъ день, придетъ пора,
Когда изъ устъ услышимъ царскихъ
Мы зовъ пустынника Петра!
Подниметъ Вѣры онъ въ опору
Святою силою народъ,
И мы къ Софійскому собору
Свершимъ крестовый свой походъ.

„Вы тоже встанете,—но съ нами:
Христовыхъ воиновъ сыны
Пойдутъ за насъ подъ бунчуками
Въ рядахъ защитниковъ Луны;
И предковъ славу и смиренье
Переживетъ потомковъ грѣхъ:

Постыдно будетъ ихъ паденье,
Постыднѣй ратный ихъ успѣхъ!

„И мы, тѣснимые жестоко
Напоромъ злымъ со всѣхъ сторонъ,
Одни безъ лжи и безъ упрека,
Среди завистливыхъ племенъ,
На Бога правды уповая,
Подъ сѣнію Его щита,
Пойдемъ на бой, какъ въ дни Мамая,
Одни съ хоругвію Креста!...“

Онъ смолкъ. Сіялъ весь градъ стоглавый
Съ Кремлемъ торжественнымъ своимъ,
Какъ озаренъ небесной славой
Въ лучахъ вечернихъ передъ нимъ.
Взглянулъ онъ вдохновеннымъ взоромъ
На прежнее *сельцо Московъ*,
И залилися мѣднымъ хоромъ
Кругомъ всѣ сорокъ сороковъ.

Дерптъ.
10 апрѣля 1854 г.

III.

СЦЕНА.

Графиня—Вадимъ.

Они въ кабинетѣ графини сидятъ у стола, другъ противъ друга. Между ними шахматная доска, на которой игра начата. Они на нее не обращаютъ вниманія.

Графиня (продолжая разговоръ).

Такъ вы въ любовь не вѣрите?

Вадимъ.

Кто?—я?

Да вы не сомнѣваетесь въ отвѣтѣ.
Любовь! да это радость бытія,
Да это лучшая игрушка въ свѣтѣ.

Графиня.

Вы правы, такъ и я сужу о ней,—
Игрушка.

Вадимъ.

Да, которая нужнѣй
Всего намъ, безъ которой міръ пустыня,
И безъ которой сами вы почти,
Сознайтесь откровенно въ томъ, графиня,
Не знали бы, какъ время провести.

Графиня.

Конечно, если бы увлечься ею,
Позволить взять ей верхъ, тогда бѣда.
Не правда ли?

Вадимъ.

Сказать вамъ не сумѣю,
Я этого не дѣлалъ никогда.

Графиня.

Ужель?

Вадимъ.

Не вѣрите вы?

Графиня.

Почему же?

Вадимъ.

Да, вашъ вопросъ, графиня, я всѣхъ хуже
Рѣшить бы могъ. На этотъ счетъ, увы,
Я столько же неопытенъ, какъ вы.

Графиня.

Вы надо мной смѣетесь.

Вадимъ.

Я!

Графиня.

Немножко.

Вадимъ.

Помилуйте, я?

Графиня.

Продолжайте.

Вадимъ.

Но...

Графиня (перебивая).

Смѣетесь вы забавно и умно,
Извольте.

Вадимъ.

Да повѣрьте...

(Графиня роняетъ платокъ, Вадимъ поднимаетъ его, и подавая, говоритъ вполголоса).

Что за ножка!

(Графиня молча оборачивается къ шахматной доскѣ).

Вы сердитесь?

Графиня.

За вами ходъ.

(Молчаніе).

Вадимъ.

Я жду.

Какъ быть; мнѣ не далось постигнуть тайны
Природы женской, на мою бѣду.
Логичны ли ихъ чувства, иль случайны,
Провѣдать это я не могъ никакъ,
И вѣчно съ ними попадалъ въ просакъ
Такъ будьте жъ снисходительны къ невѣждѣ.

Графиня.

Послушайте, вы лучше были прежде,
Естественнѣй!

Вадимъ.

Да, это было встарь,
Когда предъ вами я, вамъ докучая,
Стоялъ безъ словъ, какъ предъ видѣньемъ рая,
Въ своей душѣ вамъ воздвигалъ алтарь.—
Но это позволительно мальчишкамъ,
Не правда ль?

Графиня.

Милостивый государь!
Умны вы чрезвычайно,—даже слишкомъ;—
Но въ этомъ ваша и оплошность.

Вадимъ.

Въ чемъ?

Графиня.

Вы все хотите брать однимъ умомъ:
Того нельзя; вы промахнетесь часто.
Вашъ умъ—порокъ вашъ.

Вадимъ.

Боже мой! отъ васъ-то,
Графиня, этого я ждать не могъ.
Кто-жъ васъ виновнѣй, если умъ порокъ.
Что я предъ вами? Вы король, я пѣшка.

Графиня (тонко улыбаясь).

Но пѣшка важную играетъ роль
И матъ даетъ.

Вадимъ.

Поддастся ли король?

Графиня.

Невѣжлива становится насмѣшка.

(Они нѣсколько времени сидятъ молча).

Вадимъ.

Сегодня вторникъ.

Графиня (смѣется ему въ лицо).

Это вотъ умно!

Вадимъ.

Да, я вамъ говорю давнымъ давно,
Что я дуракъ.

Графиня (насмѣшливо).

Вы совершенно правы,—

Сегодня вторникъ.

Вадимъ.

Вашъ пріемный день.

Графиня.

Да, скоро явятся.

Вадимъ

(Встаетъ).

Bon soir.

Графиня.

Куда вы?

Вадимъ.

Прощайте, мнѣ возиться съ ними лѣнь.

Графиня.

Давно ль вы такъ лѣнивы?

Вадимъ.

Въ самомъ дѣлѣ,
Мнѣ скучно слушать и твердить зады,
Зѣвать тайкомъ, трудиться безъ нужды,
Не лучше ль отдыхать въ своей постелѣ?
Богъ съ ними! опротивѣлъ мнѣ ихъ свѣтъ.

Графиня.

Да подождите же, ихъ еще нѣтъ
Докончимъ партію.

(Вадимъ садится опять).

Вашъ ходъ.

(Онъ разсѣянно двигаетъ шашкой)

Что это?

Берете своего же вы коня?

Вадимъ (облокачиваясь на столъ).

Скажите, откровеннаго отвѣта
Могу ли ожидать я?

Графиня.

Отъ меня?

Вадимъ.

Отъ васъ.

Графиня.

Спросите.

Вадимъ.

Объясните сами
Одно мнѣ — вы отвѣтъ дадите?

Графиня.

Дамъ.

Вадимъ.

Скажите жъ прямо мнѣ: на что я вамъ?

Графиня.

Да какъ на что? такъ; весело мнѣ съ вами.
Что жъ, я за свой, вѣдь, не ручаюсь вкусъ.

Вадимъ.

Нѣтъ, будемъ откровенны на минуту;
Повѣрьте, я въ игрушки не гожусь,—
Къ другому лучше обратитесь шуту;
Займитесь новою игрой, пора!

Графиня (вполголоса).

А если это вовсе не игра!

Вадимъ.

Вотъ откровенность женщинъ! Я серьезно
Спросилъ.

Графиня.

Я также отвѣчала.

Вадимъ.

Нѣтъ!—
Повѣрилъ бы я вамъ, тому шесть лѣтъ;
Теперь...

Графиня (тихо).

Теперь умѣстнѣй, можетъ.

Вадимъ.

Поздно.

(Молчаніе).

Графиня.

Нельзя мнѣ вамъ пенять: отвѣтъ вашъ прямъ —

(Помолчавъ).

Послушайте, и я-бъ имѣла право
Серьезно васъ спросить: на что я вамъ?—
Я, кажется, вамъ также не забава.

Вадимъ.

Графиня...

Графиня.

Нѣтъ, не отвѣчайте мнѣ;
Не спрашиваю я.—Въ своей винѣ
Вы не сознаетесь; играть словами
Вы мастеръ, это знаю я вполнѣ.

Вадимъ.

Что-жъ мнѣ вамъ отвѣчать? Бѣда мнѣ съ вами!
Вы почему не вѣрите?

Графиня.

А вы?—

Вы вѣрите?—Что жъ, говорите смѣло.

Вадимъ (склоняется передъ ней).

Примите даръ повинной головы.

Графиня (отворачивается съ досадой).

На что мнѣ? Богъ съ ней! Мнѣ какое дѣло?
Я вамъ не духовникъ и не судья.

Вадимъ.

Вы просто не даете мнѣ житья.

(Молчаніе. Графиня поворачивается къ нему, и глядитъ ему въ глаза).

Графиня.

Скажите это вамъ не надоѣло?

Вадимъ.

Что?

Графиня.

Что мы дѣлаемъ.

Вадимъ.

Не знаю я.

Графиня.

Позвольте мнѣ вамъ сдѣлать замѣчанье.

(Онъ кланяется. Она, пріостановившись, продолжаетъ).

Готовы-ль вы быть искреннимъ?

Вадимъ.

Готовъ.

Графиня.

Къ чему, скажите, это все старанье?
Вся эта стычка хитроумныхъ словъ?
Вамъ весело такое фехтованье?
Зачѣмъ не просты мы?

Вадимъ (пожимаетъ плечами).

Нашъ вѣкъ таковъ;
Нѣтъ простоты въ немъ. Общая примѣта,—
Свѣтъ ловокъ.

Графиня.

Здѣсь намъ дѣла нѣтъ до свѣта.

(Нѣсколько помолчавъ).

Скажите, сколько дней намъ и недѣль,
И мѣсяцевъ такъ тѣшиться? Что это?

Вадимъ.

Шампанское души; пріятный хмѣль.

Графиня.

Нѣтъ, хмѣль несносный.

(Помолчавъ).

Если-бъ не была я
Увѣрена, что такъ умно играя,
Вы цѣль имѣете.

Вадимъ.

Какую цѣль?

Графиня (продолжая).

И если-бъ я ее не полагала
Достойной васъ, и въ это бы сначала
Не вѣрила, — мы-бъ разошлись давно.
Теперь скажу я только вамъ одно:
Оставимъ хитрость, это все не нужно;
Мы попросту сойтиться можемъ дружно.

Вадимъ (помолчавъ).

А если вы ошиблись?

Графиня.

Какъ?—и въ чемъ?—

Я знать хочу.

Вадимъ.

Въ намѣреньи моемъ.

Графиня.

Какъ?

Вадимъ.

Если вы замѣтить не сумѣли,
Что съ вами я болталъ безъ всякой цѣли,
Безъ умысла, что несъ я просто вздоръ.
Отъ дѣлать нечего, средь скуки свѣтской,
Что завтра я такой же разговоръ
Вдвоемъ съ любой, пожалуй съ Халовецкой,
Готовъ вести; хоть въ этой госпожѣ,
Неправда-ль, привлекательнаго мало?
Что я не такъ наивенъ, какъ бывало,—
Что отъ меня ждать нечего.

(Они глядятъ молча другъ другу въ глаза).

(Слышенъ звонокъ).

Графиня (съ движеніемъ досады).

Уже!

Петербургъ.
1855. Октябрь.

ПЕРЕВОДЫ

лирическихъ стихотвореній и поэмъ.

ВАЛЬТЕРЪ СКОТТЪ.

I.

Розабелла.

Не разскажу вамъ, красотамъ,
О богатырскомъ бранномъ дѣлѣ:
Пѣснь грустную спою я вамъ,
Спою вамъ пѣснь о Розабеллѣ.

„Назадъ, гребцы, назадъ съ ладьей!
Останься въ вѣрномъ замкѣ, дѣва!
Не отправляйся въ путь ночной,
Не искушай морского гнѣва!

Бѣлѣетъ пѣной край зыбей,
Летятъ къ пріюту птицы роемъ:
Стращалъ недавно рыбарей
Духъ волнъ своимъ зловѣщимъ воемъ.

И зрѣлъ вѣщунъ сѣдой въ ту ночь,
Одѣту въ мокрый саванъ дѣву;
Такъ что-жъ неволитъ лорда дочь
Себя ввѣрять морскому гнѣву?

— Не то, что будетъ графъ Линдей
На пышномъ праздникѣ въ Росслинѣ;
Но скучно матери моей
Одной тамъ оставаться нынѣ.

Не то, что всѣ глядятъ въ окно,
Какъ съ графомъ конь несется бѣлый;
Но мой отецъ хулитъ вино
Не налитое Розабеллой.

Въ теченьи ночи грозной сей,
Чудесный свѣтъ пылалъ средь мрака,
Сіянья луннаго краснѣй,
Свѣтлѣе пламени маяка.

Росслина башни озарялъ,
Ихъ погружая въ блескъ кровавый,
Былъ виденъ съ гаторнденскихъ скалъ,
Сіялъ до дрейденской дубравы.

Горѣлъ и въ сводахъ онъ святыхъ,
Гдѣ улеглися подъ иконы,
Всѣ въ латахъ кованныхъ своихъ,
Росслина храбрые бароны.

Алтарь стоялъ весь, какъ въ огнѣ,
Весь какъ въ огнѣ былъ сводъ богатый,
Иконы рдѣли на стѣнѣ,
И мертвецовъ сверкали латы.

Пылали роковымъ огнемъ
Утесъ, и замокъ, и долина:
Такъ пламенѣетъ все кругомъ,
Какъ быть бѣдѣ въ стѣнахъ Росслина.

Тамъ двадцать доблестныхъ вождей
Хранитъ богатая капелла,
И каждый тамъ въ семьѣ своей,
А въ безднахъ моря Розабелла.

Въ капеллу клалъ ихъ, отпѣвалъ
Съ надгробнымъ звономъ клиросъ цѣлый;
Но бурный вѣтръ и шумный валъ
Надъ мертвой пѣли Розабеллой.

1839

II.

Яша.

„Что̀ плачешь ты, краса моя?
Грустишь ты отчего?
Тебя за графа выдамъ я,
За сына моего.

Пойдешь, невѣстой убрана,
Къ вѣнцу ты средь друзей.“
Но все же слезы льетъ она,
Милѣе Яша ей.

„Простись съ упрямою тоской,
Развесели свой взглядъ,
Пригожъ женихъ твой молодой,
И знатенъ и богатъ.
Будь пиръ веселый, будь война,
Онъ угоститъ гостей.“
Но все же слезы льетъ она,
Милѣе Яша ей.

„Онъ подаритъ цѣпей златыхъ,
Онъ завтрашняго дня
Дастъ сокола и псовъ борзыхъ,
Дастъ стройнаго коня;
И съ нами, графская жена,
Поскачешь средь полей.“
— Но все же слезы льетъ она,
Милѣе Яша ей.

И въ церкви ужъ свѣчи горятъ,
У всѣхъ иконъ святыхъ;
Священникъ ждетъ свершить обрядъ,
Ждутъ гости и женихъ;

Нейдетъ невѣста лишь одна.
Искать бѣгутъ скорѣй—
Пропала безъ слѣдовъ она,
Пропалъ и Яша съ ней.

1839

III.

Военная пѣснь клана маккрегоръ.

(Macgregor's Gathering).

Луна надъ рѣкой и туманы кругомъ,
И съ именемъ кланъ, хоть безъ имени днемъ.
Сбирайтесь, сбирайтесь! Макгрегоръ, ура!
Макгрегоръ пора!

Завѣтный и славный нашъ кликъ боевой
Гремѣть осужденъ лишь ночною порой.
Идите-жъ, идите! Макгрегоръ, ура!
Макгрегоръ, пора!

Не наши ужъ нынѣ тѣхъ горъ вышины,
Гленглейона селы, Кильчурна сыны;
Изгнанники всѣ мы!—Макгрегоръ ура!
Макгрегоръ, пора!

Не знаетъ нашъ кланъ и главой гдѣ прилечь;
Но кланъ нашъ сберегъ и свой духъ и свой мечъ.
Такъ смѣло же, смѣло! Макгрéгоръ, ура!
Макгрéгоръ, пора!

Нѣтъ крова, нѣтъ пищи, нѣтъ имени намъ...
Огню же ихъ домы, ихъ трупы орламъ!
На битву, на битву! Макгрéгоръ, ура!
Макгрéгоръ, пора!

Быть листьямъ въ дубровѣ, быть нынѣ въ рѣкѣ,
Быть намъ въ ихъ владѣньяхъ, съ булатомъ въ рукѣ.
Спѣшите, спѣшите! Макгрéгоръ, ура!
Макгрéгоръ, пора!

Скакать черезъ море прійдется коню,
Корабль поплыветъ на крутомъ Бенвеню,
Растаетъ гранитъ по горамъ вѣковымъ,
Но мы не забудемъ, но мы отомстимъ.
Сбирайтесь, сбирайтесь! Макгрéгоръ, ура!
Макгрéгоръ, пора!

1839.

———

IV.

Клятвы Мойны.

(Шотландская баллада).

Вотъ клятва Мойны молодой:
„Не буду графу я женой!
Хотя-бъ отъ всѣхъ людскихъ племенъ
Остались въ мірѣ я да онъ,
Хотя-бъ онъ мнѣ въ награду далъ,
Алмазы, жемчугъ и кораллъ,
Хотя-бъ владѣлъ онъ всей страной,—
Не буду графу я женой!“.

— Обѣты дѣвъ, сказалъ старикъ,
Всѣ въ мигъ даны, забыты въ мигъ;
Обвивъ крутыя высоты
Алѣютъ вереска цвѣты,
И скоро вѣтръ съ утеса прочь
Ихъ унесетъ въ осеннюю ночь;
Но Мойна, прежде ночи той,
Ужъ можетъ графу быть женой.

„Пусть лебедь“, Мойна говоритъ,
„Въ гнѣздо орлиное взлетитъ,
Назадъ пойдутъ потоки горъ,
Пусть упадетъ утесъ Бенморъ,
И битвы въ часъ нашъ грозный кланъ

Пусть побѣжитъ отъ англичанъ,
Но я не измѣнюсь душой,
Не буду графу я женой!“

Еще доселѣ въ тростникѣ
Гнѣздится лебедь на рѣкѣ,
Бенморъ огромный не падетъ,
Крутой потокъ бѣжитъ впередъ,
Кланъ все слыветъ, какимъ онъ слылъ,
И предъ врагомъ онъ не далъ тылъ;—
Но Мойна любитъ всей душой,
И Мойну графъ зоветъ женой.

1839 г.

V.

Предѣлъ родной.

О, дѣва! съ горной высоты
Взгляни: съ волнами бездны черной,
Въ борьбѣ отважной и упорной:
Ладью замѣтила ли ты?
Зачѣмъ бы съ бурею могучей
Пуститься ей въ неравный бой,
Предаться безднѣ той кипучей?
Спѣшитъ она—въ предѣлъ родной!

О, дѣва! надъ пучиной водъ
Бѣлѣетъ птица тамъ морская,
И, въ мракѣ крыльями сверкая,
Стремитъ къ утесу свой полетъ.
Въ грозѣ, надъ глубью разъяренной,
Зачѣмъ летѣть бы птицѣ той
Къ скалѣ крутой и обнаженной?
Ей та скала—предѣлъ родной.

И ты, какъ бурная волна,
Ты мнѣ враждебна и сурова,
Ты, какъ скала хребта морского,
Непобѣдимо холодна.
Но все, покорный тайной силѣ,
Къ тебѣ стремлюся я душой;
Въ твоей любви или въ могилѣ
Найдетъ Мальхольмъ—предѣлъ родной.

1840.

VI.

Пѣснь.

—„ О дѣва! жребій твой жестокъ!
Жалка судьба твоя!
Ты тернъ плетешь себѣ въ вѣнокъ,
Полынь рвешь для питья.

Перо на шляпѣ, свѣтлый взоръ,
Отважныя черты:
Вотъ про меня, до этихъ поръ,
Все то, что знала ты—
Мой другъ!
Все то, что знала ты!
Теперь въ день лѣтній много розъ
Алѣютъ по лугамъ;
Но легче имъ цвѣсти въ морозъ,
Чѣмъ вновь сойтися намъ."—
Вокругъ себя на брегъ морской
Онъ поглядѣлъ тогда,
И дернулъ онъ коня уздой:
—„Прости же навсегда —
Мой другъ!
Прости же навсегда!"

1840.

VII.

Пѣсня.

Красивъ Бригнала брегъ крутой,
И зеленъ лѣсъ кругомъ;
Цвѣты надъ быстрою рѣкой
Раскинуты ковромъ.

Вдоль замка Дальтонъ, на конѣ
Я ѣхалъ не спѣша:
На-встрѣчу пѣла съ башни мнѣ
Красавица-душа:

„Красивъ Бригнала брегъ крутой,
И зеленъ лѣсъ кругомъ;
Мнѣ съ другомъ тамъ пріютъ лѣсной
Милѣй, чѣмъ царскій домъ“.

—Ты хочешь, дѣва, быть моей,
Забыть свой родъ и санъ;
Но прежде разгадать сумѣй,
Какой мнѣ жребій данъ.

И если скажетъ мнѣ, любя,
Загадки слово ты,
Пріиму въ дубравѣ я тебя
Царицей красоты.

Она поетъ: „Свѣжъ брегъ крутой,
И зеленъ лѣсъ кругомъ;
Мнѣ съ другомъ тамъ пріютъ лѣсной
Милѣй, чѣмъ царскій домъ.

Со звонкимъ рогомъ въ кушакѣ
Ты скачешь чрезъ поля,
Ты, знать, въ дубравѣ на рѣкѣ
Лѣсничій короля?“

—Лѣсничій зоркій короля
Въ свой рогъ трубитъ съ утра,
Но какъ покрыта мглой земля,
То мнѣ трубить пора.

Она поетъ: „Свѣжъ брегъ крутой,
И зеленъ лѣсъ кругомъ;
Хочу царицею лѣсной
Жить съ другомъ тамъ вдвоемъ.

На быстроногомъ рысакѣ,
Какъ ратникъ, ты готовъ,
Съ мечемъ въ ножнахъ, съ ружьемъ въ рукѣ,
На барабанный зовъ.“

—Нейду на барабанный зовъ,
Нейду на трубный зовъ,
Но какъ зовутъ насъ крики совъ,
Мы всѣ готовы вдругъ.

И свѣжъ Бригнала брегъ крутой,
И зеленъ лѣсъ кругомъ,
Но дѣвѣ смѣлой лишь со мной
Царить въ лѣсу моемъ.

О, дѣва! другъ недобрый я!
Глухихъ пустынь жилецъ;
Безвѣстна будетъ жизнь моя,
Безвѣстенъ мой конецъ.

Какъ мы сойдемся, гости тьмы,
То должно намъ, повѣрь,
Забыть, что́ прежде были мы,
Забыть, что́ мы теперь.

Но свѣжъ Бригнала брегъ крутой
И зеленъ лѣсъ кругомъ,
И пышно блещутъ надъ рѣкой
Цвѣты живымъ ковромъ.

1840

БАЙРОНЪ.

I.

Аполлонъ Бельведерскій.

Вотъ онъ—владыка неизбѣжныхъ стрѣлъ,
Вотъ жизни богъ, богъ дня и пѣснопѣнья!
Я солнце воплощенное узрѣлъ;
Торжественный, онъ вышелъ изъ сраженья,
Слетѣло съ лука неземное мщенье,
И свѣтлые глаза его блестятъ,
И ноздри дышатъ гордостью презрѣнья;
Стоитъ могучъ, величественъ и святъ,
И бога проявилъ его единый взглядъ.

* * *

И если же похитилъ Прометей
Огонь небесъ, горящій въ насъ душою,
Тѣмъ выплаченъ тотъ долгъ, кѣмъ мраморъ сей
Былъ славою увѣнчанъ вѣковою;

Хоть и земной возсозданъ онъ рукою,
Но мыслью неземной,—и власть временъ
Благоговѣла предъ его красою,
И невредимъ доселѣ дышитъ онъ
Тѣмъ пламенемъ святымъ, которымъ сотворенъ.

1841

II.

Къ...

Хоть гроза непріязни и горя
Надо мной разразилась вполнѣ,
Умъ твой мягкій, упрекамъ не вторя,
Не искалъ прегрѣшеній во мнѣ;
Онъ страданья души уязвленной
Раздѣлилъ и усвоилъ себѣ,
И мечта о любви неизмѣнной
Для меня лишь сбылася въ *тебѣ*.

Мнѣ улыбкой своею природа
Объ улыбкѣ напомнитъ твоей;
И когда зашумитъ непогода
Вкругъ меня, надъ пучиной морей,
И столкнутся, какъ люди со мною,
Вьюга съ валомъ въ жестокой борьбѣ,
Буду только я думать съ тоскою,
Что едва-ль мнѣ вернуться къ *тебѣ*.

Хоть послѣднихъ моихъ упованій
Потряслась и разбилась скала,
Хоть тяжелыхъ я жду истязаній,
Не склоню я подъ ними чела:
Не потѣшится свѣтъ безпощадный
Надо мною, въ своей похвальбѣ;
Грудь мою, средь вражды этой жадной,
Наполняетъ лишь мысль о *тебѣ*.

Нѣтъ! людей не виню я понятья,
И сраженіе многихъ съ однимъ;
Лютость ихъ испытавъ безъ изъятья,
Было глупо ввѣряться мнѣ имъ:
И пощады просивши у Бога,
Въ неуслышанной Богомъ мольбѣ,
Если сердце терпѣло и много,—
Не ошиблось оно хоть въ *тебѣ*.

О быломъ вспоминая уныло,
Я скажу про одно существо,
Что не даромъ душѣ оно было
Въ этой жизни милѣе всего.—
Есть въ степи ключъ мнѣ свѣжій и нынѣ,
Лучъ мнѣ ясный есть въ темной судьбѣ,
Есть волшебная птица въ пустынѣ,
И поетъ мнѣ она о *тебѣ*.

Петербургъ. 1855.

ТОМАСЪ МУРЪ.

I.

Приди, я заплачу съ тобой.

Зарю твою утренней тучей
Покрыла ли горести мгла?
Исчезла ли тѣнью летучей
Пора, гдѣ и грусть намъ мила?
И въ жизни на вѣкъ ли завяли
Всѣ чувства души молодой?
Приди ты ко мнѣ, дочь печали,
Приди, я заплачу съ тобой!

Была ли, о, дѣва младая,
Любовь для тебя, какъ рудникъ,
Въ который, блескъ злата встрѣчая,
Впервые взоръ жадный проникъ?
Тамъ сверху все свѣтится щедро,
Несмѣтный тамъ чудится кладъ,
Но глубже спустясь въ его нѣдро,
Нашла ль ты лишь мрачность и хладъ?

Надежда манила ли рано
Тебя, какъ та птица—дитя, *)
Съ добычей драгой талисмана
Все съ вѣтки на вѣтку летя?
Тебѣ она такъ ли казала
Вблизи свой волшебный приманъ?
И такъ опять улетала,
Съ собой унося талисманъ?

Такъ грустно, такъ быстро прошли ли
Сквозь горе блестящіе дни?
Во всемъ, что надежды сулили,
Нашла ль ты обманы одни?
И въ жизни на вѣкъ ли завяли
Всѣ чувства души молодой?—
Приди ты ко мнѣ, дочь печали,
Приди, я заплачу съ тобой!

1841.

---

*) Въ разсказѣ „Тысяча и одна ночь“.

КЕМБЕЛЬ.

I.

Гленара.

(Шотландская баллада).

О, слышите ль вы тотъ напѣвъ гробовой?
Толпа тамъ проходитъ печальной чредой.
Вождь горный Гленара супруги лишенъ:
Ее хоронить всѣхъ родныхъ созвалъ онъ,

И первый за гробомъ Гленара идетъ,
И кланъ весь за нимъ, но никто слезъ не льетъ;
Идутъ они молча чрезъ поле, чрезъ боръ,
Въ плащи завернулись, потупили взоръ.

И молча дошли до равнины одной,
Гдѣ росъ одинокій дубъ, черный, густой;
Жену хоронить здѣсь я мѣсто избралъ:
Что-жъ всѣ вы молчите? Гленара сказалъ.

Отвѣтствуйте мнѣ: что же всѣ вы кругомъ
Плащами закрылись? такъ мрачны лицомъ?
Вождь грозный спросилъ ихъ: плащъ каждый упалъ—
И въ каждой десницѣ сверкаетъ кинжалъ.

„Мнѣ снилось о гробѣ супруги твоей,“
Воскликнулъ одинъ изъ угрюмыхъ гостей:
Гробъ этотъ пустымъ показался мнѣ онъ.
Гленара! Гленара! толкуй мнѣ мой сонъ!“

Гленара блѣднѣетъ и гробъ предъ толпой
Открытъ ужъ,—и нѣтъ въ немъ жены молодой;
И гость-обвинитель страшнѣй повторилъ
(Несчастную жертву онъ тайно любилъ):

„Мнѣ снились страданья супруги твоей,
Мнѣ снилось, что вождь нашъ—безчестный злодѣй,
Что бросилъ жену на скалѣ гдѣ-то онъ.
Гленара! Гленара! толкуй мнѣ мой сонъ!“

Упалъ на колѣни преступникъ во-прахъ,
Открылъ, гдѣ покинулъ супругу въ слезахъ;
Съ пустынной скалы возвратилась она,
И вновь съ нею радость друзьямъ отдана.

1839 г.

Э. ШУЛЬЦЕ.

I.

Пѣснь пѣвца.

Заключеннымъ дѣвамъ.

(Изъ волшебной поэмы „Цецилія“).

Въ предѣлѣ дальномъ,
Въ горѣ глубоко,
Гдѣ валъ потока
Бьетъ подъ землей,
Въ плѣну печальномъ
Любви свѣтило
Блеститъ уныло
Сквозь мракъ густой.

Глухому своду
Алмазъ вручился;
Въ затворѣ скрылся
Кумиръ сердецъ:
Блеснетъ народу
Сей кладъ прекрасный,
Украситъ ясно
Царя вѣнецъ.

Свой ревъ подъемлютъ
Пучины моря,
Съ грозою споря,
Въ порывахъ злыхъ:
Но въ кельяхъ дремлютъ
Тамъ перлы нѣжны;
Моря мятежны
Не будятъ ихъ.

Цвѣтетъ въ лазури
Жизнь молодая;
Къ намъ, оживляя,
Лучъ не сойдетъ.
Бушуютъ бури
Надъ глубью скрытной;
Гробъ нашъ гранитный
Громъ не пробьетъ.

Покойтесь, дѣвы!
Сонъ вамъ безпечный!
Пусть въ ночи вѣчной
Вамъ снится свѣтъ!
Летятъ напѣвы
Въ глушь подземелья,
Звучатъ ущелья
Пѣвцу въ отвѣтъ.

1840.

Р. РЮККЕРТЪ.

I.

Пойми любовь! Ищи во взорахъ милой
Небесныхъ благъ, а не земныхъ страстей;
Чтобы святой душа окрѣпла силой,
И не погасъ бы лучъ звѣзды твоей!

Пойми любовь! Найди въ очахъ прекрасной
Не огнь пылающій, но мирный свѣтъ,—
Чтобъ онъ тебѣ служилъ лампадой ясной,
А не спалилъ бы жизнь твою поэтъ.

Пойми любовь! Восторгами любезной,
Ты не окуй себя, но окрыли,
Чтобъ гостемъ быть обители надзвѣздной,
А не рабомъ обманчивой земли.

Г. ГЕЙНЕ.

I.

Лорелея.

И горюя, и тоскуя,
Чѣмъ мечты мои полны?
Позабыть все не могу я
Небылицу старины.

Тихо Реинъ протекаетъ,
Вечеръ свѣтелъ и безъ тучъ,
И блеститъ, и догораетъ
На утесахъ солнца лучъ.

Сѣла на скалу крутую
Дѣва вся облита имъ;
Чешетъ косу золотую,
Чешетъ гребнемъ золотымъ.

Чешетъ косу золотую,
И поетъ при плескѣ водъ,
Пѣсню словно неземную,
Пѣсню дивную поетъ.

И пловецъ тоскою страстной
Пораженъ и упоенъ,
Не глядитъ на путь опасный;
Только дѣву видитъ онъ.

Скоро волны, свирѣпѣя,
Разобьютъ челнокъ съ пловцомъ;
И пѣвица Лорелея,
Виновата будетъ въ томъ.

1839

ФРЕИЛИГРАТЪ.

I.

Бивакъ.

Окопъ въ степи дремучей,
Огонь блеститъ сквозь мракъ,
Сверкаютъ ружья кучей,
Французскій тамъ бивакъ.

То Клебера бригада;
Ждутъ гренадеры дня;
Сидитъ близъ ихъ отряда
Начальникъ у огня.

Раскинута ландкарта,
Сидитъ въ раздумьи онъ;—
И клонитъ Бонапарта
Въ тиши невольный сонъ.

Кругомъ дремота та же
Нашла на весь отрядъ;
Къ ружью склонился даже
Сторожевой солдатъ.

Усните, удалые!
Вамъ завтра новый трудъ.
Здѣсь сторожа чужіе
Бивакъ нашъ стерегутъ.

Пусть скачутъ Мурадъ-Бея
Лихіе ѣздоки!
Хранятъ, въ дали свѣтлѣя,
Насъ странные полки.

Ждетъ грознаго здѣсь пира
Товарищъ древнихъ чадъ,
Который съ сыномъ Кира
Изъ Ѳивскихъ вышелъ вратъ.

Къ вамъ Македонецъ смѣлый
Подходитъ, сынъ побѣдъ,
Міръ облетѣвшій цѣлый
За Александромъ вслѣдъ.

Въ своей бывалой силѣ
Идетъ, угрюмъ и нѣмъ,
Сѣдой боецъ на Нилѣ,
Вождь кесарскихъ триремъ,

Воители въ пустынѣ,
Цари вѣковъ былыхъ,
Владыкѣ міра нынѣ
Шлютъ мертвецовъ своихъ.

Къ живымъ идутъ толпою
Живущіе въ гробахъ
И съ латъ, готовы къ бою,
Стряхаютъ тлѣнъ и прахъ.

Сверкаетъ мечъ ихъ ржавый,
Во мглѣ сіяетъ щитъ,
Блеститъ въ красѣ кровавой
Рядъ вѣющихъ хламидъ.

Предъ бурной головою
Несется дивный строй,—
Сердитою рукою
Схватилъ свой мечъ герой.

Вошелъ на злато трона
Во снѣ Наполеонъ,
Предсталъ, какъ сынъ Аммона,
Землѣ тревожный онъ.

И каждаго ужъ края
Судьба въ его рукѣ;
А пламя, догорая,
Дымится на пескѣ.

1841.

II.

Гробовщики.

„Прискорбное дѣло ведется къ концу;
На этой постелѣ лежать мертвецу!“—
—Эхъ, братъ, а тебѣ что? Твоя ли бѣда?
Дешевая, знать, твои слезы вода—
„Нѣтъ! право, беретъ по неволѣ ознобъ;
Приходится первый, вѣдь, дѣлать мнѣ гробъ!“
—Послѣдній ли, первый ли, равны они;
На, выпей-ка чарку, да пѣснь затяни.
Да доски сюда принеси ты въ сарай,
Пилой распили ихъ, рубанкомъ строгай;
Прилаживай доску къ доскѣ ты живѣй,
Да чернымъ суконцемъ, какъ должно, обей.
Да стружки потомъ подбери ты съ земли,
Да ими сосновое дно устели,
Чтобъ въ гробѣ,—такое повѣрье у насъ,—
На стружкахъ отжившая плоть улеглась.
Внесешь гробъ ты завтра къ покойнику въ домъ;
Положатъ, накроютъ, и дѣло съ концомъ.—
„Готовлю я доски, и мѣрю я ихъ,
Но думъ не могу пересилить своихъ;
Строгаетъ рубанокъ, и ходитъ пила,
Но мутны глаза и рука тяжела.

Смотрю, чтобъ къ доскѣ приходилась доска,
Но въ сердцѣ томленіе, въ сердцѣ тоска.
Прискорбное дѣло ведется къ концу,
На этой постелѣ лежать мертвецу!“

Петербургъ. 1855. Ноябрь.

Ю. ГАММЕРЪ.

I.

Превозмоги печаль свою,
Забудь напрасныхъ думъ обманы,
Сердечныя свои ты раны
Не въ храбромъ получилъ бою.
Духъ бодрый ищетъ утѣшенья,
И утѣшенье встрѣтитъ онъ:
Тотъ, кто не хочетъ исцѣленья,
Тотъ себялюбьемъ удрученъ.—

Какъ ты средь свѣта не терпѣлъ,
Сближайся вновь съ нимъ безъ укора;
Онъ все жъ причина и опора
Предпринятыхъ тобою дѣлъ.
Кто вѣры въ человѣка полонъ,
Тотъ побѣдитъ вражду людей,
Свершитъ свой долгъ, какъ не тяжелъ онъ,
Пойдетъ дорогою своей.

Трудамъ предайся ты въ тиши,
Хотя бъ толпа ихъ не цѣнила;
Извѣдай и пойми, что сила

Есть благо высшее души;
Въ ней истинъ радостныхъ созданье,
Стремленье вѣчное впередъ,
Не данное людьми стяжанье,—
Она сама его беретъ!

Гаммеръ.
Пильницъ. Октябрь 1861.

ХОДЗЬКО.

I.

Литовская пѣсня.

Землю, какъ гонецъ,
Я съ конца въ конецъ
Облеталъ,
Съ саблей наголо;
Мнѣ вездѣ везло,
Врагъ бѣжалъ.

Ты спроси, ей-ей!
Всѣхъ въ Литвѣ людей,
Знавшихъ бой:
Чей же рогъ трубитъ,
Чей же конь летитъ
Такъ, какъ мой?

Всѣмъ мой конь богатъ:
Сто коровъ мычатъ
По лугамъ;
Высоко стоитъ,
Словно лѣсъ, шумитъ
Жатва тамъ.

Есть кому и дать,
Для кого собрать
Плодъ деревъ;
Тамъ блеститъ красой
Цвѣтъ весенній мой,
Дѣва дѣвъ.

Взялъ тебя же я,
Пташечка моя!
Не робѣй.
Въ клѣткѣ жить учись,
Съ матерью простись,
Слезъ не лей!

Ты простись съ отцомъ;
Выйдешь съ молодцомъ
Изъ лѣсовъ;
Въ путь со мной ступай,
И литовца знай:
Онъ таковъ!

1839.

ВИКТОРЪ ГЮГО.

I.

Видѣніе.

Увидѣлъ Ангела въ стемнѣвшей я лазури;
Смирялъ его полетъ тревогу волнъ и бури.
—„Что ищешь, Ангелъ, ты, въ безрадостномъ краю?“—
Онъ отвѣчалъ:—Иду я душу взять твою.—
И грустно на меня смотрѣлъ онъ женскимъ ликомъ.
И страшно стало мнѣ; я вскрикнулъ слабымъ крикомъ:
—„Какой насталъ мнѣ часъ? что станется со мной?“—
Безмолвный онъ стоялъ. Сгущался мракъ ночной.
—„Скажи, дрожащее я выговорилъ слово,
Взявъ душу, съ ней куда, средь міра ты какого,
Отсюда улетишь?“—Онъ продолжалъ молчать.
—„Пришлецъ невѣдомый! воскликнулъ я опять.
Ты смерть ли, или жизнь? Конецъ или начало?“
И ночи все темнѣй спускалось покрывало,
И Ангелъ мраченъ сталъ, и молвилъ:—Я любовь!—
И краше радости на сумрачную бровь
Печать тоски легла,—и тихаго веселья,
И звѣздъ я видѣлъ блескъ сквозь трепетныя крылья.

Константинополь.
9—12 Ноября, 1858 г.

НЕИЗВѢСТНЫХЪ АВТОРОВЪ.

I.

Эдвардъ.

(Старинная шотландская баллада).

* * *

—Какъ грустно ты главу склонилъ,
Эдвардъ! Эдвардъ!
Какъ грустно ты главу склонилъ,
И какъ твой мечъ красёнъ?—О!

„Я сокола мечемъ убилъ,
Матерь! матерь!
Я сокола мечемъ убилъ;
Такого нѣтъ, какъ онъ!—О!“

* * *

—Не соколъ мечъ окровенилъ,
Эдвардъ! Эдвардъ!
Не соколъ мечъ окровенилъ,
Не тѣмъ ты сокрушенъ.—О!

„Коня я, своего убилъ,
Матерь! матерь!
Коня я своего убилъ,
А вѣрный конь былъ онъ!—О!“

* * *

—Твой конь уже былъ старъ и хилъ,
Эдвардъ! Эдвардъ!
Твой конь уже былъ старъ и хилъ,
О чемъ бы такъ тужить?—О!

„Отца я своего убилъ,
Матерь! матерь!
Отца я своего убилъ:
Мнѣ горько, горько жить!—О!“

* * *

—И чѣмъ теперь, скажи же мнѣ,
Эдвардъ! Эдвардъ!
И чѣмъ теперь, скажи же мнѣ,
Искупишь грѣхъ ты свой?—О!

„Скитаться буду по землѣ,
Матерь! матерь!
Скитаться буду по землѣ,
Покину край родной!—О!“

* * *

—И кѣмъ же будетъ сохраненъ,
Эдвардъ! Эдвардъ!

И кѣмъ же будетъ сохраненъ,
Здѣсь твой богатый домъ?—О!

„Опустѣвай и рушись онъ,
Матерь! матерь!
Опустѣвай и рушись онъ!
Ужъ не бывать мнѣ въ немъ!—О!“

* * *

—И съ кѣмъ же ты оставишь тутъ,
Эдвардъ! Эдвардъ!
И съ кѣмъ же ты оставишь тутъ
Жену, дѣтей своихъ?—О!

„Пусть по-міру они пойдутъ,
Матерь! матерь!
Пусть по-міру они пойдутъ;
Навѣкъ покину ихъ.—О!“

* * *

—А мнѣ въ замѣну всѣхъ утратъ
Эдвардъ! Эдвардъ!
А мнѣ въ замѣну всѣхъ утратъ
Что дастъ любовь твоя?—О!

„Проклятіе тебѣ и адъ,
Матерь! матерь!
Проклятіе тебѣ и адъ,
Тебя послушалъ я!—О!“

1839.

II.

Баллада.

(Съ нѣмецкаго).

Извѣстно, что императоръ Карлъ V отказался отъ престола, и кончилъ жизнь свою, монахомъ, въ монастырѣ св. Юста, въ Испаніи, въ провинціи Эстремадура. Послѣдніе дни его были ознаменованы глубокимъ покаяніемъ, которымъ думалъ онъ искупить свое непомѣрное властолюбіе и свою жестокостъ къ Франциску I-му, къ Саксонскому Курфюрсту и къ другимъ, томившимся нѣкогда въ его темницахъ.

Онъ даже велѣлъ заживо положить себя въ гробъ и совершить надъ собою обрядъ похоронъ.

„Здравствуй, нашъ монахъ печальный!
Мы къ тебѣ идемъ опять;
Солнце въ лѣсъ скатилось дальный;
Скучно въ полѣ намъ гулять.

Вѣдь, мы дѣти здѣсь чужія;
Изъ родной своей земли
Мы съ отцомъ сюда впервые
Только мѣсяцъ что пришли.

Мы не свыклись съ вашимъ краемъ,
И мальчишки тѣхъ полей
Говорятъ намъ, что не знаемъ
Игръ испанскихъ мы дѣтей.

Сказку разскажи намъ снова,
Про бойца богатыря,
Иль про чародѣя злого,
Иль про славнаго царя“.—

На дѣтей взглянулъ, тоскуя,
Бѣдный сынъ монастыря:
„Да, вамъ сказку, разскажу я
Про великаго царя.

Былъ царь грозный, былъ царь славный,
Былъ владыка многихъ странъ;
Слалъ онъ свой законъ державный
Чрезъ широкій океанъ.

Въ нѣдрахъ горъ онъ черпалъ злато,
Властью слова своего:
Солнцу не было заката
Во владѣніяхъ его.

Въ даль неслись его угрозы,
Страхъ бросая въ шумъ столицъ:
Царскія мочили слезы
Жесткій полъ его темницъ.

И въ безумствѣ думъ надменныхъ,
Вырвавъ жалость изъ души,
Бралъ съ сиротъ и съ угнетенныхъ,
Какъ торгашъ, онъ барыши.

Ненасытный, безпощадный,
Въ схваткѣ съ рокомъ устоя,
Онъ забылъ въ гордынѣ жадной,
Что надъ нимъ былъ судія;

И возсталъ нежданный мститель,
И ворвался злой пришлецъ
Въ недоступную обитель,
Въ раззолоченный дворецъ.

Мимо залъ, гдѣ стражи бдѣли,
Вкрался въ царскій онъ покой:
И подползъ къ его постели,
И впился въ него змѣей".—

—„Кончи же, монахъ! ужъ поздно...
Что жъ ты голову склонилъ?...
Отчего взглянулъ такъ грозно?
Ужъ не ты ль царя убилъ?"—

Приподнялся въ гнѣвной мочи
Станъ высокій чернеца;
Засверкали дико очи
Полумертваго лица.

„Да, убилъ я исполина,
Сокрушилъ въ избыткѣ силъ!
Съ трона сбросилъ властелина,
Въ гробъ живаго положилъ!

Я палачъ его безвѣстный,
Искупитель старины!
Какъ два тигра въ клѣткѣ тѣсной,
Мы вдвоемъ заключены,

Утомимся мы борьбою,
И согнетъ сѣдой монахъ,
Подъ ногой своей босою,
Императора во прахъ".

Замолчалъ разсказчикъ странный;
Дѣти робко отошли,
И, мелькнувъ чрезъ долъ туманный,
Скрылись птичками въ дали.

И кругомъ все стало пусто;—
И вошедшею луной
Монастырь святого Юста
Озарился подъ горой.
1841.

III.

Странникъ.

(Съ нѣмецкаго).

Съ вершинъ пустынныхъ я сошелъ,
Ложится мракъ на лѣсъ и долъ,
Гляжу на первую звѣзду:
Далекъ тотъ край, куда иду.

Ночь разстилаетъ свой шатеръ
На міра Божьяго просторъ;
Такъ полонъ міръ, міръ такъ широкъ,
А я такъ малъ и одинокъ.

Бѣлѣютъ хаты средь луговъ,
У всякаго свой мирный кровъ,
Но странникъ съ грустію нѣмой
Страну проходитъ за страной.

На многихъ тихихъ доловъ сѣнь,
Спадаетъ ночь, слетаетъ день,
Мнѣ нѣтъ угла, мнѣ нѣтъ гнѣзда,
Иду—и шепчетъ вздохъ: куда?

Мрачна мнѣ неба синева,
Весна стара, и жизнь мертва;
И ихъ привѣты—звукъ пустой,
Я всѣмъ пришлецъ, я всѣмъ чужой.

Гдѣ ты, мной жданная одна,
Обѣтованная страна?
Мой край любви и красоты,
Міръ, гдѣ цвѣтутъ мои цвѣты?

Предѣлъ, гдѣ сны мои живутъ,
Гдѣ мертвые мои встаютъ,
Гдѣ слышится родной языкъ,
Гдѣ все, чего я не достигъ!

Гляжу въ грядущую я тьму,
Вопросъ одинъ шепчу всему...
Блаженство тамъ, звучитъ отвѣтъ,
Тамъ, гдѣ тебя, безумецъ, нѣтъ...

1841.

IV.

Съ нѣмецкаго.

Восторговъ предаваясь власти,
Очаровательна вполнѣ,
Съ слезой въ глазахъ, съ улыбкой страсти
Она склонялася ко мнѣ.
Но верхъ она брала ль надъ тою,
Глаза которой отъ меня
Отворотилися съ тоскою,
Слезу иную уроня?
Я цѣловалъ свою Цирцею,
Пилъ наслажденія фіалъ;
Но почему, пока я съ нею
Въ блаженствахъ бурныхъ утопалъ,
Изъ жизни мнѣ моей старинной
Минута помнилася та,
Когда прижалъ къ рукѣ невинной
Свои я чистыя уста?

Тарантъ. 1859. Августъ.

АНДРЭ ШЕНЬЕ.

I.

Слѣпой.

Остался голосъ мнѣ...

„Серебролукій богъ! богъ Кларосa, внемли!
О, Фебъ! погибну я среди чужой земли,
Когда не будешь ты опорою слѣпого!“
Такъ говорилъ слѣпой, и тихо шелъ, и снова
На камень отдохнуть садился. Вдоль дубравъ,
На лай сердитый псовъ поспѣшно прибѣжавъ,
Отъ стаи лютой ихъ пришельца защищая,
За нимъ три пастуха слѣдили, дѣти края,
И слушая его, шептали межъ собой:

—Откуда тотъ старикъ безвѣстный и слѣпой,
Не дивный житель ли заоблачнаго міра?
На поясѣ его виситъ простая лира,
И голосу его какъ-будто небеса
Сочувствуютъ, и долъ, и волны, и лѣса.

Но услыхалъ слѣпецъ ихъ близкой рѣчи звуки,
Смутился и простеръ трепещущія руки
На встрѣчу отрокамъ съ смиренною мольбой.

—Не бойся, говорятъ они, старикъ слѣпой,
Не бойся насъ; когда, подъ этой плотью тлѣнной,
Съ Олимпа не сошелъ къ намъ гость благосло-
венный...
Такъ величавъ твой видъ, и полонъ красоты
Какой-то неземной; но если смертный ты,
Утѣшься: оскорблять не смѣемъ мы несчастныхъ.
Таинствененъ и мудръ завѣтъ боговъ всевласт-
ныхъ.
Глубокой темнотой покрылъ твой взоръ Зевесъ,
Но пѣсенъ дивный даръ послалъ тебѣ съ небесъ.

„Нѣтъ, говоритъ старикъ, бояться вашей встрѣчи
Мнѣ нечего; умны и нѣжны ваши рѣчи,
И нѣженъ, долженъ быть, и радостенъ вашъ видъ:
Но нищій странникъ ждетъ лишь бѣдствій и обидъ.
Съ богами вы меня не сравнивайте, дѣти;
Взгляните на меня - увы! въ морщины ль эти
Себя властители Олимпа облекли?
Нѣтъ, я измученный и жалкій сынъ земли;
Я нищій немощный, лишенный пропитанья,
Скиталецъ, отданный толпѣ на поруганье.
Не преступленьемъ дни мои отравлены,
Не бремя я несу Эдиповой вины,
И музы свѣтлыя не мстятъ, какъ Ѳамириду,
Несчастному пѣвцу за тяжкую обиду;
Но ниспослалъ Зевесъ на старость лѣтъ ему
Нужду, презрѣніе, изгнаніе и тьму“.

— Возьми, и будь тебѣ, старикъ, судьба иная.—
И свой запасъ дневной поспѣшно собирая,
Колѣни нищаго они наперерывъ
Покрыли грудою и сыра, и оливъ,
И сладкихъ финиковъ, и грушъ; и хлѣбъ ячменный
Ужъ бросили они собакѣ утомленной,
Которая, бѣду хозяина дѣля,
Во слѣдъ изгнаннику прыгнула съ корабля.

„Есть дни отрадные, порой, для угнетенныхъ,
Привѣтствую я васъ, дѣтей благословенныхъ!“
Отвѣтствуетъ слѣпой: „блаженна ваша мать!
Прійдите, дайте мнѣ руками васъ признать.
Я будто вижу васъ: прекрасны вы всѣ трое.
Растите въ радость намъ, о, племя молодое!
Своими благами Зевесъ васъ одарилъ;
Растите счастливо, въ избыткѣ юныхъ силъ;
Какъ пальма оная, воспитанница неба,
Которую я зрѣлъ среди святыни Феба
Тогда, какъ по морскимъ пронесся я волнамъ,
И въ Делосѣ вступилъ въ его великій храмъ.
Вамъ будетъ благодать и счастіе въ награду
За то, что нищему приносите отраду.
Мать ваша, отроки, родилася едва,
Когда уже моя сѣдѣла голова.
Ты, старшій, подойди, защитой будь моею,
Будь мнѣ опорою, когда я ослабѣю.

Тебѣ ввѣряется покинутый слѣпецъ.
Сядь около меня".

— Скажи ты намъ, отецъ,
Какая надъ тобой судьба свершилась злая?
Когда и какъ достигъ до нашего ты края,
Кругомъ объятаго сердитою войной?

„Кимейскіе купцы везли меня съ собой.
Я плылъ изъ Каріи, хотѣлъ извѣдать снова,
Не смолкъ ли гнѣвъ боговъ, и не найдется ль крова.
Подъ небомъ Греціи для стараго пѣвца.
Мы все надѣемся до самаго конца...
Но я платить не могъ—злодѣи знали это,
И бросили меня они на берегъ гдѣ то".

— Но щедрой платою была бы пѣснь твоя,
Старикъ...

„Увы! дитя, гласъ звучный соловья
Не тронетъ ястреба, упившагося кровью,
И не одарены священною любовью
Къ искусствамъ сладостнымъ тупые богачи.
Одинъ вдоль шумныхъ волнъ я шелъ, въ своей ночи,
Не вѣдая куда, несчастный сынъ изгнанья;
Я шелъ, и слушалъ стадъ далекія мычанья.
Потомъ я лиру взялъ, и струнъ напѣвъ живой
Еще проснулся разъ подъ дряхлою рукой.

Зевеса я хотѣлъ склонить своей мольбою,
Какъ псы ужасные напали стаей злою
Здѣсь на меня, и я-бъ погибъ отъ всѣхъ вдали,
Когда-бъ на помощь мнѣ вы, дѣти, не пришли".

— Отецъ нашъ! стало-быть, все хуже нынѣ въ мірѣ?
Въ былыя времена, покорны дивной лирѣ,
Смирялись, говорятъ, въ безлюдіи лѣсномъ
Львы кровожадные предъ сладостнымъ пѣвцомъ.

„Я около кормы сидѣлъ. „Слѣпой бродяга!"
Сказала варваровъ безстыдная ватага:
„Пой, ежели твой умъ твоихъ яснѣе глазъ;
Восхвалишь ты боговъ за то, что тѣшилъ насъ".
Взялъ верхъ я надъ собой, умолкнуть ропотъ духа
Заставилъ; голосъ мой ихъ не коснулся слуха,
Не выпустилъ изъ устъ я пламенныхъ рѣчей,
И бога гнѣвнаго сдержалъ въ груди своей...
Они не тронулись рапсода злой судьбиной,
Ругалися они надъ дивной Мнемозиной!
Погибни-жъ имя ихъ, и будь же ихъ страна
Забвенью темному навѣкъ обречена!"

— Пойдемъ, будь гостемъ намъ; недалеко до града.
Принять любимцевъ музъ отчизна наша рада.
Мы мѣсто первое въ пирахъ дадимъ тебѣ,
Гдѣ лира ждетъ пѣвца на мраморномъ столбѣ.

И яства рѣдкія, и сладкій медъ, и вины
Изгладятъ въ памяти слѣды былой кручины.
И если новыхъ ты обрадовать друзей
Захочешь пѣснію восторженной твоей,
Наградой дорогой намъ будетъ пѣсня эта
И возвеличимъ мы питомца Музагста.

„Идемъ; вамъ ввѣриться хочу я. Но со мной
Куда спѣшите вы? дорогою какой?
Куда привелъ Зевесъ несчастнаго слѣпого?“

—Судьба дала пріютъ отеческаго крова
Намъ въ мирномъ Сикосѣ.—

„Привѣтъ тебѣ, вдвойнѣ
Гостепріимный край! Знакомъ твой берегъ мнѣ:
Я помню, какъ богатъ дарами онъ природы;
Отцовъ я вашихъ зналъ, друзья, въ былые годы;
Они росли какъ вы; тогда еще мой взоръ
Зрѣлъ солнце свѣтлое и голубой просторъ.
Я молодъ былъ и смѣлъ, любилъ пиры и бои,
Вездѣ являлся я, гдѣ тѣшились герои.
Я видѣлъ Аргосъ, Критъ, Коринѳъ и роскошь Ѳивъ,
Рѣки Эгиптоса неслыханный разливъ;
Но море и земля, и лютыя печали,
И годы тяжкіе бездомца истерзали.
Остался голосъ мнѣ. Такъ послѣ бури злой,
Цикада бѣдная поетъ въ глуши лѣсной.

Начнемъ воззваніемъ къ богамъ: Зевесъ владыка,
И ты, живымъ лучемъ сіяющаго лика
Всепроникающій, могучій Геліосъ,
Ты, Океанъ сѣдой, отецъ свирѣпыхъ грозъ,
Нѣмыя божества медлительнаго мщенья,
Хвала!—Прійдите вы, богини пѣснопѣнья:
Все вѣдаете вы, и жителямъ земнымъ
Лишь вѣдать можно то, что вы открыли имъ."

Онъ пѣлъ, и, словеса рапсода понимая,
Склонялася къ нему дубравы сѣнь густая
И мѣрному стиху шептала тихо въ ладъ,
И путники съ дорогъ, и пастухи отъ стадъ
Стекались. Слышитъ онъ уже толпы ихъ тѣсной
Кругъ возрастающій; и рѣчію чудесной
Плѣнясь, внимали всѣ, дыханье притая,
Какъ въ гимнѣ онъ слагалъ начала бытія,
Огнь, влагу и эѳиръ, земли святое лоно,
И токъ могучихъ рѣкъ изъ персей Кроніона,
Законы, ими же смятенье улеглось,
И властью Эроса устроенный хаосъ.
Онъ пѣлъ семью людей, старинные уряды
Искусства мирныя и дружескіе грады.
Пѣлъ Олимпійца онъ, съ обители своей
Колеблющаго міръ движеніемъ бровей;
Боговъ, разрозненныхъ могучею враждою,
И бой, и пыли мглу, и кровью неземною

Облитыя поля, и витязей во бронѣ,
Блестящихъ, какъ пожаръ на горной вышинѣ,
Коней, несущихся на мѣстѣ бранной встрѣчи
И голосомъ людскимъ взывающихъ средь сѣчи...
Потомъ, смѣняя ладъ сладкорѣчивыхъ словъ,
Изображалъ онъ бытъ спокойный городовъ,
Но послѣ ратный гулъ вкругъ мирной ихъ ограды,
И лютую рѣзню, и грозныя осады,
И оскверненную святыни тишину,
И овдовѣвшихъ женъ, и дочерей въ плѣну;
Потомъ и злато нивъ, веселыя картины,
Стадами пестрыми покрытыя долины,
И быстрый блескъ серповъ, и дальній стукъ сѣкиръ,
И пѣсенъ громкій хоръ, и звуки флейтъ и лиръ.
Потомъ онъ бури слалъ на царство Посидона;
Въ пещеру свѣжую, на днѣ морского лона,
Скликалъ со всѣхъ сторонъ, подъ вѣковой гранитъ,
Онъ племя легкое проворныхъ Нереидъ:
Неслися, рѣзвыя, онѣ въ шумливомъ роѣ,
Ахейскія суда сопровождая къ Троѣ.
И Стикса отверзалъ онъ берегъ роковой,
И къ тихой Летѣ велъ отжившихъ длинный строй,
Страдальцевъ, тягостно свершившихъ путь къ могилѣ,
Кичливыхъ юношей, сраженныхъ въ буйной силѣ,
Младенцевъ, навсегда заснувшихъ съ первыхъ дней,
Дѣвъ, взятыхъ смертію у брачныхъ алтарей.
Но, въ радости нѣмой внимая звукамъ дивнымъ,

Какимъ очнулися вы трепетомъ отзывнымъ,
Лѣса, ручьи, скалы, когда изрекъ пѣвецъ
Какъ въ Лемносѣ ковалъ божественный кузнецъ
Ту сѣть, арахниныхъ работъ прозрачнѣй съ виду,
И сталью чудною окутывалъ Киприду!
Когда, въ другой опять перенесясь предѣлъ,
Въ гранитъ внезапный онъ мать ѳивскую одѣлъ;
Когда пересказалъ онъ жалобные стоны,
И горестный удѣлъ несчастной Аэдоны,
Грустящей средь ночей унылымъ соловьемъ
О преступленіи нечаянномъ своемъ.
Потомъ онъ лилъ бойцамъ съ виномъ непенѳъ цѣ-
лѣбный,
Готовилъ лотоса напитокъ имъ волшебный,
И забывалъ боецъ тогда, въ чужомъ краю,
И стараго отца, и родину свою.
Онъ въ ужасъ приводилъ и Оссу и Пенея
Кровавой свадьбою могучаго Тезея,
Въ ту ночь, когда на пиръ къ нему приглашены,
Сошлися облака косматые сыны,
И пѣнилось вино, и побѣдитель Крита
Супругу выхватилъ изъ пьяныхъ рукъ Эврита.
Вскочилъ и бросился грозящій Пириѳой:
„Измѣнникъ! смерть тебѣ!“ Но уже Дрій младой
Кентавра поразить успѣлъ желѣзнымъ древомъ,
Опорой факеловъ, и бьется съ дикимъ ревомъ
Сердитый полузвѣрь, валяяся въ пыли;

Вино разбитыхъ чашъ струится по земли;
Повсюду клики, брань, шумъ; опрокинутъ Нессомъ
Столъ тяжкій катится, гранитнымъ давитъ вѣсомъ
Пирующихъ; во прахъ упалъ Эваргъ, Кимелъ,
Сверкала сталь мечей - и страшный бой вскипѣлъ.
Ретивый Пириѳой разитъ и Макарея,
И бѣлоногаго Киллара и Петрея.
Готовя бѣдственный противникамъ отпоръ,
Скалу тяжелую могучій Біоноръ,
Согнувшись, приподнялъ и держитъ надъ собою;
Но, брошенный въ него алкидовой рукою,
Огромнѣйшій сосудъ летитъ: раздроблена
Глава гигантская ударомъ чугуна.
Всесильной палицы побѣды быстры: Кланій
Рифей, пестрѣющій оттѣнками сіяній
Родимыхъ облаковъ, низвергнуты; сраженъ
Чудовищный Гелотъ, Ликосъ, Демолеонъ.
Кольчугу Нестора бьетъ въ натискѣ сердитомъ
Свирѣпый Эвриномъ неистовымъ копытомъ...
Но, битвы алчущій и местію горя,
Эгея грозный сынъ несется; съ алтаря
Обломокъ онъ схватилъ пылающаго лавра,
Проворнымъ всадникомъ на злобнаго Кентавра
Прыгнулъ, занесъ надъ нимъ губительную длань,
И огонь и смерть ему вонзаетъ онъ въ гортань...
Обрушился алтарь, бойцы стремятся рьяны,
Сплелись, и далеко несется въ храмъ поляны

Руганье, крикъ и трескъ, гулъ схватки роковой,
И топотъ яростный, и женщинъ дикій вой.

Такъ дивный старецъ велъ къ видѣньямъ отъ видѣній,
Раскидывая ткань небесныхъ пѣснопѣній.
Дивились отроки и не сводили глазъ
Съ него, и слушали божественный разсказъ;
И сыпались слова, торжественны и святы,
Изъ вѣщихъ устъ, какъ снѣгъ на горъ крутые скаты.
И, вкругъ избранника сходясь со всѣхъ сторонъ,
Толпы мужей и дѣвъ, и юношей и женъ,
И старцевъ и дѣтей съ зелеными вѣнками
Въ рукахъ, твердили, всѣ: „Прійди, прійди жить съ нами,
Благословенный гость, безсмертный другъ боговъ!
И будемъ праздновать до позднихъ мы вѣковъ
Торжественностью игръ и радостнаго пира
Тотъ день, гдѣ встрѣтили великаго Омира!“

1855.

А. ШАМИССО.

I.

SALAS У GOMEZ.

Diro, come colui che piange e dice.

Dante. Inferno.

Прологъ.

Разсказъ есть объ одномъ несчастномъ;
Передо мной, какъ грустный сонъ,
Тому давно, въ сіяньи ясномъ
Моей зари, пронесся онъ.

Но солнце яркое всходило,
Виднѣлся дивный мнѣ предѣлъ,
И въ блескѣ пышнаго свѣтила
Зловѣщій призракъ поблѣднѣлъ.

Разъ—это было въ часъ угрозы,
Въ часъ непогоды роковой,
Опять увидѣла сквозь слезы
Я этотъ образъ предъ собой;

Но было, въ этотъ срокъ тяжелый,
Мнѣ, побѣждающей недугъ
И бравшей верхъ надъ думъ крамолой,
Имъ заниматься недосугъ.

Подъ тихимъ сумрака покровомъ
Теперь, когда мой гаснетъ день,
Стоитъ тотъ ликъ, въ вѣнцѣ терновомъ,
Какъ будто мнѣ родная тѣнь.

Казненнаго судьбой когда-то
Мнѣ помянуть пришла пора,
Какъ поминаетъ грустно брата
Обрядомъ набожнымъ сестра.

Salas y Gomez, тихимъ океаномъ
Облитый, высится, утесъ пустой,
Средь водъ безбрежныхъ сумрачнымъ курганомъ,

Ни мохомъ не покрытый, ни травой,
Рифъ раскаленный жгучими лучами,
Гдѣ птицъ морскихъ гнѣздится шумный рой.

Такъ онъ,поднявшись темный надъ волнами,
Сталъ намъ вдали виднѣться съ корабля,
Когда послышался нежданный нами

Вдругъ съ мачты крикъ на Рюрикѣ: земля!
Мы поровнялись съ мрачною скалою;
Тогда двѣ шлюпки снарядить веля,

Отправилъ нѣсколько людей со мною
Въ нихъ капитанъ къ тѣмъ дикимъ берегамъ,
Въ надеждѣ свѣжей запастись водою.

Какое *горестное* тамъ
Открытіе мнѣ душу взволновало,
Простыми я словами передамъ.

Мы поплыли, противясь буйству вала,
И мимо рифовъ въ бухту повернуть
Старанія намъ стоило не мало.

На берегъ вышли мы, и въ розный путь
Разсыпалась ватага удалая;
Я сталъ всходить на каменную круть.

Толпилась птицъ безчисленная стая,
Которой неизвѣстенъ былъ испугъ,
У ногъ моихъ, едва проходъ давая.

И съ высоты взоръ бросилъ я вокругъ
На голыя ущелія, и снова
Его склонилъ, — и содрогнулся вдругъ.—

Видна, среди безлюдія нѣмого,
Тутъ мысли человѣческой печать;
На этомъ камнѣ буквы—два, три слова

Полуистертыя,—нельзя читать;—
И врѣзаны кресты здѣсь,—десять съ ряду,
Вотъ рядъ такой же:—вырыто ихъ пять.—

Вотъ слѣдъ шаговъ... тамъ показались взгляду
Наваленныя скорлупы яицъ:
Туда, взбираяся на скалъ громаду,

За пищей приходилъ онъ къ гнѣздамъ птицъ.
Кто гость глуши? Свершилася какая
Здѣсь быль, невѣроятнѣй небылицъ?

Я шелъ впередъ, окрестность озирая:
Все пусто, видно все издалека
И такъ дошелъ я до утеса края,

Гдѣ снова путь спускается слегка;
И вдругъ на аспидномъ сланцѣ тѣснины,
Простертаго увидѣлъ старика.

Лѣтъ до ста:—весь нагой, во снѣ кончины,
Казалося, лежалъ онъ, бородой
И волосомъ до тѣла половины

Облитый, какъ серебряной струей;
На камни, раскаленныя отъ зноя,
Тяжелой опираясь головой.

Недвижимостью смертнаго покоя
Сіялъ, какъ будто, этотъ блѣдный ликъ.
Стоялъ, остолбенѣвъ предъ нимъ давно я,

Когда раздался, наконецъ, мой кликъ,
И съ высоты стремнины до залива
Къ блуждающимъ товарищамъ проникъ.—

На громкій зовъ они ко мнѣ шумливо
Сбѣжались,—и замолкли, какъ и я,
Смотря на это горестное диво.

И вздрогнулъ онъ.—Дыханье притая,
Мы ждали.—Тихо приподнялъ онъ руки,
Отъ тяжкаго очнулся забытья,

Взглянулъ, и трепетомъ внезапной муки
Исполнилось лицо; вперяетъ въ насъ
Глаза онъ,—хочетъ вымолвить,—но звуки

Затихли—грудь вздохнула—взоръ погасъ.
Нашъ врачъ промолвилъ:—Умеръ.—Мы стояли,
Молитвою безгласною молясь.

Тутъ аспидныя три плиты лежали,
Всѣ раковинъ прибрежныхъ остріемъ
Исписанныя, грустныя скрижали.

Всмотрѣлся я: испанскимъ языкомъ
Разсказывалъ жилецъ пустыни дикой
О бѣдствіи неслыханномъ своемъ.

Предъ этой скорбною судьбѣ уликой
Въ глубокой думѣ долго я стоялъ,
И грудь наполнилась тоской великой.

И выстрѣла вдругъ прогремѣлъ сигналъ,
Вернуться принося намъ повелѣнье.
Остался онъ на мѣстѣ, гдѣ лежалъ.

Скала, гдѣ кончилось его мученье,—
И тихій одръ и памятникъ ему.
Покой тебѣ, кому здѣсь Провидѣнье

Ужасную назначило тюрьму.
Твой часъ пришелъ, теперь ты на свободѣ,
Измученный! миръ духу твоему!

Свой легкій прахъ ты отдаешь природѣ.
Надъ плотью безмогильною стоя
Небесный крестъ блеститъ въ эфирномъ сводѣ;
А что терпѣлъ ты, скажетъ пѣснь моя.

Первая плита.

Душой владѣла радость и отвага.
Казалъ мнѣ впереди мечты разгаръ
Земныя всѣ сокровища и блага.

Индѣйскихъ тканей блескъ, алмазовъ жаръ,
Что любо женскому бываетъ взгляду,
Изъ дальнихъ странъ ей приносилъ я въ даръ,

Отцу изнеможенному въ награду
За жизнь труда и жертвъ собрать умѣлъ
Я золото, лѣтъ старческихъ отраду.

И самъ я утолилъ алканье дѣлъ,
Потѣшилъ взрывы буйства молодого,
Окрѣпнулъ духомъ и умомъ созрѣлъ;

Прошелъ черезъ широкій міръ, и снова,
Отрекшись отъ причудливыхъ страстей,
Вступилъ подъ сѣнь отеческаго крова.

И въ вѣчномъ и святомъ союзѣ съ ней,
Тревогъ не зная, не страшась напасти,
Встрѣчалъ я рядъ благословенныхъ дней.

Такъ предавался думъ блажной я власти
На палубѣ простершись въ часъ ночной,
И глядя на мерцанье звѣздъ сквозь снасти.

Попутный вѣтръ прохладною струей
Въ лицо мнѣ вѣялъ, и волна сѣдая
Бѣжала мимо.—Вдругъ ударъ... другой...

Корабль потрясся съ края и до края,—
Крикъ ужаса раздался—теса трескъ—
И хлынулъ валъ, погибель довершая.

Я помню вкругъ себя пучины плескъ;
Упорно бился битвой безполезной
Я съ буйствомъ волнъ, и звѣздъ я видѣлъ блескъ.

И, наконецъ, былъ поглощенъ я бездной,—
И разъ еще, слабѣющій, я всплылъ.
И разъ еще взглянулъ я къ выси звѣздной.

И болѣе моихъ не стало силъ,
Предался я неистовству стремленья;—
И мнѣ затмился лучъ ночныхъ свѣтилъ.—

И вотъ сдалось, что скованъ, безъ движенья
Я пагубнымъ, тяжелымъ забытьемъ,
И что я жду напрасно пробужденья;

Что надо взять мнѣ верхъ надъ мертвымъ сномъ.
И все лежалъ въ безсильи я глубокомъ;
И помнилось, какъ бы въ бреду тупомъ,

Мнѣ про борьбу свою съ свирѣпымъ токомъ;
И, наконецъ, вновь овладѣвъ собой,
На камнѣ я нагомъ и одинокомъ

Очнулся, одинокій и нагой.
Взлѣзъ на скалу, взглянулъ я — съ моремъ слитый
Сіялъ кругомъ сводъ неба голубой.

Лишь тамъ, гдѣ хлещетъ волнъ разливъ сердитый
На рифы, въ нескончаемой войнѣ,
Какъ черное пятно, полуразбитый

Стоялъ корабль, недостижимый мнѣ.
И годы онъ еще въ пустынномъ морѣ
Чернѣлъ, пока не рушился вполнѣ.

И я подумалъ: здѣсь въ своемъ мнѣ горѣ
Не долго смерти спутниковъ моихъ
Завидовать; и для меня же вскорѣ

Все кончится, какъ кончилось для нихъ.
—Нѣтъ, смерть нейдетъ съ спасительнымъ привѣтомъ.
Довольно птичьихъ мнѣ яицъ однихъ,

Чтобъ жизнь продлить; и, позабытый свѣтомъ,
Пишу я нынѣ, послѣ долгихъ лѣтъ,
Безвѣстный мученикъ, на камнѣ этомъ:

Мнѣ умереть еще надежды нѣтъ.

Вторая плита.

Сидѣлъ, восхода солнца ожидая,
Я на скалѣ: лежала темнота
Еще кругомъ; спускаясь, неба края

Казалося созвѣздіе креста.
У берега лишь пѣнистаго вала
Свѣтлѣлъ приливъ, какъ яркая черта;

Дня близкаго привѣтствуя начало,
Птицъ, какъ во снѣ, взносились голоса;
Широкой тьмы рѣдѣло покрывало;

Отъ моря отдѣлились небеса.
Казался день мнѣ прекращеньемъ плѣна.
И поднялась разсвѣта полоса

На горизонтъ; волны блѣднѣла пѣна,
Блескъ звѣздъ погасъ, и синева свѣтло
Раскинулась. Упалъ я на колѣна,

И на скалу я преклонилъ чело.
Зардѣлъ востокъ огнистою струею,
И солнце вдругъ сверкнуло и взошло.

Я поднялъ взоръ съ усердною мольбою,—
Корабль! корабль!.. Нѣтъ, это не во снѣ;—
На всемъ ходу, мелькая надъ волною,

Несется онъ,—несется онъ ко мнѣ!—
Есть Судія! есть мукамъ исцѣленье:
Я оживу,—я не погибъ вполнѣ!—

О, Богъ любви! услышалъ ты моленье!
Ты не забылъ меня въ моей глуши;
Послалъ ты казнь,—послалъ ты и спасенье!

Корабль несется;—донесись!.. спѣши!..
Чтобъ крѣпко могъ людей обнять я снова.
Ихъ могъ любить всей силою души.

И глядя, съ высоты хребта крутого,
Я поблѣднѣлъ; стѣснилась грудь моя.—
За чѣмъ дойти до камня имъ пустого,

Чего имъ здѣсь искать, гдѣ нѣтъ жилья?
И росъ корабль, и съ нимъ невыносимо
Моя боязнь росла—спасенъ ли я?

Увидятъ ли? Не пронесутся ль мимо?..
Нѣтъ ничего, чѣмъ знакъ дать: ни платка,
Ни вѣтки зеленѣющей, ни дыма;

Лишь голая простертая рука.
И уменьшалась даль межъ имъ и мною
И вотъ—звукъ капитанскаго свистка!

Грудь вздрогнула всей жизнію былою,—
Такъ какъ же словъ людскихъ я встрѣчу звукъ
И имъ упьюсь трепещущей душою?

Вотъ—видятъ!.. повернуть хотятъ.—На югъ?
Какъ!—здѣсь корабль ударился-бъ объ мели,—
Онъ обогнетъ утесовъ полукругъ.

Теперь... Всемилосердный Богъ!.. Ужели?
Не можетъ быть... нѣтъ!—онъ повернетъ:—
Нельзя, чтобы они не разглядѣли...

И продолжалъ корабль свой плавный ходъ;
И возрастала даль межъ имъ и мною.—
Смотрѣлъ я:—и когда, несясь впередъ,

Съ небесною слился онъ синевою.
И въ ней исчезъ, оставивши меня
Обманутымъ, осмѣяннымъ судьбою;

Тогда, бросаясь на плиты кремня,
Я проклялъ и себя, и Провидѣнье;
И пролежалъ три ночи и три дня,

Терзая грудь, и съ ревомъ иступленья.
Главою ударяясь объ утесъ,
Какъ бѣшеная тварь;—лишь въ третій день я,

Измучась, могъ залиться токомъ слезъ;
Свирѣпое безумство присмирѣло,
И все снеся, я голода не снесъ,

И поднялся, чтобы насытить тѣло.

Послѣдняя плита.

Терпѣніе!—съ востока солнце встало,
На западѣ склонилось къ безднѣ водъ,
Кончая день, чтобъ день вести съ начала.

Терпѣніе!—на югъ свершая ходъ,
Оно горитъ вновь прямо надо мною;
Годъ кончился;—другой начнется годъ.

Терпѣніе! года идутъ чредою,
Но каждому рыть крестъ я пересталъ,
Ихъ пятьдесятъ отмѣтивъ надъ скалою.

Терпѣніе! жди молча, какъ ты ждалъ;
И взоръ держи у горизонта края,
И слушай, какъ объ берегъ бьется валъ.

Терпѣніе! другъ друга пусть смѣняя,
Идетъ хоръ звѣздъ, и солнце, и луна,—
Терпѣнію учись, глава сѣдая!—

Борьба стихій для мысли не страшна,
Любуется душа ихъ грозной схваткой;
Но страшенъ сонъ;—страшнѣе ночь безъ сна,

Когда, средь тьмы, изъ головы украдкой
Ватага грезъ и своенравныхъ думъ
Выходитъ вонъ, и злобною повадкой

Тревожитъ взоръ, и потрясаетъ умъ.
Что ты стоишь передо мной такъ смѣло,
И смотришь вдаль и шепчешь на обумъ?—

Я зналъ тебя, дитя! во мнѣ кипѣла
Заносчивость твоей блажной груди,
Что ты твердишь про доблестное дѣло,

Про долгъ, про счастье, про любовь? Гляди:
Вотъ ты къ чему спѣшилъ въ своей гордынѣ;
Гляди на то, что было впереди.

И ты идешь,—прекрасная и нынѣ,
Какъ въ тѣ давно прошедшія лѣта;—
Не говори въ нѣмой моей пустынѣ

Мнѣ о быломъ.—Ты лживая мечта,
Вѣдь, надъ тобой, въ отечествѣ далекомъ,
Лежитъ теперь надгробная плита.

Все рушилось;—все времени потокомъ
Унесено, что зналъ я и любилъ;
Лишь я въ глуши, на камнѣ одинокомъ,

Снесъ бремя лѣтъ, и вѣкъ свой пережилъ.
Чего жъ искать! куда нестись душою?—
Мнѣ на землѣ знакомъ лишь прахъ могилъ.—

Молчите, сны!—Востокъ блеснулъ зарею,
Сіяетъ день, и солнце гонитъ васъ;—
Я вновь одинъ, и властенъ надъ собою;

Крамола думъ безумныхъ унялась.—
Пусть донесутъ слабѣющія ноги
Туда, до гнѣздъ, меня и этотъ разъ;

Ужъ скоро имъ вседневной ихъ дороги
Не совершать: быть можетъ, срокъ насталъ.
Моей души послѣднія тревоги

Утихнутъ здѣсь, въ затворѣ этихъ скалъ:
Здѣсь, гдѣ меня смиряло Провидѣнье,
Здѣсь я умру, гдѣ жилъ я и страдалъ.—

Ты, Господи, далъ силу и терпѣнье,
Довелъ къ концу тяжелаго пути,—
Оставь же мнѣ мое уединенье,

Ко мнѣ теперь людей не допусти!—
Услышь меня!—Душѣ Ты утомленной
Не дай еще скорбь новую нести;

Пусть здѣсь одинъ, въ глуши моей забвенной,
Съ мольбой къ Тебѣ свой положу я прахъ.
Надъ сиротой, покинутымъ вселенной,

Твой звѣздный крестъ зажжется въ небесахъ.—

Петербургъ. 1855. Ноябрь.

ПРИМѢЧАНІЯ РЕДАКТОРА.

ПРИМѢЧАНІЯ РЕДАКТОРА *).

1838 г.

I. *Е. Милькѣеву.* „Отеч. Зап.“ 1839 г., т. III. № 5; изд. 63 г. Въ Отеч. Зап. заглавіе: „Неизвѣстному поэту“; въ изд. 63 г. въ заглавіи только иниціалы: „Е. М.“—Поэтъ самоучка, Е. Милькѣевъ род. ок. 1815 г., ум. въ 1840 г. Стихи его, за подписью М—въ или Эм—въ, печатались въ „Современникѣ“ Плетнева. Въ Москвитянинѣ 1842 г. часть V, напечатано стих. Е. Милькѣева „К. К. Павловой.“ Въ нѣкоторыхъ литературныхъ кругахъ на Милькѣева возла-

*) Въ Примѣчаніяхъ указаны изданія, въ которыхъ стихотворенія К. Павловой были напечатаны при ея жизни или (послѣ ея смерти)—въ первый разъ. Нами значительно пополнены данныя „Библіографическаго Словаря Русскихъ Писательницъ“ (Кн. Н. Н. Голицынъ. СПБ. 1889), но мы не сомнѣваемся, что и въ нашей работѣ остается рядъ пробѣловъ. Весьма вѣроятно, что нѣкоторыя стихотворенія, извѣстныя намъ лишь по изданію 1863 г., были раньше напечатаны въ различныхъ журналахъ.—Кромѣ указаній библіографическихъ, нами даны и необходимѣйшія объясненія, какъ собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ стихахъ К. Павловой, такъ и намековъ на событія ея времени.

гали большія надежды. См. дальше подъ 1855 г., стихотвор. „Памяти Е. Милькѣева". (стр. 129).

1839 г.

I. *Да иль нѣтъ.* Изд. 63 г..

II. *Шопотъ грустный, говоръ тайный.* „Отеч. Зап.", 1839 г., т. VII, № 12; изд. 63 г.

III. *Сонетъ.* (Не дай ты потускнѣть душѣ зеркально-чистой). „Отеч. Зап." 1839 г., т. VI, № 10.

IV. *Есть любимцы вдохновеній.* Изд. 63 г.

V. *Да, много было насъ младенческихъ подругъ.* „Отеч. Зап." 1840 г., т. VIII, № 2; изд. 63 г.

VI. *Поэтъ.* (Онъ вселенной гость, ему всюду пиръ). „Одесскій Альм." на 1840 г.; изд. 63 г.

1840 г.

I. *Дочь Жида.* „Москвитянинъ", 1841 г., № 11; изд. 63 г. Въ „Москвитянинѣ послѣдній стихъ читается: „Потушу моимъ огнемъ".

II. *Монахъ.* Изд. 63 г.

III. *Мотылекъ.* Изд. 63 г.

IV. *Пѣсня.* (Небо блещетъ бирюзою). „Москвитянинъ", 1841 г. № 5, съ заглавіемъ „Весна"; изд. 63 г. Въ изд. 63 г. въ текстѣ—безъ заглавія; въ оглавленіи заглавіе—„Пѣсня".

V. *Старуха.* „Москвитянинъ“ 1841 г., № 12, съ заглавіемъ „Баллада“, и „Отеч. Зап.“ 1855. т. CII, сент., съ заглавіемъ „Старуха“; изд. 63 г.

VI. *Нѣтъ, не имъ твой даръ священный.* „Отеч. Зап.“ 1840 г., № 3, т. IX.

VII. *Н. М. Языкову. Отвѣтъ.* (Невѣроятный и нежданный) „Москвитянинъ“ 1841 г., № 2, гдѣ и дата; изд. 63 г. безъ даты. Стихи написаны *въ отвѣтъ* на посланіе Н. М. Языкова: „Забыли вы меня, я самъ же виноватъ....“ (1840 г.) Стихамъ: „Шлю изъ Сокольниковъ я въ Ниццу—Дань благодарности моей...“ соотвѣтствуютъ въ посланіи Языкова стихи: „Вотъ Ницца, вотъ, гдѣ я! Вотъ городъ и заливъ...“ и т. д.

VIII. *Дума.* (Грустно вѣтеръ воетъ) „Москвитянинъ“ 1841 г., № 8; изд. 63 г.

IX. *10-го ноября 1840.* Изд. 63 г. Стихи обращены къ Мицкевичу. Объ отношеніяхъ къ которому К. Павловой см. „Матеріалы для біографіи“ страница XII—XVII.

1841 г.

I. *Графинѣ Е. П. Растопчиной.* (Мы—современницы, графиня). „Татевскій Сборникъ“ 1899 г. „Въ области стихотворства,—пишетъ въ немъ С. А. Рачинскій,—у К. К. Павловой была блестящая соперница—гр. Е. П. Растопчина. Между этими дамами

не было личныхъ сношеній, вмѣсто визитовъ онѣ обмѣнивались эпиграммами."

II. *Огонь.* Изд. 63 г., въ текстѣ безъ заглавія, въ оглавленіи заглавіе—„Огонь."

III. *Графинѣ Е. П. Растопчиной.* (Какъ сердцу вашему внушили). Изд. 63 г., съ заглавіемъ „Графинѣ Р."

IV. *Рудокопъ.* „Москвит." 1842, № 2; изд. 63. Идея поэмы заимствована изъ разсказа А. Гофмана въ его „Серафическихъ братьяхъ."

1842 г.

I. *Н. М. Языкову. Отвѣтъ на отвѣтъ.* (Привѣтствована вновь поэтомъ). „Литературный Вечеръ" 1844 г., „Московскій Сборникъ" 1847 г., ч. II, гдѣ дата—іюль, 42 г.; изд 63 г. У Н. М. Языкова есть восемь посланій къ К. К. Павловой. Первое, о которомъ она упоминаетъ, говоря, что была „привѣтствована поэтомъ въ своей веснѣ", помѣчено 1829 г. Объ отношеніяхъ Н. М. Языкова и К. К. Павловой см. „Матеріалы для біографіи", стр. XIX—XX.

II. *Читала часто, съ грустью дѣтской.* „Московскій Городской Листокъ" 1847 г., № 41: изд. 63 г.

III. *Была ты съ нами неразлучна.* „Современникъ" 1843 г., ч. 29; изд. 63 г.

IV. *Къ тебѣ теперь я думу обращаю.* Изд. 63 г. Стихи обращены къ Мицкевичу. См. „Матеріалы для біографіи", стр. XII—XVIII.

V. *Е. А. Баратынскому.* (Случилося, что въ край далекій). Изд. 63 г.

VI. *Донна Инезилья.* „Москвитянинъ“ 1843 г, № 2; изд. 63 г.

VII. *Разсказъ.* (Чрезъ садъ пустой....) Изд. 63 г.

1843 г.

I. *Дума.* (Вчера листы изорваннаго тома). „Москвитянинъ“ 1843 г., № 9; изд. 63 г. Въ „Москвитянинѣ“ заглавіе „Воспоминаніе“ и варіанты стиховъ 15—16:

„Всѣ бросимъ мы, увы, какъ даръ ничтожный,
Что мы, какъ кладъ, въ свою влагаемъ грудь.“

и стиха 22:

„Иду впередъ, гляжу спокойно вдаль;“

Въ изд. 63 г. заглавіе „Дума“ и текстъ, какъ въ нашемъ изданіи.

II. *Дума.* (Когда въ раздоръ съ самимъ собою). „Московскій Сборникъ“ 1846 г., безъ заглавія; изд. 63 г. съ заглавіемъ: „Дума“.

1844 г.

I. *Москва.* „Раутъ“ 1854 г.; изд. 63 г.

II. *Н. М. Языкову.* (Средь празднаго людскаго шума).

„Московское Обозрѣніе“ 1847 г.; изд. 63 г. съ заглавіемъ „Н. М. Я—ву“. Слова „Меня стихомъ дарили стройнымъ—И ложкою колесовой“ намекаютъ на подарокъ, присланный Н. М. Языковымъ К. К. Павловой изъ Троице-Сергіевской лавры: ложку на колесцахъ; при этомъ Языковъ писалъ:

Въ день чудотворца Николая,—
Сей день святѣе мнѣ всего!
Будь ложка вамъ колесовая
Символомъ сердца моего:
Ей управляйте, какъ хотите!
Играйте ею, въ добрый часъ!
А, какъ наскучитъ, лишь толкните—
И убѣжитъ она отъ васъ.

III. *Дума.* (Не разъ себя я вопрошаю строго). Изд. 63 г.

IV. *Дума.* (Сходилась я и расходилась). „Раутъ“ 1854 г., гдѣ дано заглавіе: „Laterna Magica“ (см. далѣе) 1850 г.; „Отеч. Зап.“ 1855 г., т. CI, авг.; изд. 63 г.

1845 г.

I. *Къ С.* (Въ толпѣ взыскательно-холодной). „Московскій Городской Листокъ“, № 1, съ заглавіемъ „Къ С. ***“; 63 г., съ заглавіемъ: „Къ ***“.

II. *Три души.* Изд. 63 г.

1846 г.

I. *Думы*. (Зоветъ насъ жизнь: идемъ мужаясь всѣ мы). „Сѣверные цвѣты на 1901 г.“, по рукописи-автографу (четыре строфы воспроизведены и приложены къ нашему изданію). Заглавіе, какъ видно, зачеркнуто чернилами, а первая строфа перечеркнута карандашемъ Намеки въ первыхъ строфахъ мы объяснить не умѣемъ (строфа V явно говоритъ о женѣ декабриста, скончавшейся до 1846 г.). Въ строфѣ XIII поминаются Пушкинъ и Лермонтовъ; въ строфѣ XIV—Баратынскій; въ строфахъ XV—XVI Мицкевичъ.

II. *И. С. Аксакову*. (Въ часы раздумья и сомнѣнья). „Московскій Сборникъ“ 1847 г., безъ заглавія; „Сборникъ лучшихъ произведеній“, изд. Н. Щербины. СПБ. 1858 г., безъ заглавія; изд. 63 г., съ заглавіемъ И. С. Ак....ву.

III. *Прочтя стихотворенія молодой женщины*. Изд. 63 г.

IV. *Н. М. Языкову*. (Нѣтъ! не могла я дать отвѣта). „Московскій сборникъ“, 1848 г. См. „Матеріалы для біографіи“, стр. XX. Слова: „Вложивъ *руганья* ей въ уста“ объясняются выраженіями Языкова въ его посланіи „Къ не нашимъ“: „Вы влюблены въ свои предательскія мнѣнія и *святотатственные сны*“, „Замретъ проклятый (позднѣйшій варіантъ: невѣрный) вашъ языкъ“ и т. д.

1847 г.

I. *Сфинксъ.* Изд. 63 г.

1848 г.

I. *Среди событій ежечасныхъ.* „Русск. Вѣстн.“ 1859 г., т. XXIII, сент., здѣсь это стихотвор. напечатано подъ общимъ заглавіемъ „Вечеромъ“ вмѣстѣ съ „Умолкъ шумъ улицъ“ (см. 181 стр. нашего текста), причемъ послѣднее—вначалѣ.Изд 63 г.

II. *Думы.* (Я снова здѣсь подъ сѣнью крова). Изд. 63 г. Повидимому, въ послѣдней строфѣ авторомъ опущено заключительное четверостишіе.

III. *Къ С. К. Н.* (Разбранена я вѣрно вами). Намеки стихотворенія объясняются политическими событіями 1848 г. См. примѣчаніе къ слѣдующему стихотворенію.

1849 г.

I. *Къ ужасающей пустынѣ.* „Отеч. Зап.“ 1855 г., т. CI, авг.; изд. 63 г. Эти стихи, какъ и предыдущіе, относятся къ бурнымъ событіямъ и ряду революцій 1848 г. С. А. Рачинскій („Татевскій Сборникъ“) разсказываетъ: „Въ умахъ бродили смутныя чаянія, возбужденныя бурею 1848 года. Но къ этимъ чаяніямъ старая писательница относилась скептически. Любила

она повторять слѣдующіе стихи, увѣряя, что не помнитъ, сама ли она ихъ сочинила, или кто-либо другой:

Въ глубинѣ полярной ночи
Позабытъ и одинокъ
Тщетно ты вперяешь очи
На бѣлѣющій востокъ.
Тщетно пышнаго разсвѣта
Сердце трепетное ждетъ:
Пропадетъ денница эта,
Это солнце не взойдетъ!

1850 г.

I. Laterna Magica. Изд. 63. Повидимому, подъ этимъ общимъ заглавіемъ К. Павлова предполагала напечатать цѣлый циклъ стихотвореній, къ которому данное являлось „Вступленіемъ“ (см. выше подъ 1844 г., примѣчаніе къ стихотворенію „Дума“ — „Сходилась я и расходилась“).

II. *Лампада изъ Помпеи.* Изд. 63 г.

III. *Вездѣ и всегда.* „Современникъ 1850 г. № 8 („Смѣсь“, стр. 320—322) и „Современникъ“ 1854 г. № 11 (Библіографія, стр, 36—37). „Совр.“ 1850 г. подписано: Новооткрытый поэтъ; объясненіе псевдонима въ „Соврем.“ 1854 г. № 11 („Смѣсь“). См. „Матеріалы для біографіи“, стр. XLII и наше изданіе томъ II, „Статьи“.

IV. *Воетъ вѣтеръ въ степи огромной.* Современникъ 1850 г. №8, подъ псевдонимомъ, „Новооткрытый поэтъ.“ См. примѣчаніе къ предыдущему стихотворенію.

1851 г.

I. *Къ могилѣ той завѣтной.* Изд. 63 г.

II. *Портретъ.* Изд. 63 г. Въ стихотвореніи рядъ намековъ на Н. Ф. Павлова, мужа К. К. Павловой.

III. *Серенада.* „Москвитянинъ“ 1851 г.; изд. 63 г. Въ „Москвит.“ въ строфѣ 6 и 7, ст. 3 и 1 читаются: „Какъ буря бъ *ни* грозила“; у насъ повторено чтеніе изд. 63 г.: „Какъ буря бъ *не*...“ Стихи обращены къ сыну К. К. Павловой, Ипполиту Николаевичу Павлову.

1852 г.

I. *Не разъ въ душѣ познавши смѣло.* „Русск. Вѣстн.“ 1859 г., т. XXI, май, изд. 63 г. Въ „Русск. Вѣстникѣ“ стихъ 1-ый читается: „Не разъ въ душѣ, познавшей смѣло....“, что, вѣроятно, правильнѣе, нежели чтеніе изд. 63 г., повторенное и въ нашемъ текстѣ.

II. *Молчала дума роковая.* Изд. 63 г. Стихи были посланы С. А. Рачинскому вмѣстѣ съ переводомъ идилліи А. Шенье „Слѣпой“ (наше изд. стр. 277).

III. *Младыхъ надеждъ и убѣжденій.* Изд. 63 г. Это, для автора, были тѣ „бредни пустыя“, о которыхъ

говоритъ предыдущее стихотвореніе. (См. „Татевскій сборникъ“, стр. 108).

1854 г.

I. *Мы странно сошлись. Средь салоннаго круга.* Изд. 63 г.

II. *Ты, уцѣлѣвшій въ сердцѣ нищемъ.* „Русск. Вѣстн.“ 1856 г., т. II; изд. 63 г.

III. *Мѣняясь долгими рѣчами.* Изд. 63 г.

IV. *Зачѣмъ судьбы причуда.* Изд. 63 г.

V. *Когда одинъ, среди степи Сирійской.* „Русск. Вѣстникъ“, 1859 г., т. XXI, іюнь; изд. 63 г. Въ „Русск. Вѣстн.“ стихотвор. раздѣлено на двѣ части, первыя 10 строфъ составляютъ I часть, озаглавлено Б. У. и имѣетъ варіанты:
ст. 1-ый: „Смотри, одинъ, среди степи Сирійской“
ст. предпослѣдній: „И не тревожься мыслію, что
кто-то....“

VI. *О быломъ, о погибшемъ, о старомъ.* „Отеч. Зап.“ 1855 г., № 8; изд. 63 г.

VII. *Къ ***.* (Когда шучу я наудачу). Изд. 63 г.

1855 г.

I. *Двѣ кометы.* „Русск. Вѣстникъ“, 1859 г., т, XXII, іюль; изд. 63 г.

II. *Ты силу дай! устамъ моимъ храненье..* Изд. 63 г.

III. *Прошло сполна все то, что было.* Изд. 63 г.

IV. *Н. П. Б-ой.* (Не хочу возставать, негодуя). Изд. 63 г.

V. *Къ* ***. (Да, я душой теперь здорова). Изд. 63 г.

VI. *Пловецъ.* Изд. 63 г.

VII. *Праздникъ Рима.* „Отеч. Зап.“ 1855 г., т. CIII, ноябрь; изд. 63 г. Въ „От. З.“ эпигр.: Quousque kandem..., и дата: Январь 1855 г., Санктпетербургъ.

VIII. *Памяти Е. Милькѣева.* (Глядитъ эта тѣнь, поднимаясь въ дали). Изд. 63 г. См. примѣчанія подъ 1838 г. на стихотвореніе I.

IX. *Когда карателемъ великимъ.* „Отечеств. Зап.“ 1855 г., т. CI, окт.; изд. 63 г.

1856 г.

I. *Люблю я васъ, младыя дѣвы.* „Пантеонъ“, 1856 г., кн. 4, „Отечеств. Записки“ 1856 г. т. CCCX; „Сборникъ лучшихъ произв. изд. Н. Щербины. СПБ. 1858 г.; „Русск. Вѣстн.“ 1860 г., т. XXV; изд. 63. Въ нашемъ изд., по ошибкѣ, это стихотвореніе отнесено въ отдѣлъ „Разныхъ лѣтъ“, безъ даты, (стр. 168).

1857 г.

I. *Ужинъ Полліона.* „Русскій Вѣстникъ“, 1858 г., т. XVI, августъ; изд. 63 г. Поэма С. Я. Надсона „Христіанка“, безусловно, навѣяна этими стихами К. Павловой.

II. *Средь золъ земныхъ, средь суеты житейской.* Изд. 63 г.

1858 г.

I. *Спутница фея.* „Русск. Вѣстн.“, 1859, т. XXIV; изд. 63 г.

II. *Ночлегъ Витикинда.* „Русскій Вѣстникъ“ 1860 г., т. XXVI, мартъ; изд. 63 г.

III. *Да, шли мы житейской дорогой.* Изд. 63 г., безъ даты, но среди стихотвореній 1858 г.

IV. *Не пора!* „Русск. Вѣстникъ“, 1858 г., т. XVI, августъ; изд. 63 г.

V. *А. Д. Блудовой.* „Русская Бесѣда“, 1859 г, № 5.

VI. Пропущено въ текстѣ нашего изданія („Русск. Вѣстн.“, 1858 г., т. XVI, авг.):

Стараться отдохнуть душою
Напрасно мнѣ велятъ они;
Не въ пользу, позднею порою,
Пошлются тихіе мнѣ дни.

Пріучена грозой всечасной
Я вѣрить въ близкую бѣду;
Смотря на сводъ эѳира ясный
Я громоносной тучи жду.

1859 г.

I. *Вѣчная память,* „Русская Бесѣда“, 1859 г., № 5.

1861 г.

I. *Отвѣтъ къ* *** (Да, въ годы прежніе владѣло). „День“, 1861 г., № 4; изд. 63 г.

Разныхъ лѣтъ (1858—1862).

I. *Гр. А. Н. Толстому.* (Спасибо вамъ! и это слово....). Изд. 63 г., безъ даты, съ заглавіемъ гр. А. К. Т....му.

II. *Трудъ ежедневный, трудъ упорный!* Изд. 63 г., безъ даты.

III. *Не гордою возьмемъ борьбою.* Изд. 63 г., безъ даты.

IV. *За тяжкій часъ, когда я дорогою....* Изд. 63 г., безъ даты.

V. *Люблю я васъ, младыя дѣвы.* См. примѣч. къ 1856 г.

VI. *Дума.* (Хоть усталая, дошла я). Изд. 63 г., безъ даты.

Фантасмагоріи (1858—1861 г.).

I. *Неаполь.* „Русск. Вѣстн.“, 1858 г., т. XVIII, дек.; безъ заглавія; изд. 63 г. Это и слѣдующія стихотворенія и также отрывокъ „Фантасмагоріи“ (томъ II стр. 257) вызваны впечатлѣніями путешествій К. Павловой за годъ 1858—1861. См. „Матеріалы для біографіи“, стр. XLIII—XLV.

II. *Снова надъ бездной, опять на просторѣ.* „Русск. Вѣстн.“, 1858 г., т. XVIII, дек.; изд. 63 г.

III. *Въ думѣ смотрю я на бѣгъ корабля.* Изд. 63 г.

IV. *Римъ.* „Русск. Вѣстн.“ 1858 г., т. XVIII, дек., безъ заглавія; изд. 63 г.

V. *Венеція.* „Русск. Вѣстн.“, 1858 г., т. XVII, сент.; изд. 63 г. Въ „Русскомъ Вѣст.“ заглавіе—„Венеція. Изъ фантасмагоріи“, причемъ далѣе подъ цифрою I слѣдуетъ стихотвореніе „Венеція“, а подъ цифрою II—стихотвореніе „Гондола“.

VI. *Гондола.* „Русск. Вѣстн.“, 1858 г., т. XVII, сент.; изд. 63 г. Въ „Русск. Вѣстникѣ“ (см. примѣчаніе къ предыдущему стихотв.) безъ отдѣльнаго заглавія и съ раздѣленіемъ на 5 строфъ, изъ которыхъ первыя 4 кончаются стихомъ „Баюкаютъ думы мои“, а 6-ая—„Баюкая думы мои“. Въ изд. 63 г. раздѣлено на четверостишія.

VII. *Умолкъ шумъ улицъ;—поздно.* Изд. 63 г.

VIII. *Бѣжалъ корабль, прорѣзывая бѣло.* Изд. 63 г.

IX. *Дрезденъ.* Изд. 63 г.

X. *Пильницъ.* Изд. 63 г.

XI. *Озеро Валенъ.* Изд. 63 г.

XII. *Портъ Марсельскій.* Изд. 63 г.

XIII. *Дорога.* Изд. 63 г.

Поэмы и драматическія сцены (1848—1855).

I. *Разговоръ въ Тріанонѣ.* „Русская потаенная литература XIX столѣтія“, изд. Trübner and C⁰. Съ пре-

дисловіемъ Н. Огарова. Лондонъ, 1861 г. Въ отдѣлѣ первомъ „Стихотворенія“, на стр. 332—339 напечатанъ „*Вечеръ* въ Тріанонѣ“—безъ обозначенія автора и года, съ безчисленными ошибками, мѣстами совершенно искажающими смыслъ. Въ свое время „Разговоръ въ Тріанонѣ“ не былъ пропущенъ цензурой и распространялся въ многочисленныхъ спискахъ (см. „Матеріалы для біографіи“, стр. XXXII—XXXIII). Въ нашихъ рукахъ находится одинъ изъ такихъ списковъ, сохранившійся въ бумагахъ П. И. Баратенева. Въ этой рукописи послѣ заглавія помѣчено: „Посвящено Н. Ф. Павлову“. Въ текстѣ рядъ—незначительныхъ варіантовъ, а именно—иная пунктуація, особенности орѳографіи (напр. слова Пророка, Дака, Адмирала—написаны съ большой буквы, Ave—подчеркнуто и т. под.) и слѣдующія разночтенія, являющіяся, можетъ быть, ошибками переписчика: въ строфѣ XX, ст. 3, вмѣсто „клики“—„гимны“, въ строфѣ XXV, ст. 6, вмѣсто „заступникъ“—„защитникъ“, въ строфѣ XXX, ст. 5, вмѣсто „мясомъ“—„мозгомъ“. Въ концѣ рукописи помѣщены слѣдующія „Примѣчанія“, составленныя, можетъ быть, самой К. Павловой:

Къ строфѣ II. „Одинъ былъ сыномъ юга“ и т. д.—Каліостро, человѣкъ, про котораго говорили, будто онъ жилъ нѣсколько тысячъ лѣтъ и который слылъ волшебникомъ.

Къ стр. III. „Другой, рябой и безобразный и т. д.— Мирабо, защитникъ свободы.

Къ стр. XVIII. „И повелѣлъ имъ, полонъ гнѣва, направо рѣзать и налѣво“—какъ объ томъ разсказано въ Библіи, книга Исходъ гл. XXXII, ст. 27—28.

Къ стр. XIX. „Забавы Рима“. Въ римскомъ циркѣ мучили впервые вѣка христіанъ, отдавая ихъ на растерзаніе звѣрямъ.

Къ стр. XX. „И умирающаго дака...“ Даки—жители страны Дакіи.

Къ стр. XXII. „Праздники Нерона“. Извѣстно, что Неронъ сжегъ Римъ, чтобы имѣть понятіе о пожарѣ Трои.

Къ стр. XXV. „Всходилъ, къ веселью черни дикой, ея заступникъ на костеръ“,—Саванаролла.

Къ стр. XXVI. „Воины Храма“—Тампліеры.

Къ стр. XXVII. „Избавительницы Края“—Іоанна д'Аркъ.

Къ стр. XXI. „Ночь Варѳоломея“—убіеніе протестантовъ въ Парижѣ и другихъ городахъ.

Къ стр. XXX. „Ватага угощала другъ друга мясомъ адмирала“—Колиньи.

Къ стр. XXXII. „Плаху короля“—Карла I англійскаго.

Къ стр. XXXIV. „Дѣву можетъ быть, иную“—Шарлоту Корде. „Иные, можетъ, тампліеры“—жирондисты.

А. И. Кирпичниковымъ, средь бумагъ П. А. Чаадаева въ Румянцевскомъ музеѣ въ папкѣ № 1034, былъ также найденъ списокъ „Разговора въ Тріанонѣ“, напечатанный въ „Русской Старинѣ“, 1897 г., № 1. Въ этомъ спискѣ, почти не отличающемся отъ нашего текста, читаются слѣдующіе варіанты:

Въ строфѣ I, ст. 1, вмѣсто „смѣнило“—„смѣняло“; стр. VI, ст. 4, вмѣсто „проглянетъ“—„прогрянетъ“ (лучшее чтеніе), ст. 6, вмѣсто „умолкнетъ“—„замолкнетъ“; стр. XXI, ст. 1, вмѣсто „Галлилеи“—„Галлилеѣ“; стр. XXXVI, ст. 5, вмѣсто „яркіе“—„ясные“.

А. И. Кирпичниковъ, сличая списокъ Румянц. Музея съ лондонскимъ изданіемъ, отмѣчаетъ слѣдующія важнѣйшіе варіанты этого послѣдняго:

Въ строфѣ I, ст. 3 и 4, вмѣсто „просіялъ“, „погасъ“—„засіялъ“, „угасъ;“ стр. III, ст. 2, вмѣсто „сверкали“—„блестѣли“; стр. IV, ст. 3, вмѣсто „по виду“—„повсюду“; стр. V, ст. 3, вмѣсто „мѣшался“—„встрѣчался“; ст. 5, вмѣсто „повадкой“—„походкой“; стр. VI, ст. 2, вмѣсто „слѣпое“—„младое“; ст. 4, вмѣсто „проглятетъ“ черни „ревъ“—„прогрянетъ (лучшее чтеніе) черни „вопль“; стр. VIII, ст. 2, вмѣсто „народа“—„народовъ“; стр. IX, ст. 6, вмѣсто „вырученныхъ“—„выстраданныхъ“ (лучшее чтеніе); стр. X, ст. 5, вмѣсто „я твердо вѣрю“—„Но“ твердо вѣрю“ (лучшее чтеніе); стр. XIII, ст. 2, вмѣсто „вспоминаешь“—„вспомнишь“; стр. XIV, ст. 3, вмѣсто „встать“

—„жить“; стр. XVII, ст. 5, вмѣсто „кричалъ“—„плясалъ“; стр. XVIII, ст. 1, вмѣсто „грознаго“—„гнѣвнаго“, ст. 6, вмѣсто „братій“—„братьевъ“; строфы XX нѣтъ; стр. XXIII, ст. 1, вмѣсто „видѣлъ“—„помню“ стр. XXIV, ст. 4, вмѣсто „ложась“—„ломясь“; стр. XXVII, ст 1, вмѣсто „потомъ“—„спустя“; ст. 3, вмѣсто „позорно“—„спокойно“; стр. XXVIII, ст. 4, вмѣсто „И разъ при взрывѣ злого гула“—„И только разъ при взрывѣ гула“; стр. XXIX, ст. 6, вмѣсто „безумной“—„свирѣпой“; стр. XXX, ст. 1, вмѣсто „узналъ я“—„я слышалъ“; стр. XXXIII, ст. 4, вмѣсто „опоръ“—„оковъ“; стр. XXXIV, ст. 3, вмѣсто „грѣшный“—„грозный“, ст. 6, вмѣсто „плахѣ“—„плахахъ“; стр XXXVI, ст. 1, вмѣсто „И“ вдаль..—„А“ вдаль..; ст. 5, вмѣсто „яркіе“—„ясные“; стр. XXXVII, два первые стиха, вмѣсто „Объятый мыслью роковою, Махнулъ онъ дерзко головою“—„И полонъ думой роковою, Тряхнулъ огромной головою“.

II. *Разговоръ въ Кремлѣ.* „Сѣверная Пчела“, 1854 г., № 226; отдѣльное изданіе: „Разговоръ въ Кремлѣ“, стихотвореніе К. Павловой, СПБ. 1854 г. Объ обстоятельствахъ, при которыхъ написана поэма, см. „Матеріалы для біографіи, стр. XLII. О журнальной полемикѣ, вызванной поэмой см. наше изд. томъ II, „Статьи“ и Примѣчанія къ нимъ. Въ „Дневникѣ“ А. В. Никитенко подъ 29 октября 1854 г., читаемъ: „Павлова, написавшая „Разговоръ въ Кремлѣ“,

ужасно хвастаетъ фразою: „Пусть гибнутъ наши имена—да возвеличится Россія.“ Любовь къ отечеству—чувство похвальное, что и говорить. Но выраженіе этой любви хорошо, когда оно истинно, когда оно не пустая звонкая фраза, а мысль реальная и вѣрная. Сказать: „пусть гибнутъ наши имена, лишь бы возвеличилось отечество“, значитъ высказать великолѣпную нелѣпость. Отечество возвеличивается именно сынами избранными, доблестными, даровитыми, которые не гибнутъ безъ смысла, безъ достоинства и самоуваженія. Оно первое чтитъ славныя имена этихъ сыновъ, сохраняетъ ихъ въ своей благодарной памяти, какъ святыню, и гордится ими, указывая на нихъ грядущимъ поколѣніямъ, какъ на образецъ, на подражанія. То, что говоритъ Павлова,—гиппербола и фальшь. Вообще, госпожа эта—особа крайне напыщенная. Она не безъ дарованія, но страшно всѣмъ надоѣдаетъ своей болтовней и навязчивостью. Къ тому же, единственный предметъ ея разговора—это она сама, ея авторство, стихи. Она всякому встрѣчному декламируетъ ихъ или, вѣрнѣе, выкрикиваетъ и поетъ. Лѣтомъ на дачѣ, она жила близко отъ меня и не давала мнѣ проходу, также какъ и Плетневу; мы буквально отъ нея бѣгали.“ (А. В. Никитенко. „Моя повѣсть о самомъ себѣ.“ Записки и дневникъ. Изд. 2-ое СПБ. 1904 г., томъ I, стр. 439).

Въ отдѣльномъ изд. „Разговора въ Кремлѣ“ помѣщены слѣдующія „Примѣчанія“:

Къ стр. XV. „Карлъ Великій Гаруна принималъ дары.“ Знаменитое посольство арабскаго халифа Гаруна аль-Рашида, который отправилъ къ Карлу Великому, между прочими богатыми дарами, слона и пленисферу или часы съ боемъ, первые въ Европѣ.

Къ стр. XVII. „И стражей воинства Христова— Сталъ надъ пучиною Родосъ?“. Крестовые рыцари св. Іоанна Іерусалимскаго, тѣснимые въ Сиріи мусульманами, овладѣли островомъ Родосомъ и воздвигли на немъ твердыню, которая болѣе двухъ столѣтій (1310—1530) отражала удары египтянъ и турокъ.

Къ стр. XVIII. „Поборникъ умеръ восклицая: Ерусалимъ! Ерусалимъ!“ Св. Людвигъ, король французскій, уже больной, взялъ снова крестъ (1270) и поплылъ въ Африку сражаться противъ мусульманъ (послѣдній крестовый походъ). Онъ умеръ подъ стѣнами Туниса. Послѣднія слова его были: Іерусалимъ! Ісрусалимъ!

Къ стр. XX. „...озарило.... Преображеніе Рафаила— Его отжившія черты?“ Извѣстно, что гробъ Рафаэля выставленъ былъ въ его мастерской подъ великолѣпною, не совсѣмъ еще оконченною имъ, картиной Преображенія Господня (1538 г.). Онъ умеръ въ Страстную Пятницу.

Къ той же строфѣ „....Медина велъ армаду". Такъ названная „непобѣдимая армада" короля испанскаго,—флотъ, состоящій изъ 150 судовъ, которыя велъ противъ Англіи герцогъ Медина Сидонія (1588).

Къ стр. XXI. „...нашъ блескъ.... проникъ до этого Кремля". Извѣстно покровительство, которое царь Алексѣй Михайловичъ оказывалъ иностранцамъ, и желаніе его воспользоваться плодами науки и просвѣщенія запада.

Къ стр. XXIII. „...Пипина сынъ...." Карлъ Великій.

Къ стр. XXIV. „....папа дружбу мусульмана подобострастно покупалъ." Разорвавъ въ концѣ IX вѣка, связь съ Восточною церковью, папы впали въ глубочайшее униженіе; развратъ и безсиліе римскаго двора въ эту пору мало чѣмъ уступали времени Борджіевъ. Престоломъ св. Петра располагали много лѣтъ двѣ безстыдныя женщины, мать и дочь, Теодора и Мароція, а въ то же время африканскіе арабы, въ Сициліи, безпрестанно нападали на Италію, не разъ подходили къ самому Риму и заставляли папъ откупаться отъ нихъ дорогою цѣною. Только вмѣшательство нѣмецкаго короля Оттона Великаго положило конецъ этой позорной эпохѣ (964).

Къ стр. XXVI. „Какой-то инокъ Даніилъ". Во время 2-го крестоваго похода пришелъ во Св. Землю паломникъ Даніилъ и испросилъ у Іерусалимскаго короля Балдуина позволеніе поставить на Гробѣ

Господнемъ въ Свѣтлое Христово Воскресеніе (1115 г.) кандило *за всю землю русскую* (припомнимъ, что это было у насъ гибельное время княжескихъ распрь и половецкихъ набѣговъ). О Даніилѣ см. прекрасный разсказъ г. Шевырева въ его лекціяхъ объ исторіи Русской Словесности.

Къ стр. XXIX. „Послалъ на поле Куликово намъ помощь Онъ своихъ чудесъ". На Мамаевомъ побоищѣ татаре начинали уже брать верхъ, какъ предъ войскомъ христіанскимъ явились св. Мученики Борисъ и Глѣбъ на бѣлыхъ коняхъ, и одушевленные этимъ видѣніемъ, воины Димитрія сломили силу татарскую.

Къ стр. XXX. „Саадевра"—Сервантесъ.

Къ стр. XXXI. „Кто былъ Евпатій и Прѣтичъ". Воевода Прѣтичъ и Кіевскій отрокъ, котораго имя не записано Несторомъ, спасли Кіевъ съ Ольгою и Владиміромъ—младенцемъ отъ печенѣговъ, въ то время, какъ Святославъ воевалъ въ Болгаріи (968). Евпатій, герой рязанскій, бросившійся одинъ на рать Батыя, воспѣтъ Языковымъ.

Къ стр. XXXII. „...перчаточника сынъ..."—Шекспиръ.

Къ стр. XXXIII. „Монаха смѣлыя слова". Извѣстенъ ужасный пожаръ Москвы 1547 г., когда къ молодому Іоанну IV, удалившемуся на Воробьевы горы, явился Сильвестръ, и силою рѣчи своей про-

извелъ на сердце царя то впечатлѣніе, которому Россія была обязана многими лѣтами благоденствія.

Къ стр. XXXIV. „Спасалъ Россію гуртовщикъ“ Кузьма Мининъ Сухорукій, нижегородскій мѣщанинъ, торговавшій рогатымъ скотомъ.

Къ стр. XXXV. „Безъ средствъ, безъ рати, безъ царя“... Время междуцарствія.

Къ стр. XXXVI. „Тому назадъ лишь двадцать лѣтъ“. Авторъ предполагаетъ, что разговоръ происходилъ въ 1832 г.

Къ стр. XXXVII. „Ревелъ въ немъ бунтъ, и билъ набатъ“... Стрѣлецкіе бунты во время дѣтства Петра Великаго не разъ угрожавшіе ему смертію, отъ которой онъ сохраненъ былъ видимымъ заступленіемъ Промысла.

Къ стр. XXXVIII „...шли богомерзкіе пиры“. Такъ называемые ужины регенства (les soupers de la Régence).

Къ стр. XLIII „....сельцо Московъ“. Подъ этимъ именемъ является Москва въ древнѣйшемъ извѣстіи, 1147 года: „И приславъ Гюрги (Юрій Долгорукій) и рече: Приди ко мнѣ, брате, въ Московъ“ (Ипатіевская лѣтопись).

III. *Сцена.* Изд. 63 г.

ПЕРЕВОДЫ

Вальтеръ Скотъ. I. *Розабелла.* „Отеч. Зап.“ 1839 г., т. VII, № 12.

Въ Отеч Зап. къ этому стихотворенію сдѣлано слѣдующее примѣчаніе: Изъ поэмы „Послѣдняго Минстреля“ (The Lay of the last Minstrel). Бароны Saint Clair владѣли Оркадскими островами и на одномъ изъ нихъ построили замокъ Росслинъ. Есть преданіе, что каждый разъ, въ ночь передъ смертью какого-нибудь члена этой знаменитой фамиліи замокъ и его окрестности озаряются чуднымъ блескомъ и кажутся въ огнѣ.

Вальтеръ Скотъ. II. *Яша.* „Отеч. Зап.“ 1839 года, т. VI, № 9.

„ III. *Военная пѣсня клана Макгрегоръ.* „Отеч Зап.“ т. V, № 7.

„ IV. *Клятва Мойны.* „Отеч. Зап.“ 1839 г. т. III, № 5.

„ V. *Предѣлъ родной.* „Утренняя Заря“ на 1840 г.

„ *Пѣснь.* (О дѣва, жребій твой жестокъ!)„ Одесск. альманахъ“, 1844 г.

„ VII. *Пѣсня.* (Красивъ Брингала брегъ крутой) „Отеч. Зап.“ 1840 г. т. X, № 5.

Байронъ. I. *Аполлонъ Бельведерскій.* „Москвитянинъ“ 1841 г., № 12.

„ II. *Къ...* (Хоть гроза непріязни) „Рус. Вѣстн.“ 1858 г., т. XX; изд. 63 г.

„ III.—Пропущенное въ текстѣ нашего изд. (Москвитянинъ, 1841 г. № 3.):

ПОСЛѢДНІЕ СТИХИ ЛОРДА БАЙРОНА.

(Въ день его рожденія, когда ему минуло 36 лѣтъ).

Пора остыть душѣ гонимой,
Когда остыли къ ней давно;
Но пусть любить и не любимой
Ей суждено!

Погибло въ цвѣтѣ наслажденье,
Поблекла жизнь, какъ дубъ лѣсовъ,
И червь остался мнѣ и тлѣнье
Отъ всѣхъ плодовъ.

Вулкану мрачному подобный
Горитъ огонь груди моей;
Онъ не зажжетъ—костеръ надгробный,—
Другихъ огней.

Нѣтъ силы чувствъ въ душѣ усталой,
Нѣтъ слезъ въ сердечной глубинѣ,

Любви былой, любви завялой
Лишь цѣпь на мнѣ.

Но не теперь дано мнѣ право
Грудь думой праздной волновать,
Но здѣсь, гдѣ осѣняетъ слава
Святую рать.

Гремитъ война, кипитъ Эллада,
Насталъ свободы новый вѣкъ;
На щитъ, какъ древній Спарты чадо,
Ложится грекъ.

Проснись:—не ты уже такъ смѣло
Проснувшійся, безсмертный край!—
Проснись, мой духъ! живое дѣло
И ты свершай!

Во прахъ безсмысленныя страсти!
Созрѣлый мужъ! тотъ бредъ младой
Давно бы долженъ ужъ безъ власти
Быть надъ тобой.

Иль не жалѣй о прежнемъ болѣ,
Иль умирай!—здѣсь смерть славна;—
Иди да встрѣтитъ же на полѣ
Тебя она!

Найти легко тебѣ средь боя
Солдата гробъ; взгляни кругомъ,
И мѣсто выбери любое
И лягъ на немъ.

Томасъ Муръ.	I. *Приди, я заплачу съ тобой.* „Москвитянинъ“, 1841 г., № 9.
Кембель.	I. *Гленара.* (Шотландская баллада) „Отеч. Зап.“ 1839 г., т. III, № 5.
Э. Шульце.	I. *Пѣснь пѣвца.* (Заключеннымъ дѣвамъ) „Одесск. альман.“ на 1840 г.
Р. Рюккертъ.	I. *Пойми любовь! Ищи во взорахъ милой.* „Отеч. Зап.“ 1839 г. т. III, № 5.
Г. Гейне.	I. *Лорелея.* „Отеч. Зап.“ 1839 г., т. IV, № 7.

Къ стихотворенію сдѣлано слѣдующее примѣчаніе: — На берегахъ Рейна существуетъ народная молва, что на одной скалѣ, у подошвы которой находятся опасные подводные камни, каждый вечеръ сидитъ прелестная женщина; она расчесываетъ свои длинные волосы и поетъ столь восхитительную пѣсню, что всѣ плывущіе по рѣкѣ очаровываются ея звуками, не могутъ свести глазъ съ очаровательницы и, такимъ образомъ, погруженные въ созерцаніе ея, наѣзжаютъ на подводные камни и погибаютъ. Народъ называетъ эту пѣвицу Лорелея.

Фрейлигратъ.	I. *Бивакъ.* „Москвитянинъ“ 1841 г., № 7.
	II. *Гробовщикъ.* Изд. 63 г.
Ю. Гаммеръ.	I. *Превозмоги печаль свою.* „День“ 1861 г., № 36; изд. 63 г.
Ходзько.	I. *Литовская пѣсня.* (Землю, какъ гонецъ) „Отеч. Зап.“ 1839 г. т. VI, № 7.
Викторъ Гюго.	I. *Видѣніе.* (Увидѣвъ ангела въ стемнѣвшейся лазури) „Русск Вѣст.“, 1858 г., т XVI, авг. Изд. 63 г.

Переводы неизвѣстныхъ авторовъ.

I. *Эдваръ.* (Старинная шотландская баллада). „Отеч. Зап.“ т. VI, № 11.

Въ Отеч. Зап. къ этому стихотворенію сдѣлано примѣчаніе редакціи: „Это стихотвореніе принадлежитъ къ числу самыхъ древнихъ шотландскихъ балладъ. Русская переводчица, умѣющая съ такой энергіей передавать чужеземныя народныя пѣснопѣнія, перевела и эту балладу слово-въ-слово и съ намѣреніемъ удержала это многозначительное о! которымъ въ подлинникѣ оканчивается каждое четверостишіе. Отъ повторенія этого о! въ цѣломъ стихотвореніи слышится какой-то болѣзненный стонъ, который въ подлинникѣ придаетъ особенную силу цѣ-

лой пьесѣ, и который, несмотря на странность его, долженъ былъ необходимо сохраниться и въ переводѣ".

II. *Баллада* (Здравствуй, нашъ монахъ печальный). „Москвитянинъ", 1841 г., № 4, гдѣ заглавіе: „Баллада 1558 г."

III. *Странникъ*. „Москвитянинъ", 1841 г., № 12.

IV. *Восторговъ предаваясь власти*. Изд. 63 г.

Андрэ Шенье. I. *Слѣпой*. „Отеч. Зап.", 1855 г., т. XCIX, мартъ, апр.

А. Шамиссо. I. Salas y Gomez. Изд. 63 г.

Портретъ К. К. Павловой (рис. худ. Э. Мамонова) относится, по всей вѣроятности, къ концу 40-хъ годовъ, онъ воспроизведенъ изъ „Альбома Выставки 1952—1902 г. въ память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго, устроенной Общ. Любит. Россійск. Словесности въ залахъ Истор. Музея съ 21 февр. по 12 апр., (стр. 37) 1902 г. Москва. Изд. К. А. Фишера."

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ К. ПАВЛОВОЙ.

стр.

Предисловіе III
Матеріалы для біографіи Каролины Павловой XI

ЛИРИКА И БАЛЛАДЫ. 1838—1861.

1838 г.

I. Е. Милькѣеву (Да, возвратись въ пріютъ свой скудный) 3

1839 г.

I. Да иль нѣтъ (За листкомъ листокъ срывая) 5
II. „Шопотъ грустный, говоръ тайный“ 6
III. Сонетъ (Не дай ты потускнѣть душѣ зеркально-чистой) 7
IV. „Есть любимцы вдохновеній“ 8
V. „Да, много было насъ, младенческихъ подругъ“ . . . 10
VI. Поэтъ (Онъ вселенной гость, ему всюду пиръ) . . . —

1840 г.

I. Дочь жида (Томно вѣютъ сикоморы) 12
II. Монахъ (Блѣдноликій) 14
III. Мотылекъ (Чего твоя хочетъ причуда?) 16
IV. Пѣсня (Небо блещетъ бирюзою) 17
V. Старуха (Не гони неутомимо) 18

стр.
VI. „Нѣтъ, не имъ твой даръ священный“ 22
VII. Н. М. Языкову (Невѣроятный и нежданный) 24
VIII. Дума (Грустно вѣтеръ воетъ) 25
IX. 10-го ноября 1840 г. (Среди заботъ и въ людной той пустынѣ) 27

1841 г.

I. Графинѣ Е. П. Растопчиной (Мы—современницы, графиня) 29
II. Огонь (Блещетъ долъ оледенѣлый) 30
III. Графинѣ Е. П. Растопчиной (Какъ сердцу вашему внушили) 34
IV. Рудокопъ (Въ подземной тьмѣ, въ тиши глубокой) . . 35

1842 г.

I. Н. М. Языкову (Привѣтствована вновь поэтомъ) . . 46
II. „Читала часто, съ грустью дѣтской“ 48
III. „Была ты съ нами неразлучна“ 50
IV. „Къ тебѣ теперь я думу обращаю“ 52
V. Е. А. Баратынскому (Случилося, что въ край далекій) 53
VI. Донна Инезилья (Онъ знаетъ то, что я таить должна) 55
VII. Разсказъ (Черезъ садъ пустой и темный кто-то) . . . 56

1843 г.

I. Дума (Вчера листы изорваннаго тома) 62
II. Дума (Когда въ раздоръ съ самимъ собою) 63

1844 г.

I. Москва (День тихихъ грезъ, день сѣрый и печальный) 65
II. Н. М. Языкову (Средь празднаго, людскаго шума) . . 67
III. Дума (Не разъ себя я вопрошаю строго) 69
IV. Дума (Сходилась я и расходилась) 70

стр.

1845 г.

I. Къ С. (Въ толпѣ взыскательно-холодной) 72
II. Три души (Въ нашъ вѣкъ томительнаго знанья) . . . 73

1846 г.

I. Думы (Зоветъ насъ жизнь: идемъ, мужаясь, всѣ мы) . 78
II. И. С. Аксакову (Въ часы раздумья и сомнѣнья) . . . 82
III. Прочтя стихотворенiе молодой женщины (Опять отзывъ печальной сказки) 84
IV. Н. М. Языкову (Нѣтъ! не могла я дать отвѣта) . . . 85

1847 г.

I. Сфинксъ (Эдипа Сфинксъ, увы! онъ пилигрима) . . 87

1848 г.

I. „Среди событiй сжечасныхъ“ 88
II. Думы (Я снова здѣсь, подъ сѣнью крова) 89
III. Къ С. К. Н. (Разбранена я вѣрно вами) 90

1849 г.

I. „Къ ужасающей пустынѣ“ 94

1850 г.

I. Laterna Magica (Марая листъ, объ осужденiи колкомъ) . 95
II. Лампада изъ Помпеи (Отъ грозныхъ бурь, отъ бѣдствiй края) 97
III. Вездѣ и всегда (Гдѣ ни бродилъ съ душой унылой) . 98
IV. „Воетъ вѣтръ въ степи огромной“ 100

1851 г.

I. „Къ могилѣ той завѣтной“ 102
II Портретъ (Сперва онъ думалъ, что и онъ поэтъ) . . —
III. Серенада (Ты все, что сердцу мило) 104

стр.

1852 г.

I. „Не разъ въ душѣ познавши смѣло“ 106
II. „Молчала дума роковая“ . . . . . —
III. „Младыхъ надеждъ и убѣжденій“ 107

1854 г.

I. „Мы странно сошлись. Средь салоннаго круга“ . . . 109
II. „Ты, уцѣлѣвшій въ сердцѣ нищемъ“ 110
III. „Мѣняясь долгими рѣчами“ 111
IV. „Зачѣмъ судьбы причуда“ 112
V. „Когда одинъ среди степи Сирійской“ 113
VI. „О быломъ, о погибшемъ, о старомъ“ 116
VII. Къ *** (Когда шучу я наудачу) 117

1855 г.

I. Двѣ кометы (Текутъ въ согласіи и мирѣ) 119
II. „Ты силу дай! устамъ моимъ храненье“ 120
III. „Прошло сполна все то, что было“ 121
IV. Н. П. Б-ой (Не хочу возставать, негодуя) . . . . . —
V. Къ *** (Да, я душой теперь здорова) 123
VI. Пловецъ (Колыхается океанъ ненастный) 125
VII. Праздникъ Рима (Врагъ побѣжденъ, взятъ островъ Мона) 126
VIII. Памяти Е. Милькѣева (Глядитъ эта тѣнь, поднимаясь въ дали) 129
IX. „Когда карателемъ великимъ 131

1857 г.

I. Ужинъ Полліона (Въ дни кесаря Веспасіана) 133
II. „Средь золъ земныхъ, средь суеты житейской“ . . . 142

стр.

1858 г.

I. Спутница Фея (Явилась впервой мнѣ въ часъ дивный она) 144
II. Ночлегъ Витикинда (Ихъ двое шло, ночной порою) . 150
III. „Да, шли мы житейской дорогой“ 156
IV. Не пора (Нѣтъ! въ этой жизненной пустынѣ) 157
V. А. Д. Блудовой (Писали подъ мою диктовку) 158

1859 г.

Вѣчная память (Вчера я бесѣдовалъ съ вами, друзья) 160

1861 г.

I. Отвѣтъ къ *** (Да,—въ годы прежніе владѣло) . . . 1 3

Разныхъ лѣтъ.

1858-1862 г.

I. Гр. А. К. Толстому (Спасибо вамъ! и это слово) . . 165
II. „Трудъ ежедневный, трудъ упорный“ 166
III. „Не гордою возьмемъ борьбою“ . . . . . —
IV „За тяжкій часъ, когда я дорогою“ 167
V. „Люблю я васъ, младыя дѣвы“ 168
VI. Дума (Хоть усталая, дошла я) 169

Фантасмагоріи.

1858-1861 г.

I. Неаполь (На палубѣ въ утренній часъ я стояла) . . 72
II. „Снова надъ бездной, опять на просторѣ“ 173

стр.
III. „Въ думѣ смотрю я на бѣгъ корабля“ 174
IV. Римъ (Мы ѣдемъ поляною голой) 175
V. Венеція (Паровъ исчезло покрывало) 176
VI. Гондола (Всталъ мѣсяцъ;—скольжу я въ гондолѣ) . . 177
VII. „Умолкъ шумъ улицъ;—поздно“ 181
VIII. „Бѣжалъ корабль, прорѣзывая бѣло“ 182
IX. Дрезденъ (Смотрю съ терассы. Даль береговая) . . . 183
X. Пильницъ (Въ свое осеннее убранство) 184
XI. Озеро Валенъ (День весенній всходитъ ало) 185
XII. Портъ Марсельскій (Море!..—вотъ море!—Я съ верфи впервые) 186
XIII. Дорога (Тускнѣетъ въ каретѣ, безсильно мерцая) . . 187

РАЗГОВОРЪ ВЪ ТРІАНОНѢ (1848 г.). РАЗГОВОРЪ ВЪ КРЕМЛѢ (1854 г.). СЦЕНА (1855 г.)

I. Разговоръ въ Тріанонѣ 191
II. Разговоръ въ Кремлѣ 200
III. Сцена 215

ПЕРЕВОДЫ ЛИРИЧЕСКИХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ И ПОЭМЪ

Вальтеръ Скоттъ.

I. Розабелла (Не разскажу вамъ, красотамъ) 233
II. Яша (Что плачешь ты, краса моя) 235
III. Военная пѣснь клана маккрегоръ (Луна надъ рѣкой и туманы кругомъ) 237
IV Клятвы Мойны (Вотъ клятва Мойны молодой) 239
V. Предѣлъ родной (О, дѣва! съ горной высоты) . . . 240
VI. Пѣснь (—„О, дѣва! жребій твой жестокъ!) 241
VII. Пѣсня (Красивъ Бригнала брегъ крутой) 242

стр.

Байронъ.

I. Аполлонъ Бельведерскій (Вотъ онъ—владыка неизбѣжныхъ стрѣлъ) 246
II. Къ... (Хоть гроза непріязни и горя) 247

Томасъ Муръ.

I. Приди, я заплачу съ тобой (Зарю твою утренней тучей) 249

Кембель.

I. Гленара (О, слышите ль вы тотъ напѣвъ гробовой) . 251

Э. Шульце.

I. Пѣснь пѣвца (Въ предѣлѣ дальномъ) 253

Р. Рюккертъ.

I. „Пойми любовь! Ищи во взорахъ милой“ 255

Г Гейне.

I. Лорелея (И горюя и тоскуя) 256

Фрейлигратъ.

I. Бивакъ (Окопъ въ степи дремучей) 258
II. Гробовщики (Прискорбное дѣло ведется къ концу) . . 261

Ю. Гаммеръ.

„Превозмоги печаль свою“ 263

стр.

Ходзько.

I. Литовская пѣсня (Землю какъ гонецъ) 265

Викторъ Гюго.

I. Видѣніе (Увидѣлъ Ангела въ стемнѣвшей я лазури) . 267

Неизвѣстныхъ авторовъ.

I. Эдвардъ (—Какъ грустно ты главу склонила) 268
II. Баллада (Здравствуй, нашъ монахъ печальный) 271
III. Странникъ (Съ вершинъ пустынныхъ я сошелъ) . . . 274
IV. „Восторговъ предаваясь власти“ 276

Андрэ Шенье.

I. Слѣпой 277

А. Шамиссо.

I. Salas y Gomez 288

ПРИМѢЧАНІЯ РЕДАКТОРА.